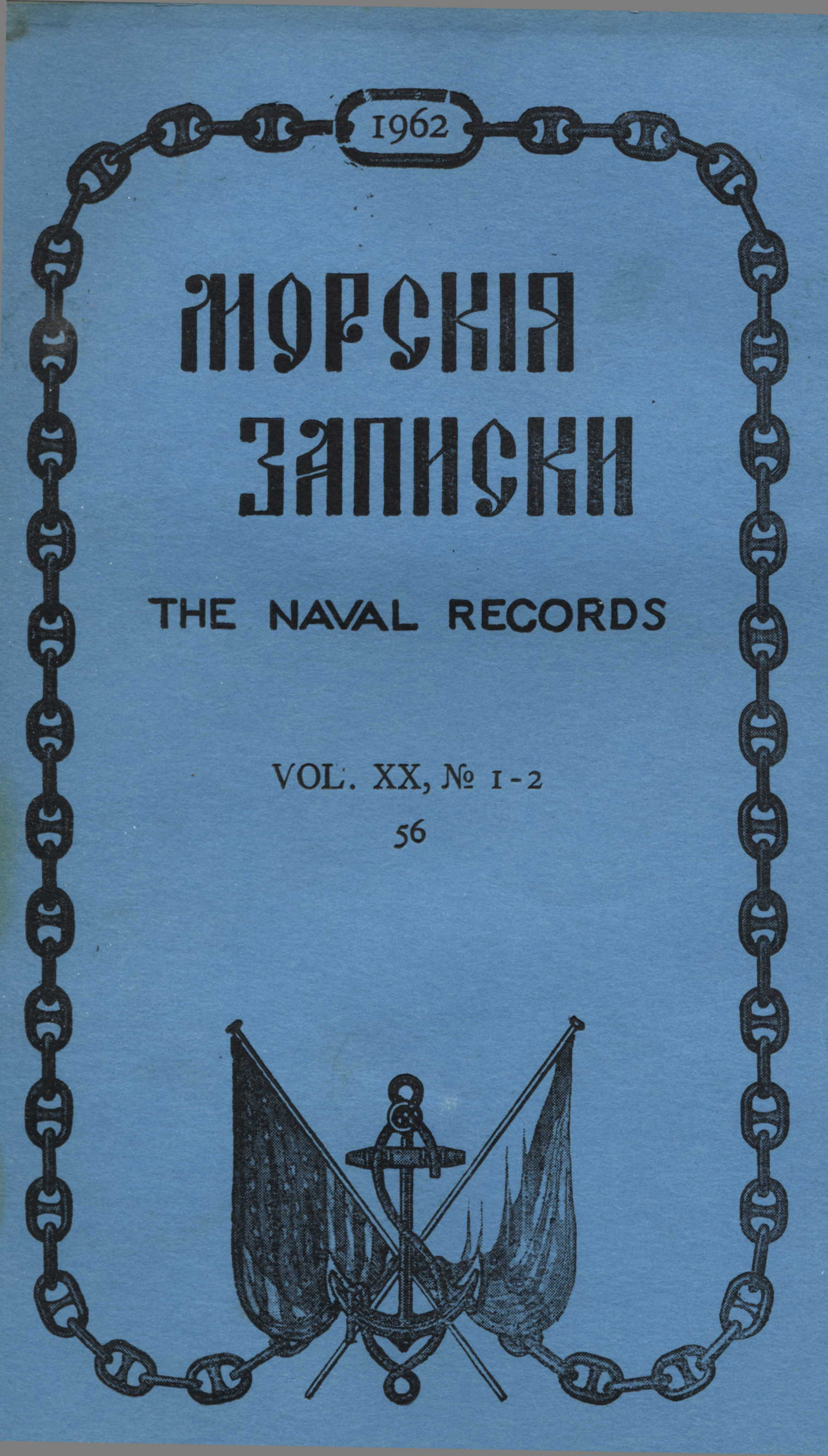

1962
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XX, № 1-2
56

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ
Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ

подъ редакціей
Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ

465, Лексингтонъ авеню
Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS
Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue,
New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XX, № 1-2 – (56) Price $ 3.oo yearly April 1962

СОДЕРЖАНІЕ :

CONTENTS :

РЕДАКЦІЯ

благодаритъ подписчиковъ и друзей "Морскихъ Записокъ" за поддержку и надѣется, что и въ будущемъ они дадутъ возможность продолжать изданіе этого журнала.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

на 1962 годъ.
20-ый годъ изданія.

Цѣна $ 3.00 въ годъ.
съ пересылкой.

Вышла и поступила въ продажу книга

контръ-адмирала С. Н. Тимирева

«ВОСПОМИНАНІЯ МОРСКОГО ОФИЦЕРА»

БАЛТІЙСКІЙ ФЛОТЪ ВЪ ВОЙНУ И РЕВОЛЮЦІЮ
1914 - 1918

Цѣна съ пересылкой — $ 3.00

Для пріобрѣтающихъ книгу черезъ "Морскія Записки" — цѣна 2.50 съ пересылкой

Подписка принимается у:

S. V. Glad,
600 West 146th St. Apt. 52. New York 31, N. Y.
G. C. Dvorjitsky, 634 West 135th St. New York 31, N. Y.
Y. V. Solovieff, 75 East 93rd Street, New York 28, N. Y.
G. N. Taube, 465 Lexington Ave., New York 17, N. Y.

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ
ВО ФРАНЦІИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕМЪ

«МОРСКИХЪ ЗАПИСОКЪ»

во Франціи

любезно согласился быть:

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ

Mr. Vladimir Yacovleff 5 bis, rue de Tourville Saint-Germain-Laye (S. and O.)
Cheque Postal c/c. No. 15. 134. 02 - Paris.

Просьба обращаться къ нему по всѣмъ вопросамъ, касающимся "Морскихъ Записокъ".

Н. Ѳоминъ.

ЕЩЕ О ЗАЩИТѢ ИРБЕНСКАГО ПРОЛИВА ВЪ КАМПАНІЮ 1915 ГОДА

О происходившей въ іюлѣ и августѣ 1915 года борьбѣ за обладаніе западнымъ выходомъ въ Рижскій заливъ — Ирбенскій проливъ — между отрядомъ германскаго флота и русскими Морскими Силами Рижскаго залива мнѣ приходилось читать разные источники, въ томъ числѣ и послѣднюю книжку А. И. Матвѣева, издательства Министерства Обороны СССР 1957 г.

Къ сожалѣнію, нѣмецкихъ описаній этихъ дней мнѣ прочесть не удалось. Зато, случайно мнѣ попался въ руки американскій журналъ „Current History“ Monthly Magazine „New York Times“ за 1916 годъ. Въ немъ есть хронологическая запись событій войны съ 12 августа по 12 сентября 1915 г. (н. с.), гдѣ, подъ рубрикой: „Naval Records General“ значится: «Августа 21 (8 по с. с.) русскій флотъ нанесъ пораженіе германскому флоту, проникшему въ Рижскій заливъ».

Насъ не балуютъ такими оцѣнками нашихъ морскихъ операцій даже русскіе, посторонніе флоту писатели и историки, а для совѣтскаго современнаго читателя такая фраза показалась бы совершенно непонятной.

А между тѣмъ, въ тѣ дни 1915 года, весьма освѣдомленное и авторитетное въ морскихъ дѣлахъ Британское Адмиралтейство настолько высоко оцѣнило успѣхъ нашей обороны Ирбена, что тогда же, по собственной инціативѣ, прислало 4 ордена «Дистинг. Сэрвисъ Кроссъ» для награжденія,

по усмотрѣнію Командующаго Балтійскимъ флотомъ, наиболѣе отличившихся оберъ-офицеровъ, участниковъ боевъ за Ирбенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было недооцѣнить важность неудачи германскаго флота въ тотъ періодъ войны, при учетѣ сложившейся на фронтѣ войны обстановки. Прочное обладаніе воднымъ пространствомъ Рижскаго залива дало бы возможность германскому флоту поддержать свои силы, все время стремившіяся захватить Ригу. А это могло сломить сопротивленіе очень слабыхъ силъ, находившихся на крайнемъ правомъ флангѣ нашего сухопутнаго фронта. Достаточнымъ доказательствомъ этого послѣдняго утвержденія являются событія конца октября и начала ноября того же года, когда наши войска, тѣснимыя непріятелемъ, находились на этомъ критическомъ участкѣ въ отступленіи, когда сухопутный Начальникъ обратился къ флоту за помощью. Флотъ пришелъ, привычный въ прошломъ къ организованной совмѣстной боевой работѣ именно съ этимъ сухопутнымъ Начальникомъ, своимъ огнемъ спасъ положеніе нашихъ войскъ, а черезъ три недѣли наши оправившіяся войска при поддержкѣ всей артиллеріи того же флота атаковали непріятеля и заняли удобную для дальнѣйшей обороны позицію, г. Кеммернъ, который удержали до революціи. Что было бы, если поддержка съ моря была на противоположной сторонѣ, т. е. дѣйствовалъ бы тутъ не русскій отрядъ кораблей, а отрядъ германскаго могучаго въ то время флота?

Отступленіе съ позиціи по линіи Западной Двины означало или непосильное по тому времени большое удлиненіе фронта, или отходъ на позиціи подъ Краснымъ Селомъ, т. е. близъ С.-Петербурга. А при такомъ отходѣ обнажался бы со стороны суши лѣвый флангъ Морской Центральной позиціи Финскаго залива по линіи Ревель-Поркалауддъ, прикрывавшей подступы съ моря къ самой Имперіи. Таково было мнѣніе высокихъ штабовъ того времени. Недаромъ у морскихъ начальниковъ, отвѣтственныхъ за оборону Ирбена, выкристаллизовалась фраза: «Лѣвый флангъ Центральной позиціи Финскаго залива находится въ Ирбенѣ».

Въ свѣтѣ этихъ соображеній и отмѣчая общую неполноту, а иногда и неправильность освѣщенія разбираемыхъ операцій, которыя мнѣ приходилось наблюдать въ опубликован-

ныхъ до сего времени трудахъ на русскомъ языкѣ, мнѣ захотѣлось дать при посредствѣ нашихъ «Морскихъ Записокъ» свою долю воспоминанiй объ этихъ событiяхъ съ исключительной цѣлью правдиво пополнить то, что написано до сихъ поръ.

Состоя въ кампанiи 1915 и 1916 г.г. въ должности старшаго флагъ-офицера и завѣдующаго оперативной частью штаба Начальника Минной Дивизiи Балтiйскаго флота, я естественно находился въ курсѣ всего происходившаго, т. к. Начальнику Минной Дивизiи приказомъ Командующаго флотомъ были подчинены въ оперативномъ отношенiи всѣ морскiя силы Рижскаго залива, въ составъ которыхъ, въ разгарѣ событiй, входило до 60-ти вымпеловъ всѣхъ категорiй военнаго флота. Всѣ шифры находились у меня на рукахъ, я лично шифровалъ и расшифровывалъ всѣ депеши. Всѣ средства сигнализацiи и связи состояли въ моемъ управленiи. Начальникъ Дивизiи самолично, конечно, присутствовалъ во всѣхъ самыхъ отвѣтственныхъ боевыхъ операцiяхъ, и я, состоя при немъ, имѣлъ случай все видѣть и наблюдать.

Флагманскiе миноносцы мѣнялись вслѣдствiе расхода топлива и необходимости ремонта, но Начальникъ Дивизiи и его штабъ, переходя отъ одного миноносца на другой, все время оставались въ Ирбенѣ. Въ критическiе мѣсяцы систематическаго нажима нѣмцевъ въ iюнѣ, iюлѣ и августѣ 1915 г. было подрядъ 63 дня, когда мы не ступили ни разу на твердую землю.

Итакъ, перехожу къ описанiю событiй. Еще весной 1915 года мы продолжали разсматривать Моонзундъ и Рижскiй заливъ всего лишь какъ операцiонную базу Минной Дивизiи, дававшую возможность укрытыхъ якорныхъ стоянокъ и входа въ открытое море изъ Ирбенскаго пролива для активныхъ операцiй у непрiятельскихъ береговъ. Это базированiе обезпечивало болѣе глубокое проникновенiе на пути сообщенiя непрiятеля и болѣе выгодное использованiе покрова ночи, что было очень важно для нашихъ относительно тихоходныхъ миноносцевъ до-новиковскаго типа. Этимъ и пользовалась Минная Дивизiя въ кампанiю 1914 года.

Въ кампанiю 1914 года было нѣсколько замѣчательныхъ походовъ полудивизiона особаго назначенiя. Они, какъ и

походы эск. мин. «Новикъ», описаны въ книгѣ кап. 2 р. Г. К. Графъ «На Новикѣ».

Въ январѣ 1915 г. я вернулся на Минную Дивизію и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей въ Штабѣ Начальника Дивизіи.

Въ началѣ апрѣля 1915 г., когда Моонзундъ былъ еще скованъ льдомъ, а Ирбенскій проливъ, какъ всегда бываетъ, уже освободился, нѣмецкіе миноносцы произвели рейдъ въ Рижскій заливъ, обстрѣлявъ нѣсколько нашихъ береговыхъ маяковъ, сдѣлавъ высадку на о-вѣ Руно въ центрѣ залива и совершенно разрушили маякъ на немъ. Это обстоятельство ускорило рѣшеніе нашего командованія занять и оборонять Рижскій заливъ, базируясь на Моонзундъ и строившійся въ глубинѣ Моонзунда новый портъ Рогекюль.

19 апрѣля Полудивизіонъ Особаго Назначенія: эск. мин. «Сибирскій Стрѣлокъ», «Генералъ Кондратенко», «Охотникъ», «Пограничникъ», совмѣстно съ эск. мин. «Новикъ» вошли въ Рижскій заливъ и, не найдя присутствія непріятеля, поставили минное загражденіе въ Ирбенскомъ проливѣ въ одну линію длиной въ 5 или 6 миль. Къ югу и къ сѣверу отъ этой линіи оставались широкіе глубоководные проходы.

Нужно отдать справедливость: во главѣ миннаго отдѣла Главнаго Управленія Кораблестроенія стояли очень талантливые и энергичные люди. Лѣтомъ 1915 г. запасы минъ загражденія начали быстро пополняться, въ 1916 г. въ нихъ никакого недостатка уже не было, но въ тотъ моментъ, когда начала строиться Ирбенская позиція, надо было экономить запасы минъ.

Непріятель не обнаруживалъ никакой активности. Между тѣмъ на нашемъ сухопутномъ фронтѣ наступилъ періодъ большихъ неудачъ. Армія отступала внутрь страны, и берегъ Балтійскаго моря началъ быстро переходить въ руки непріятеля. Либава, большой торговый и военный портъ, начала служить нѣмцамъ для интенсивныхъ перевозокъ по морю. Нужно было сдѣлать что-нибудь, чтобы хоть на время спутать планы и разсчеты непріятеля.

Въ ночь съ 23 на 24 апрѣля полудивизіонъ особ. назн. поставилъ минную банку вблизи Либавы на путяхъ, развѣ-

данныхъ нашей службой связи. Операція эта была очень рискованной, т. к. непріятельскіе транспорты шли караванами подъ конвоемъ военныхъ кораблей, до броненосныхъ крейсеровъ включительно. По моменту взрыва на этой банкѣ въ ту же ночь одного изъ непріятельскихъ миноносцевъ мы могли опредѣлить впослѣдствіе, что въ то время, когда мы на маломъ ходу осторожно выставляли свои готовыя къ взрыву мины, непріятельскій караванъ приближался къ намъ и былъ совсѣмъ недалеко. Для исторіи слѣдуетъ вспомнить командировъ этихъ четырехъ миноносцевъ: «Сибирскій Стрѣлокъ» — флаг. корабль Минной Дивизіи — Пав. Вик. Вилькенъ, «Ген. Кондратенко» — Клав. Валент. Шевелевъ, «Охотникъ» — Пав. Вас. Гельмерсенъ, «Пограничникъ» — Влад. Ив. Рудневъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня на пути домой насъ встрѣтила наша 1-ая бригада крейсеровъ. Это было наше прикрытіе. Они имѣли перестрѣлку съ дозорнымъ крейсеромъ нѣмцевъ, но мы не были обнаружены непріятелемъ.

25 апрѣля полудивизіонъ и «Новикъ» поставили новую линію миннаго загражденія въ Ирбенѣ параллельно прежней. Между южной оконечностью загражденія и берегомъ оставался глубóководный проходъ трехмильной ширины, которымъ мы и пользовались для выходовъ въ море, пока южный берегъ еще не былъ занятъ нѣмцами.

7 мая дивизія въ значительномъ составѣ миноносцевъ выходила по требованію арміи для демонстраціи съ обстрѣломъ береговъ къ сѣверу отъ Либавы. Море было совершенно пустынно. На обратномъ пути было получено извѣстіе о смерти Командующаго флотомъ адмирала Н. О. Эссена.

12 мая на дивизію прибылъ новый Командующій Минной Дивизіей кап. 1 р. Петръ Львовичъ Трухачевъ. Съ его прибытіемъ вступила въ силу новая оперативная директива: Командующему Минной Дивизіей съ его двадцатью миноносцами 2-го ранга, вооруженными 4” пушками и шестнадцатью миноносцами 3-го ранга и съ тѣми кораблями, которые могутъ быть приданы для усиленія, поручается оборона Ирбена и Рижскаго залива. Дивизія будетъ постоянно находиться въ Моонзундѣ, базируясь для снабженія и малаго ремонта на плавучую базу изъ транспортовъ. Портъ Роге-

кюль только-что началъ строиться. У Ирбена на якорной стоянкѣ около маяка Церель надо было держать сильную дозорную группу. Впослѣдствіи у Цереля была установлена бочка съ телефоннымъ проводомъ, связаннымъ съ сѣтью Службы Связи и это стало постояннымъ якорнымъ мѣстомъ флагманскаго миноносца Минной Дивизіи.

Существованіе минной позиціи сразу создало разграничительную линію между нашими и непріятельскими водами. На нашей сторонѣ началось усиленіе корабельнаго состава: прибыли кан. лодки «Грозящій» (2 - 6" Кане) «Храбрый» (2 новыхъ — 130 м/м.) и два дивизіона старыхъ подводныхъ лодокъ со своей маткой «Хабаровскъ». Одновременно происходило устройство въ Моонзундѣ и сосредоточеніе плавучей базы на транспортахъ, т. к. все для кораблей, начиная съ кислой капусты и прѣсной воды и кончая углемъ, минами загражденія и снарядами, надо было везти моремъ изъ Ревеля.

Непріятель распространялъ свою активность въ прибрежныхъ водахъ, постепенно продвигаясь отъ Либавы на сѣверъ къ Виндавѣ и ко входу въ Рижскій заливъ. Его развѣдывательныя группы, состоявшія изъ легкихъ крейсеровъ и миноносцевъ, то и дѣло появлялись въ районѣ между Виндавой и Церелемъ и создавали тревожное положеніе у насъ.

Со своей стороны мы пытались затруднить нѣмцамъ пользованіе портомъ Виндавы, ставили минныя банки на подходахъ къ ней и обстрѣливали непріятельскіе тральщики въ тѣхъ случаяхъ, когда они были безъ охраны. Наши подводныя лодки высылались на позиціи въ этомъ же районѣ.

Обосновавшись въ Виндавѣ, нѣмцы создали тамъ базу для своихъ гидроаэроплановъ, которые постоянно атаковывали нашу якорную стоянку у Цереля иногда по 6 разъ въ день. Правда, потерь мы не несли, но и сами не имѣли никакихъ средствъ, кромѣ винтовокъ, для отраженія воздушныхъ налетовъ.

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня Начальникъ Дивизіи на «Сибирскомъ Стрѣлкѣ» съ тремя остальными миноносцами полудивизіона находился въ морѣ на пути къ Церелю, когда было получено донесеніе отъ постовъ Службы Связи

о движенiи одного непрiятельскаго легкаго крейсера, идущаго съ моря съ тральщиками и явно направляющагося на прорывъ нашей позицiи.

Когда мы подходили съ Оста къ позицiи, картина была совершенно опредѣленная: крейсеръ медленно двигался къ серединѣ нашего миннаго поля, имѣя тральщиковъ и миноносцевъ впереди себя.

Разстоянiе между нами постепенно уменьшалось но, не дойдя до дистанцiи огня, непрiятель вдругъ повернулъ на обратный курсъ и ушелъ въ море. Понять этотъ маневръ мы смогли только на слѣдующiй день, когда съ моря вернулась наша подводная лодка «Окунь» съ пустыми аппаратами Джевецкаго по бортамъ (4 выстрѣленныхъ мины Уайтхеда) и съ искалеченнымъ перескопомъ. Командиръ «Окуня» лейт. Меркушевъ доложилъ Трухачеву, что въ морѣ, примѣрно на параллели маяка Люзерортъ, онъ атаковалъ колонну старыхъ линейныхъ кораблей, причемъ, погрузившись слишкомъ поздно, онъ вскорѣ послѣ выпуска минъ столкнулся подъ водой съ передовымъ линкоромъ, который поломалъ ему своимъ днищемъ перископъ. Лодка оказалась въ отчаянномъ положенiи, но взрывъ одной изъ своихъ торпедъ онъ слышалъ отчетливо. В концѣ-концовъ ему все таки удалось уйти отъ преслѣдованiя миноносцевъ и, проведя ночь въ морѣ, съ разсвѣтомъ благополучно вернуться въ Рижскiй заливъ. Въ тотъ же день Непенинъ сообщилъ Трухачеву расшифрованное радiо нѣмецкаго крейсера — развѣдчика, который донесъ своему адмиралу, что Ирбенскiй проливъ «заминированъ и охраняется».

Такимъ образомъ наша минная позицiя и атака «Окуня» сорвали какую-то крупную демонстрацiю германскаго флота вглубь Рижскаго залива.

5-7 iюля мы эвакуировали маяки южнаго берега Ирбенскаго пролива. Берегъ Рижскаго залива на всемъ протяженiи отъ Люзерорта и до мыса Рагоцемъ, находящагося недалеко къ западу отъ устья Западной Двины, отходилъ къ непрiятелю безъ всякаго сопротивленiя.

Вскорѣ послѣ вышеописанной неудавшейся демонстрацiи германскаго броненоснаго отряда Штабъ Командующаго

Флотомъ увѣдомилъ П. Л. Трухачева весьма секретной депешей о рѣшеніи ввести въ Рижскій заливъ лин. кор. «Славу».

Въ серединѣ іюля мы имѣли удовольствіе въ первый разъ видѣть въ открытомъ Балтійскомъ морѣ два нашихъ новыхъ дредноута «Севастополь» и «Гангутъ», которые подошли съ моря къ западному входу въ Ирбенъ, провожая лин. кор. «Славу», вошедшую въ Рижскій заливъ и поступившую въ оперативное подчиненіе Начальнику Минной Дивизіи. Послѣ входа «Славы» проходы къ сѣверу и къ югу отъ основныхъ линій были закрыты дополнительными минными банками, и мы сохранили единственный мелководный выходъ въ море на сѣверѣ вплотную къ рифу окружающему полуостровъ Сворбе. «Слава» получила распоряженіе идти въ Куйваста, южный входъ въ Моонзундъ, гдѣ кораблю надлежало базироваться, находясь въ полной готовности въ кратчайшій срокъ поднять пары и выйти къ Ирбену, разстояніе около 60-ти миль.

Теперь перехожу къ описанію первой попытки прорыва нѣмцевъ въ Рижскій заливъ.

25 іюля (7 августа н. ст.), стоя на якорѣ у маяка Церель, Командующій Минной Дивизіей кап. 1 р. П. Л. Трухачевъ получилъ длиннѣйшую шифрованную телефонограмму Начальника Службы Связи кап. 1 р. Непенина, въ которой сообщался полный составъ многочисленнаго нѣмецкаго отряда, направлявшагося изъ Данцига для операцій въ водахъ Рижскаго залива. Главныя силы этого отряда состояли изъ лин. кор. типа «Дейчландъ».

Къ этому моменту расположеніе нашихъ морскихъ силъ Рижскаго залива было слѣдующее:

1. Въ самомъ Ирбенскомъ проливѣ въ дозорѣ у нашего минного поля — группа 6-го дивизіона, четыре миноносца съ командиромъ «Страшнаго» Ю. К. Старкъ за старшаго.
2. У Цереля на якорѣ всѣ четыре миноносца полудивизіона особаго назначенія съ «Сибирскимъ Стрѣлкомъ» подъ брейдъ-вымпеломъ Командующаго Минной Дивизіи.
3. Въ Аренсбургѣ — кан. лодки «Грозящій» и «Храбрый». Старшій командиръ «Грозящаго» кап. 2 р. Постригаевъ. Тамъ

же «Хабаровскъ» — матка подводныхъ лодокъ и часть исправныхъ лодокъ двухъ старыхъ дивизіоновъ.

4. Въ Моонзундѣ «Слава», 5-ый и 9-ый дивизіоны миноносцевъ, кап. 1 р. Пленъ и Развозовъ. 9-ый дивизіонъ, большіе «Сокола», имѣлъ задачу быть въ охранѣ «Славы» отъ подводныхъ лодокъ въ походѣ и въ бою.

5. Другая группа 6-го дивизіона въ Ревелѣ и приходъ ея въ Моонзундъ ожидался въ ближайшіе дни.

6. Въ Ригѣ, въ качествѣ артиллерійской поддержки нашимъ прибрежнымъ войскамъ — кан. лодка «Сивучъ» и «Кореецъ». Старшій командиръ «Сивуча» — кап. 2 р. Черкасовъ.

Получивъ телефонограмму Непенина, Трухачевъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что нѣмецкій флотъ вотъ-вотъ появится на горизонтѣ, но онъ сразу отказался отъ мысли созвать теперь же на позицію всѣ свои силы, включая «Славу». Причиной тому были соображенія весьма глубокаго порядка. Трезво оцѣнивая обстановку, П. Л. Трухачевъ не могъ разсчитывать защитить позицію съ наличными малыми силами противъ подавляющихъ силъ противника. Намѣреваясь сопротивляться сколько было возможно, онъ въ то же время долженъ былъ помнить основную операціонную директиву, подчеркнуто требующую беречь судовой составъ отъ излишнихъ потерь при всѣхъ второстепенныхъ операціяхъ. Вѣдь все еще не исключалась возможность рѣшительнаго боя на центральной позиции Финскаго залива, когда всѣ силы флота должны были быть использованы до конца съ цѣлью обороны столицы Россіи. Передъ этой перспективой блѣднѣла даже важность защиты Ирбена. Кромѣ того, и это было самое важное соображеніе, Трухачевъ учитывалъ, что нѣмцы очевидно, еще не подозрѣваютъ, что русское морское коман дованіе читаетъ ихъ шифрованныя радіо почти какъ свои. Демонстрація нашей полной готовности къ моменту ихъ прихода, полное развертываніе всѣхъ силъ на позиціи, которое легко могъ наблюдать нѣмецкій наблюдательный постъ Михайловскаго маяка, могло навести противника на опасныя для сохраненія секрета размышленія. Поэтому онъ рѣшилъ проявить выдержку. Такъ очевидно было рѣшено на совѣщаніи, происходившимъ наканунѣ прихода нѣмцевъ между

Трухачевымъ и Начальникомъ бригады подв. лодокъ кап. 1 р. Подгурскимъ. Насколько помню «Новикъ» въ этотъ день спѣшно ушелъ въ Моонзундъ, чтобы пополнить запасъ нефти и вернуться какъ можно скорѣе.

Такимъ образомъ, когда 26 іюля (8 августа н. ст.) въ началѣ 5-го часа утра было получено радіо Старка: «Вижу многочисленные дымы непріятеля», на позиціи оказалось только 8 миноносцевъ, вооруженныхъ 4" орудіями. При этомъ группа «Страшнаго» имѣла дальность боя орудій 53 каб., а полудивизіонъ уже получилъ новые снаряды, дававшіе лишнихъ 10 каб. дальности.

Вотъ эти 4 эск. миноносца полудивизіона и встрѣтили огнемъ всю надвигавшуюся армаду адмирала Шмидта. И не только встрѣтили, но задержали ея движеніе не меньше чѣмъ на три-три съ половиной часа. Какъ же это случилось? Вотъ это я и хочу разсказать, т. к. подробное описаніе этого момента боевыхъ дѣйствій и послѣдующаго маневра канон. лодокъ «Грозящій» и «Храбрый» не найдется ни въ одномъ трудѣ, относящимся къ описываемымъ событіямъ. Совѣтскій авторъ Матвѣевъ только общими словами говоритъ объ этомъ, причемъ неизвѣстно, зачѣмъ приплелъ къ этому эпизоду участіе нашихъ и вражескихъ самолетовъ, каковыхъ въ дѣйствіи въ этотъ день не было.

Утро было изумительно хорошо. Полный штиль и исключительная ясность горизонта, рѣдко бывающая въ нашихъ водахъ. Нѣмецкій флотъ, постепенно поднимавшійся изъ за горизонта, освѣщенный яркимъ солнцемъ, былъ виденъ совершенно отчетливо. Когда полудивизіонъ, шедшій съ Цереля, приблизился къ границѣ миннаго поля, непріятельскіе тральщики показывали только свои мачты и трубы, тогда какъ корпуса линейныхъ кораблей уже частично поднялись надъ горизонтомъ, показывая башни и надстройки. Непріятель имѣлъ направленіе на юго-востокъ и подходилъ къ кромкѣ миннаго поля подъ острымъ угломъ.

Шедшій вторымъ въ строю полудивизіона «Ген. Кондратенко», управлявшій по правиламъ групповой артиллерійской стрѣльбы огнемъ группы, приблизился къ флагманскому «Сибирскому Стрѣлку». Произошелъ короткій обмѣнъ мнѣній между командирами обоихъ миноносцевъ, и было

рѣшено воспользоваться тѣмъ, что непріятельскіе тральщики должны быть впереди и ближе къ намъ, чѣмъ броненосцы, и попытаться обстрѣлять ихъ изъ нашихъ достаточно дальнобойныхъ орудій.

Непріятель двигался очень медленно и осторожно, такъ что прошло нѣкоторое время, когда на «Кондратенко» дальномѣръ показалъ нужную дистанцію, и «Кондратенко», а за нимъ и весь полудивизіонъ открылъ бѣглый огонь. Результатъ былъ немедленно видѣнъ въ наши бинокли. Тральщики задымили и начали скрываться по направленію къ своимъ линейнымъ кораблямъ. Наши миноносцы немедленно прекратили огонь. т. к. сближаться съ непріятелемъ намъ мѣшало наше собственное минное загражденіе. Но въ этотъ моментъ головной нѣмецкій броненосецъ опоясался густыми клубами рыжаго дыма. Тѣмъ, кто никогда еще не видѣлъ стрѣльбы крупной артиллеріи БОЕВЫМИ зарядами, въ первый моментъ показалось, что нѣмецъ взорвался, но вскорѣ сильное сотрясеніе воздуха и огромные столбы воды, поднявшіеся буквально въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ «Сибирскаго Стрѣлка», возвѣстили причину взрыва. Непріятель стрѣлялъ по насъ рѣдкими залпами своихъ 11-ти дюймовыхъ башенъ. Миноносцы отошли изъ подъ огня.

Все это время радіостанція «Сибирскаго Стрѣлка» старалась передать приказъ «Славѣ» и кан. лодкамъ прибыть на помощь, но мощныя станціи нѣмецкихъ линкоровъ усиленно производили помѣху. Только въ восемь часовъ утра «Слава» дала «квитанцію». Корабль, конечно, былъ готовъ къ выходу и безъ приказа, будучи предупрежденъ о движеніи нѣмцевъ А. И. Непенинымъ наканунѣ, но по времени прихода «Славы» на позицію, около полудня, надо думать, что она вышла съ рейда Куйваста только получивъ вызывъ Командующаго Минной Дивизіей.

Между тѣмъ, на позиціи продолжалось состязаніе. Черезъ нѣкоторое, довольно продолжительное, время послѣ нашего перваго рейда, тральщики оправились и снова вышли впередъ. Нашъ маневръ былъ повторенъ, но на этотъ разъ нѣмецкіе лин. корабли открыли огонь раньше чѣмъ мы сблизились съ ихъ тральщиками. Залпы 11-тидюймовыхъ ложились такъ точно и близко, что намъ пришлось отойти назадъ.

Однимъ изъ стобовъ воды всѣ стоявшіе на мостикѣ «Сибирскаго Стрѣлка» были выкупаны съ головы до ногъ. Но:

1. Секундомѣръ показалъ точное и долгое время полета нѣмецкихъ снарядовъ — около 46-48 секундъ.

2. Моментъ залпа каждой башни былъ отчетливо видѣнъ по клубамъ рыжаго дыма.

3. Точность нѣмецкой стрѣльбы и ихъ методичность можно было обратить противъ нихъ.

Для этого надо было использовать наши удобные однофлажные сигналы для эволюцій, отличную выучку сигнальщиковъ этихъ миноносцевъ, до войны часто обслуживавшихъ инспекціонные походы самого Эссена, и идеальное маневренное обученіе всѣхъ кораблей минной дивизіи.

Идея оформилась на мостикѣ «Сибирскаго Стрѣлка». Опять недолгій разговоръ въ мегафонъ между Вилькеномъ и Шевелевымъ, конечно съ разрѣшенія Командующаго, и мы идемъ на сближеніе съ тральщиками своимъ привычнымъ 17-ти узловымъ ходомъ, имѣя на нокѣ рея эволюціонный флагъ, означающій, напр., «Повернуть всѣмъ вдругъ на 4 румба вправо». Нѣмецкая башня выстрѣлила — «Сигналъ долой». Миноносцы поворачиваютъ на 4 румба вправо и нѣмецкіе снаряды долетаютъ и попадаютъ навѣрняка въ то мѣсто, гдѣ мы были бы, если бы не свернули вправо. Какъ только первый сигналъ спущенъ, поднятъ второй: «Повернуть всѣмъ вдругъ на . . . румба влѣво». Вторая нѣмецкая башня выпускаетъ рыжій дымъ. «Сигналъ долой»! И снова промахъ у «точныхъ» нѣмцевъ. Но мы идемъ все время на сближеніе и большимъ ходомъ, и вотъ дистанція достигнута. Бѣглый огонь нашихъ славныхъ скорострѣльныхъ «сотокъ» и тральщики опять бѣгутъ, рвутъ свои тралы, а мы удираемъ въ обратномъ направленіи перемѣнными курсами, провожаемые залпами нѣмцевъ. На новый выходъ тральщиковъ требовалось не менѣе часа времени. Все это было возможно только вслѣдствіе рѣдкой залповой стрѣльбы нѣмцевъ. Не помню, сколько разъ мы продѣлали этотъ маневръ, но вотъ, при одной изъ попытокъ мы опять избѣгли снарядовъ линкоровъ, но, атакуя тральщики, сами попали подъ огонь скорострѣльной артиллеріи крейсера, который былъ выдвинутъ въ не-

посредственную близость къ тральщикамъ. Пришлось ретироваться. Не тотъ ли это былъ крейсеръ, который, по всѣмъ источникамъ, подорвался въ этотъ день на русской минѣ?

Такъ или иначе, но Трухачевъ рѣшилъ выжидать прибытія подкрѣпленія.

Былъ девятый часъ утра, когда на востокѣ, со стороны залива, показался большой дымъ парового судна. Это не могла быть «Слава». Это спѣшили изъ Аренсбурга кан. лодки «Грозящій» и «Храбрый». Лодки шли полнымъ ходомъ. «Грозящій» — старикъ постройки 80-хъ годовъ — шелъ впереди съ большимъ буруномъ подъ носомъ и отчаянно дымилъ, за нимъ — «Храбрый». Получивъ семафоръ съ «Сибирскаго Стрѣлка» — «Обстрѣлять тральщики», лодки, не уменьшая хода, направились въ бой. Но едва они открыли огонь по нѣмцамъ, какъ сами попали подъ сильнѣйшій огонь непріятеля. Можно было думать, что нѣмецкіе корабли смогли ввести въ дѣло свою среднюю артилерію. Не измѣняя курса и не уменьшая хода, лодки, часто стрѣляя изъ орудій, продолжали сближаться съ непріятелемъ. Картина была незабываемая. Если существуетъ на войнѣ подлинное геройство, то вотъ оно было передъ нашими глазами. Всплески вражескихъ снарядовъ ложились такъ густо, что иногда лодки скрывались отъ насъ за сплошной стѣной поднятой воды. Казалось, вотъ-вотъ одинъ изъ залповъ попадетъ въ старую деревянную палубу «Грозящаго», пронижетъ его насквозь и утопитъ; но нѣтъ — падаетъ стѣна воды, и лодки попрежнему видны и бѣгутъ впередъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Трухачевъ впалъ въ ярость: «Что они дѣлаютъ? Я приказалъ имъ обстрѣлять тральщики, а они вступили въ бой съ броненосцами! Вернуть ихъ немедленно»! Поднятъ сигналъ «Ц» — вернуться, но лодки не отвѣчаютъ. «Сибирскій Стрѣлокъ» поднимаетъ сигналъ «Не слѣдовать движенію адмирала» и одинъ устремляется полнымъ ходомъ вдогонку лодокъ, держа попрежнему сигналъ «вернуться». Вотъ мы приближаемся и теперь видно въ бинокль всѣхъ стоящихъ на мостикахъ лодокъ, особенно на передовомъ «Грозящемъ», гдѣ мостикъ открытый и широкій, только спереди закрытый низкимъ парусиновымъ обвѣсомъ. Видно, что никто не смотритъ въ нашу сторону, всѣ взоры, трубы и бинокли обращены

въ сторону непріятеля. Тогда Вилькенъ полнымъ ходомъ влетаетъ самъ въ сферу непріятельскаго накрытія и, поравнявшись съ «Грозящимъ», реветъ своей паровой сиреной. Было видно какъ на мостикѣ «Грозящаго» всѣ повернули головы въ нашу сторону. Лодки подняли отвѣтъ на сигналъ и, положивъ руля на-бортъ, легли на обратный курсъ. Бой прекратился. Чудомъ ни одинъ снарядъ не попалъ въ самые корабли и хотя палубы были засыпаны осколками снарядовъ, рвавшихся объ воду, серьезно раненыхъ не было.

Трухачевъ, не скрывая своего крайняго возмущенія неосторожнымъ маневромъ лодокъ, отослалъ ихъ обратно въ Аренсбургъ, но онѣ все же стали на якорь подъ сѣвернымъ берегомъ у мыса Менто недалеко отъ Цереля.

Вскорѣ послѣ ухода лодокъ на востокѣ снова появился еще болѣе огромный столбъ дыма. Это спѣшила «Слава», окруженная четырьмя миноносцами Развозова (Нач-къ 9-го дивизіона). Въ двѣнадцатомъ часу дня «Слава» подошла къ позиціи. Не желая вмѣшиваться въ маневры «Славы», Трухачевъ съ полудивизіономъ отошелъ нѣсколько къ сѣверу. Къ этому моменту непріятель повидимому уже разочаровался въ успѣхѣ, прекратилъ траленіе и нѣсколько отошелъ назадъ. Тогда мы этого не знали, но теперь иначе нельзя объяснить того, что дальномѣръ «Славы», которымъ оперировалъ самолично бывшій тогда младшимъ штурманомъ на «Славѣ» лейт. А. П. Ваксмутъ, показывалъ дистанцію до непріятеля не меньше 110 кабельтовъ, хотя «Слава» приблизилась къ восточной кромкѣ миннаго поля сколько было возможно. Надо сказать, что для безопасности маневрированія нашихъ кораблей восточная кромка загражденія была обставлена четырьмя вѣхами въ разстояніи одной мили къ востоку отъ нея. Это, конечно, не являлось раскрытіемъ секрета для непріятеля, т. к. съ наблюдательнаго поста нѣмцевъ на Михайловскомъ маякѣ на южномъ берегу Ирбена нѣмцы конечно пеленговали каждый день наши дозорные миноносцы, маневрирующіе вблизи миннаго поля, и не могли не знать точной границы безопаснаго пространства пролива.

Принимая во вниманіе то, что вся ширина миннаго поля въ то время была не больше 4-5 миль, наши нападенія на

тральщики были вполнѣ возможны. Так же вполнѣ понятна и обстановка боя кан. лодокъ.

То обстоятельство, что, находясь на самомъ верхнемъ мостикѣ «Славы», А. П. Ваксмутъ не видѣлъ въ дальномѣръ тральщиковъ, и только линейные корабли были ближайшей цѣлью для стрѣльбы, подтверждаетъ ту мысль, что уже къ полудню непріятель прекратилъ траленіе. Это подтверждаетъ и Матвѣевъ, хотя въ остальномъ его описаніе боя довольно фантастическое (стр. 28). Тогда, конечно, на все происходившее мы смотрѣли иначе, особаго оптимизма не чувствовалось.

Вотъ что мы видѣли: подойдя къ позиціи, «Слава» прошла вдоль нея не открывая огня, сама находясь подъ огнемъ непріятеля. Подойдя къ линіи вѣхъ второй разъ, она дала залпъ своихъ 12-ти дюймовыхъ орудій на предѣльной дистанціи. Увы, получился огромный недолетъ. Очевидно дальномѣръ показывалъ правильно. Нѣмцы все время имѣли накрытіе.

Тутъ выяснилось, что по странному недомыслію нашихъ центральныхъ учрежденій — Главнаго Техническаго Управленія Морского Министерства — 12-тидюймовыя орудія «Славы» имѣли недостаточные углы возвышенія и, вмѣсто 112 кабельтовыхъ, на каковую дистанцію эти пушки могли стрѣлять и стрѣляли на черноморскихъ броненосцахъ, современникахъ «Славы», славскія пушки давали предѣльную дистанцію 78 кабельтовыхъ. Во всякомъ случаѣ въ этотъ моментъ мы могли только считаться съ фактомъ, что «Слава» была безсильна въ борьбѣ противъ двухъ сильнѣйшихъ противниковъ, къ которымъ она могла приблизиться для боя только пройдя подъ ихъ дѣйствительнымъ огнемъ около трехъ миль.

Не помню, въ этомъ бою или при слѣдующей попыткѣ прорыва нѣмцевъ, «Слава» дѣлала кренъ на одинъ бортъ, чтобы увеличить уголъ возвышенія своихъ орудій, но и это мало помогало.

Этими замѣчаніями я отнюдь не хочу умалить значеніе, которое имѣлъ этотъ доблестный корабль при оборонѣ и при всѣхъ дальнѣйшихъ активныхъ операціяхъ нашихъ въ Рижскомъ заливѣ. Но правдивое изложеніе событій требуетъ

отмѣтить то исключительно трудное положеніе, въ которомъ оказался нашъ старый броненосецъ въ борьбѣ съ болѣе современными противниками.

Во второмъ часу дня П. Л. Трухачевъ приказалъ «Славѣ» идти въ Аренсбургъ, куда и самъ отошелъ съ миноносцами. На позиціяхъ къ востоку отъ миннаго поля остались только четыре нашихъ старыхъ подводныхъ лодки.

Какъ только мы стали на якорь въ Аренсбургѣ, командиръ «Славы» кап. 1 р. Вяземскій прибылъ на «Сибирскій Стрѣлокъ» и горячо протестовалъ противъ увода его корабля съ позиціи. «Я командую броненосцемъ», — помнится говорилъ онъ, — «мой корабль можетъ получить попаданія непріятельскихъ снарядовъ и все таки сохранить свою боеспособность». Вяземскій очевидно думалъ, что нѣмцы продолжаютъ прорывъ и что ему помѣшали исполнить свой долгъ до конца.

Трухачевъ все таки приказалъ послать радіо Командующему флотомъ о томъ, что въ создавшихся условіяхъ онъ не видитъ возможности оборонять Ирбенскую позицію съ надеждой на успѣхъ.

Прибывшіе тѣмъ временемъ изъ Куйваста «Новикъ» и 5-й дивизіонъ были посланы Трухачевымъ въ Ирбенъ на развѣдку. Каково же было наше изумленіе и радость, когда вскорѣ отъ нихъ послѣдовало донесеніе о томъ, что непріятельскій флотъ уходитъ на юго-западъ и скрывается изъ вида. Это было, насколько помню, въ пятомъ часу вечера. Начальникъ дивизіи приказалъ «Сибирскому Стрѣлку» и полудивизіону идти на якорное мѣсто у маяка Церель, куда вскорѣ собрались всѣ наличные миноносцы.

Здѣсь насъ ждала зашифрованная особымъ шифромъ телефонограмма Начальника Службы Связи А. И. Непенина, которая гласила буквально слѣдующее: «Вслѣдствіе вашей мужественной обороны непріятель отказывается отъ операцій и возвращается домой». Дальше слѣдовала какая-то фраза по адресу П. Л. Трухачева, который былъ личнымъ другомъ Непенина.

Успѣхъ дня, конечно, былъ потрясающимъ. Какъ? Отразить такую вражескую силу, спасти важнѣйшую позицію и не

потерять не только ни единаго корабля, но даже ни единаго человѣка? Это ли не побѣда? Но никто не чувствовалъ себя побѣдителемъ и меньше всего самъ Петръ Львовичъ Трухачевъ, на которомъ лежала вся тяжесть отвѣтственности и который такъ много пережилъ и наканунѣ, и въ самый день боя. Теперь именно ему, какъ начальнику, принадлежала честь успѣха. Но, повторяю, ни одного слова обычнаго въ такихъ случаяхъ бахвальства не раздалось въ каютъ-компаніи «Сибирскаго Стрѣлка». Это было бы просто неумѣстно, можетъ быть еще и потому, что всѣ сознавали, что нѣмцы ушли не совсѣмъ. Операція серьезная, нужная для нихъ, начатая съ такими большими силами, конечно будетъ повторена.

И, въ подтвержденіе этой мысли наступили тревожные дни. Нѣмцы, очевидно, начали держать постоянное наблюденіе въ Балтійскомъ морѣ противъ Ирбена. То и дѣло въ морѣ на горизонтѣ были видны дымы, чувствовалось, что противникъ къ чему-то готовится. Вечеромъ на другой день послѣ первой попытки прорыва Начальникъ Службы Связи сообщилъ, что какіе-то отряды германскихъ кораблей вышли на сѣверъ. Судя по составу отрядовъ это не носило характера главной операціи.

Дѣйствительно, на разсвѣтѣ 28 іюля (10 авг. н. ст.), двигаясь полнымъ ходомъ съ сѣвера вдоль берега о-ва Эзель и вплотную къ нему, появились вдругъ въ непосредственной близости отъ маяка Церель и отъ поста службы связи расположеннаго около маяка, два броненосныхъ крейсера, которые немедленно открыли огонь по маяку. Церельская якорная стоянка нашихъ миноносцевъ также оказалась въ предѣлахъ обстрѣла непрітельскихъ крейсеровъ, т. к. высокій лѣсистый берегъ полуострова Сворбе здѣсь круто обрывается и переходитъ въ низкую песчаную косу, на котоой и стоитъ маякъ Церель. Къ счастью, быстро двигавшіеся дымы крейсеровъ были замѣчены раньше, чѣмъ они сами пришли на видимость, и на дивизіи была своевременно поднята тревога. Миноносцы успѣли сняться съ якоря и начать отходъ вглубь залива въ то время, когда крейсера перенесли огонь съ маяка на нашу якорную стоянку. Пострадалъ одинъ «Сибирскій Стрѣлокъ», который въ эту ночь грузился углемъ въ Куйваста и только что вернулся къ Церелю, чтобы принять Командующаго дивизіей, временно находившагося на «Пограничникѣ». Пере-

носъ брейдъ-вымпела не состоялся, т. к. въ «Сибирскій Стрѣлокъ» попало два 6-ти дюймовыхъ снаряда и, хотя потерь въ людяхъ не было, кромѣ нѣсколькихъ легко обожженныхъ своими загорѣвшимися патронами, и поврежденія были незначительныя, но миноносецъ пришлось послать для ремонта въ тылъ.

«Церельская побудка», какъ мы называли въ шутку рейдъ непріятельскихъ крейсеровъ, очень разсердилъ Трухачева. «Три ночи не спалъ, — приказалъ онъ телефонировать Непенину. — Сообщи обстановку»!

«Спи спокойно, дружище», — послѣдовала шифрованная радіограмма Адріана Ивановича. Начальникъ Морскихъ Силъ Рижскаго залива улегся спать и приказалъ не будить его ни при какихъ «дымахъ на горизонтѣ». Такова была вѣра въ развѣдку нашей Службы Связи. Дѣйствительно, будить Трухачева не пришлось.

Н. Ѳоминъ.

Кап. 2 р. Н. С. Чириковъ.

Верховный Правитель Адмиралъ А. В. Колчакъ

Докладъ, прочитанный въ Морскомъ Собраніи въ Парижѣ 28 мая 1961 г. кап. 2 р. Н. С. Чириковымъ

Сорокъ одинъ годъ тому назадъ 7-го февраля 1920 г. въ самый разгаръ братоубійственной кровавой борьбы въ далекой Сибири, вблизи Иркутска, палъ смертью храбрыхъ Верховный Правитель, глава послѣдняго Всероссійскаго Національнаго Правительства, адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ.

Совершился одинъ изъ актовъ великой Россійской драмы нашего смутнаго времени.

Побѣдное завершеніе всякой вооруженной борьбы, какъ извѣстно, ниспосылается Всевышнимъ. Однако, весь вопросъ о томъ, какъ осуществлять свой долгъ взятыхъ на себя обязательствъ и какимъ образомъ нести крестъ служенія своему Отечеству во время этой борьбы.

Адмиралъ Колчакъ всей своей жизнью, всей своей службой родинѣ являлъ примѣръ великаго человѣка, достойнаго быть уподобленнымъ знаменитымъ мужамъ древности, о коихъ повѣствуютъ намъ жизнеописанія Плутарха. Александръ Васильевичъ Колчакъ былъ тезкой нашего великаго несрав-

неннаго полководца Александра Васильевича Суворова не только по имени и отечеству, но и сходствомъ своего мужественнаго сердца, безстрашной души, таланта военачальника, орлинаго полета государственнаго кругозора и образа мыслей. Славный адмиралъ былъ безстрашнымъ воиномъ, рыцаремъ долга и чести, блестящимъ морякомъ и флотоводцемъ, горячимъ русскимъ патріотомъ. Въ немъ сочеталось то рѣдкое соединенiе яснаго ума, здраваго смысла, характера и героической доблести, присущее крупнымъ военачальникамъ.

Въ частной жизни Александръ Васильевичъ Колчакъ, какъ помнятъ всѣ, кто имѣлъ честь быть съ нимъ знакомымъ, былъ очень добрымъ, отзывчивымъ, обаятельнымъ человѣкомъ, высокихъ душевныхъ качествъ, всесторонне образованнымъ, умнымъ и въ бесѣдѣ съ нимъ очаровывавшимъ всѣхъ своихъ слушателей.

Въ должности флотоводца его постояннымъ правиломъ было дѣйствовать не оборонительно, а нападать на противника, безостановочно и неустанно его тревожа. Въ войнѣ на морѣ ему неизмѣнно сопутствовало военное счастье, въ отвѣтъ на его несомнѣнное военное чутье, которымъ адмиралъ былъ богато надѣленъ. При всей своей храбрости Александръ Васильевичъ Колчакъ не бросался въ опасность очертя голову, а умѣлъ отлично, хладнокровно взвѣшивать всѣ шансы успѣха. Но взвѣсивъ шансы и принявъ рѣшенiе, онъ проявлялъ упорную настойчивость въ доведенiи до конца разъ предпринятаго дѣла, не останавливаясь ни передъ какими препятствiями. Своихъ подчиненныхъ онъ увлекалъ всегда личнымъ примѣромъ. Начальникъ, говорилъ Колчакъ, долженъ всегда дѣйствовать не приказомъ, а показомъ.

Родъ Александра Васильевича Колчака турецкаго происхожденiя, изъ Боснiи, нынѣ составляющей часть Югославiи. Родоначальникъ русскихъ Колчаковъ турецкiй генералъ Колчакъ-Паша былъ взятъ въ плѣнъ фельдмаршаломъ Минихомъ въ Хотинѣ послѣ битвы подъ Ставучанами въ 1739 году и доставленъ въ С.-Петербургъ въ царствованiе Императрицы Анны Iоанновны. Въ Петербургѣ плѣнный генералъ Колчакъ-Паша былъ принятъ благожелательно и ласково со свойственной русскимъ людямъ незлобивостью къ побѣжденному врагу. Онъ остался жить въ Россiи, и потомки его совершенно обрусѣли.

Александръ Васильевичъ Колчакъ родился 4-го ноября 1874 года на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ подъ Петербургомъ, гдѣ его отецъ генералъ-майоръ морской артиллеріи Василій Ивановичъ Колчакъ, участникъ обороны Севастополя, окончившій Горный Институтъ, служилъ въ должности инженера. Мать Александра Васильевича, Ольга Ильинична, урожденная Посохова, была родственницей адмирала Посохова изъ дворянъ Херсонской губ. Образованіе Александръ Васильевичъ Колчакъ получилъ сначала въ 6-ой петербургской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ Морской Корпусъ. Гардемаринъ Колчакъ былъ серьезнымъ, высокодареннымъ юношей съ живыми выразительными глазами и глубокимъ груднымъ голосомъ. Онъ кончилъ Корпусъ фельдфебелемъ, вторымъ по старшинству своего выпуска, съ преміей въ 300 рублей и былъ произведенъ въ чинъ мичмана въ 1894 году.

Мичманъ Колчакъ, плавая на различныхъ судахъ Императорскаго флота въ Балтійскомъ морѣ и въ Тихомъ океанѣ на Дальнемъ Востокѣ, все свое свободное отъ службы время посвящалъ работамъ по океанографіи и изученію полярныхъ морей, всегда его интересовавшимъ еще со школьной скамьи. Труды молодого офицера были въ 1899 году доложены адмиралу Макарову. Степанъ Осиповичъ Макаровъ нашелъ эти работы замѣчательными и представилъ ихъ Императорской Академіи Наукъ. Въ томъ же 1899 году Императорская Академія Наукъ предложила лейтенанту Колчаку принять участіе въ должности гидролога въ сѣверной полярной экспедиціи, организуемой извѣстнымъ изслѣдователемъ барономъ Эдуардомъ Васильевичемъ Толь. Это предложеніе застало лейтенанта Колчака въ плаваніи въ Средиземномъ морѣ; онъ его безъ колебанія принялъ и, покинувъ флотъ, возвратился въ Петербургъ, гдѣ работалъ по гидрологіи полярныхъ морей сначала въ С.-Петербургской Физической Обсерваторіи, а потомъ поѣхалъ въ Норвегію, гдѣ занимался подъ руководствомъ знаменитаго полярнаго путешественника Фритьофа Нансена.

Экспедиція вышла въ море въ іюнѣ 1900 года на суднѣ «Заря». Научныя изслѣдованія у Таймыра, на о-вѣ Котельномъ и на Новосибирскихъ островахъ длились почти три года въ тяжелыхъ условіяхъ оторванности отъ внѣшняго міра такъ какъ, какъ извѣстно, въ тѣ времена не существовало ни радіо, ни

воздушныхъ сообщенiй. Льды не позволили «Зарѣ» идти дальше на сѣверъ къ землѣ Бенета, какъ того желалъ баронъ Толь, и Толь отправился туда пѣшкомъ по льдамъ съ тремя спутниками, оставивъ складъ продовльствiя на Новосибирскихъ островахъ. «Зарѣ», на которой кончились запасы топлива и провизiи, баронъ Толь приказалъ идти къ устью рѣки Лены, доставить собранные матерьялы и коллекцiи въ Петербургъ и подготовилъ новую экспедицiю.

Вернувшись черезъ Сибирь въ Петербургъ въ декабрѣ 1902 года, лейтенантъ Колчакъ доложилъ Академiи Наукъ о работахъ экспедицiи и о положенiи барона Толя и просилъ Академiю немедленно снарядить новую экспедицiю для оказанiя помощи Толю, причемъ указалъ, что «Заря» плохо приспособлена для плаванiя во льдахъ Ледовитаго океана и что для поисковъ Толя надо идти не на суднѣ, постоянно затираемомъ льдами, а на легкой шлюпкѣ, прибавивъ, что онъ самъ берется осуществить этотъ походъ. Академiя сочла предпрiятiе чрезвычайно рискованнымъ, и предложенiе лейтенанта Колчака было встрѣчено скептически и названо такимъ же безумiемъ, какъ и походъ пѣшкомъ барона Толя къ землѣ Бенета. Однако, уступая настоятельнымъ просьбамъ молодого лейтенанта, Академiя предоставила въ его распоряженiе необходимыя средства и дала полную свободу дѣйствiй. Лейтенантъ Колчакъ тутъ проявилъ себя не только отважнымъ, смѣлымъ и ученымъ морякомъ, но и прекраснымъ организаторомъ.

На слѣдующiй же день по полученiи разрѣшенiя Академiи онъ выѣхалъ въ Архангельскъ въ январѣ 1903 года, набралъ себѣ тамъ 6 спутниковъ — четырехъ мезенскихъ тюленепромышленниковъ и двухъ матросовъ и отправился съ ними изъ Архангельска черезъ Якутскъ и Верхоянскъ, гдѣ его ожидалъ съ партiей въ 160 собакъ извѣстный сибирскiй промышленникъ Оленьинъ. Они отправились на собакахъ къ устью рѣки Лены, къ мѣсту стоянки «Зари», взяли ея вельботъ и протащили его по льдамъ на Новосибирскiе острова. Походъ былъ чрезвычайно трудный, такъ какъ замерзшее полярное море — не катокъ для конькобѣжцевъ — ледъ неровный, путь все время приходилось выравнивать, а собаки очень уставали и больше шести часовъ въ сутки тянуть не могли. И все это приходилось дѣлать при жестокомъ, лютомъ 30-40 градусномъ морозѣ.

По вскрытiи моря ото льда Оленьинъ съ якутами и тунгузами остался на островахъ, а лейтенантъ Колчакъ, одинъ съ

шестью спутниками, вышелъ на маломъ вельботѣ въ открытый океанъ черезъ Благовѣщенскій проливъ. Вѣтеръ дулъ все время свѣжій, пришлось непрерывно и днемъ и ночью идти на шлюпкѣ, пробираясь между льдами по океанской волнѣ то на веслахъ, то подъ парусами. Шелъ густой снѣгъ, постоянно обволакивали густые туманы — лѣтняя температура въ этихъ областяхъ около 0 градусовъ — платье было постоянно мокрымъ и высушить его было негдѣ.

Наконецъ, 6-го августа, въ день Преображенія Господня, лейтенантъ Колчакъ добрался до земли Бенета, считавшейся неприступной съ моря, и назвалъ Преображенскимъ мысъ, на которомъ онъ высадился. Тамъ, въ грудѣ камней, онъ нашелъ бутылку съ запиской барона Толя. Записка давала планъ Земли Бенета и указывала мѣсто, гдѣ находятся другіе документы. По этой запискѣ и плану Колчакъ нашелъ стоянку барона Толя, коллекціи и дневникъ, изъ чтенія котораго выяснилось, что, израсходовавъ продовольствіе, Толь принялъ въ концѣ ноября 1902 года отчаянное рѣшеніе возвратиться пѣшкомъ по льду на Новосибирскіе острова, когда уже наступила полярная ночь, т. е. полная тьма, снѣжныя вьюги и температура ниже 40° мороза.

Прочтя дневникъ, лейтенантъ Колчакъ понялъ, что задача его выполнена, и отправился обратно на Новосибирскіе острова, гдѣ нашелъ нетронутымъ оставленный для Толя складъ продовольствія, что дѣлало несомнѣннымъ фактъ гибели во льдахъ барона Толя и его трехъ спутниковъ. Это плаваніе Александра Васильевича Колчака съ шестью гребцами на маломъ вельботѣ въ теченіе 42-хъ дней по открытому Ледовитому океану является совершенно исключительнымъ безпримѣрнымъ подвигомъ въ исторіи всѣхъ полярныхъ путешествій.

Выждавъ на островѣ Котельномъ замерзанія моря, Колчакъ въ октябрѣ перешелъ по льду на материкъ въ Устьянскъ, не потерявъ ни одного человѣка — всѣ его шесть спутниковъ были цѣлы и невредимы. Изъ Устьянска, соединившись съ Оленьинымъ, они на собакахъ доѣхали черезъ Верхоянскъ до Якутска, куда и прибыли въ январѣ 1904 года. Такимъ образомъ, обѣ полярныя, въ высшей степени трудныя экспедиціи, длились въ общей сложности около 4-хъ лѣтъ. Результаты этихъ экспедицій были разработаны Колчакомъ уже послѣ русско-японской войны въ печатномъ трудѣ «Льды Карскаго

и Сибирскихъ морей». Этотъ трудъ, до сихъ поръ считающійся классическимъ по гидрологіи Ледовитаго океана, былъ въ 1928 году переизданъ на англійскомъ языкѣ американскимъ Географическимъ Обществомъ подъ заглавіемъ «Проблемы полярныхъ изысканій».

За свои труды лейтенантъ Колчакъ получилъ необычную въ мирное время для молодого офицера награду — орденъ св. Владиміра 4-ой степени, а также высшую награду отъ Академіи Наукъ и Императорскаго Географическаго Общества — большую золотую медаль, которой до лейтенанта Колчака были награждены только два человѣка.

Прибывъ въ Якутскъ, лейтенантъ Колчакъ узналъ о возникновеніи войны съ Японіей и тотчасъ же по телефону просилъ Академію Наукъ откомандировать его обратно во флотъ, а Главный Морской Штабъ — разрѣшенія слѣдовать изъ Якутска прямо въ Портъ Артуръ. Академія отказала Колчаку возвращаться во флотъ до тѣхъ поръ, пока ею не будетъ полученъ подробный докладъ объ экспедиціи, приписывая ей исключительную научную цѣнность. Тогда Александръ Васильевичъ обратился лично къ президенту Академіи Наукъ Великому Князю Константину Константиновичу, и только благодаря вмѣшательству Великаго Князя просимое разрѣшеніе было получено, и лейтенантъ Колчакъ, сдавъ Оленьину документы, коллекціи и цѣнности для доставки въ Петербургъ, отправился въ Портъ Артуръ черезъ Иркутскъ, гдѣ его ждалъ отецъ и его невѣста, Софія Феодоровна, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Смирнова, предсѣдателя Казенной Палаты Подольской губерніи. Обвѣнчавшись въ мартѣ 1904 года въ Иркутскѣ, Колчакъ на слѣдующій день послѣ свадьбы отправился въ Портъ Артуръ, а его молодая супруга съ отцомъ возвратились въ Петербургъ.

Прибывъ въ Портъ Артуръ, лейтенантъ Колчакъ просилъ Командующаго флотомъ вице-адмирала С. О. Макарова назначить его на активную должность на миноносецъ, но адмиралъ Макаровъ рѣшилъ, что изнуренному столь тяжелыми полярными экспедиціями молодому офицеру необходимо сначала отдохнуть и пожить въ лучшихъ условіяхъ на большомъ кораблѣ. Онъ назначилъ лейтенанта Колчака на крейсеръ «Аскольдъ».

Послѣ гибели адмирала Макарова на «Петропавловскѣ» лейтенантъ Колчакъ былъ переведенъ на минный заградитель «Амуръ», а затѣмъ назначенъ командиромъ миноносца «Сердитый». Его организмъ, подорванный необыкновенными лишеніями двухъ полярныхъ экспедицій, не выдержалъ новаго напряженія — онъ заболѣлъ въ тяжелой формѣ воспаленіемъ обоихъ легкихъ и принужденъ былъ слечь въ госпиталь. Не оправившись еще окончательно отъ болѣзни, Колчакъ возвратился на миноносецъ, но снова захворалъ острымъ суставнымъ ревматизмомъ, отказался вернуться въ госпиталь и продолжалъ, совершенно черезъ силы, командовать «Сердитымъ».

Ему удалось поставить минную банку на подходахъ къ Портъ Артуру. На этой банкѣ минныхъ загражденій взорвался японскій крейсеръ «Такасаго», и лейтенантъ Колчакъ за это удачное дѣло получилъ высокую военную награду — Георгіевское оружіе.

Въ связи съ перенесеніемъ центра тяжести обороны Портъ Артура на береговой фронтъ, лейтенантъ Колчакъ былъ назначенъ командиромъ батареи морскихъ орудій. Здѣсь на батареѣ онъ былъ раненъ, но отказался лечь въ госпиталь и продолжалъ, будучи совершенно больнымъ, командовать батареей. Ко времени капитуляціи крѣпости лейтенантъ Колчакъ едва могъ ходить, но только послѣ сдачи Портъ Артура легъ въ госпиталь, гдѣ проболѣлъ до апрѣля 1905 года, когда былъ эвакуированъ въ Нагасаки, въ Японію. Японское правительство разрѣшило русскимъ раненымъ плѣннымъ офицерамъ возвратиться въ Россію безъ всякихъ обязательствъ, и Колчакъ отправился черезъ Канаду въ Петербургъ.

Послѣ заключенія мира съ Японіей въ Портсмутѣ и потери нашего флота въ Портъ Артурѣ и въ Цусимѣ, къ счастью для нашего Отечества, духъ офицерскаго личнаго состава флота не былъ сломленъ. Чувство горькой обиды и желаніе работать для возсозданія флота и для его возрожденія довольно ярко пробудилось въ личномъ составѣ. Съ разрѣшенія высшаго морского начальства образовался С.-Петербургскій Военно-Морской Кружокъ, помощникомъ предсѣдателя котораго сталъ Александръ Васильевичъ Колчакъ, произведенный къ тому времени въ чинъ капитана 2-го ранга. Морскіе офицеры были воспитаны въ традиціяхъ преданности Престолу; поэтому Военно-Морской Кружокъ вопросами внутренней

политики не занимался, а разрабатывалъ исключительно вопросы стратегіи, тактики, организаціи и техники.

Однимъ изъ создателей Военно-Морского Кружка лейтенантомъ А. Н. Щеголевымъ, по личному его почину, была подана при посредствѣ флагъ-капитана Государя Императора капитана 1-го ранга графа Гейдена на Высочайшее разсмотрѣніе записка съ подробнымъ, разработаннымъ проектомъ созднія особаго органа Морского Штаба подъ названіемъ — Морской Генеральный Штабъ. По мысли автора записки Морской Генеральный Штабъ имѣлъ назначеніе стать, образно выражаясь, «мозгомъ флота», и разрабатывать планы войны на море. Государь Императоръ, ознакомившись съ проектомъ, тотчасъ же повелѣлъ создать Морской Генеральный Штабъ, что и было немедленно осуществлено весной 1906 года. До этого времени въ Россіи Морского Генеральнаго Штаба не существвало. Начальникомъ тактическаго отдѣла Морского Генеральнаго Штаба былъ назначенъ капитанъ 2 ранга Александръ Васильевичъ Колчакъ. Одновременно, Колчакъ читалъ лекціи въ Николаевской Морской Академіи по курсу «Служба Генеральнаго Штаба во флотѣ». А. В. Колчакъ былъ исключительнымъ по трудолюбію работникомъ. Не было вопросовъ, въ разработкѣ которыхъ не приняла бы самаго близкаго участія его глубокая, разумная и всегда ясно выраженная мысль.

Въ связи съ учрежденіемъ въ ту пору Государственной Думы и разсмотрѣніемъ ею программы возсозданія нашихъ вооруженныхъ морскихъ силъ, въ русскомъ обществѣ пробудился сильный интересъ къ морскому дѣлу. Стали обсуждаться вопросы: нуженъ ли вообще Россіи флотъ, если нуженъ, то какой, сможемъ ли мы сами справиться со сложной техникой современнаго кораблестроенія и т. д.

Идя навстрѣчу этимъ запросамъ, Морской Министръ разрѣшилъ офицерамъ Морского Генеральнаго Штаба выступать съ докладами въ комиссіяхъ и собраніяхъ членовъ Государственной Думы. Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ докладчиковъ былъ Александръ Васильевичъ Колчакъ. Своей искренней убѣжденностью, логичностью выводовъ и ясностью изложенія доклады Колчака производили глубокое впечатлѣніе на его слушателей, и постепенно скептическое отношеніе членовъ Думы и общества къ флоту смѣнилось полнымъ

сочувствіемъ. Можно смѣло утверждать, что этой перемѣной атмосферы флотъ былъ обязанъ въ значительной мѣрѣ вліянію работы кап. 2 р. Колчака. Это было горячее время борьбы за возрожденіе флота и за реорганизацію нашихъ судостроительных заводовъ.

Работая по проведенію преобразованія въ Морскомъ Вѣдомствѣ, кап. 2 р. Колчакъ продолжалъ интересоваться и полярными изслѣдованіями. Онъ разработалъ проектъ похода для изученія сѣвернаго морского пути изъ Тихаго океана черезъ Беринговъ проливъ вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири къ Мурманску. На основаніи опыта своихъ прежнихъ полярныхъ экспедицій онъ совѣтовалъ построить стальныя суда ледокольнаго типа, которыя не только кололи бы ледъ, какъ ледоколъ «Ермакъ», но могли бы также по крѣпости своего корпуса выдерживать давленіе могучихъ полярныхъ льдовъ. По чертежамъ корабельнаго инженера Матросова и по указаніямъ кап. 2 р. Колчака Петербургскій Невскій судостроительный заводъ быстро построилъ два такихъ судна — «Вайгачъ» и «Таймыръ», которыя и ушли въ 1910 году съ Колчакомъ черезъ Суэцкій каналъ во Владивостокъ съ разсчетомъ пройти черезъ Беринговъ проливъ весной 1911 года. Но только-что назначенный на должность Морского Министра адмиралъ И. К. Григоровичъ, энергично взявшійся, среди другихъ своихъ заботъ, за проведеніе въ жизнь плановъ Морского Генеральнаго Штаба, счелъ присутствіе кап. 2 р. Колчака въ Штабѣ необходимымъ, приказалъ ему возвратиться изъ Владивостока въ Петербургъ и назначилъ его Начальникомъ 1-го Оперативнаго отдѣла Штаба. Экспедиція же, подъ командованіемъ кап. 2 р. Вилькицкаго, удачно прошла въ 1912 году черезъ Беринговъ проливъ въ Бѣлое море. Въ 1933 году совѣтская власть повторила этотъ походъ на такихъ же, уже съ другими названіями, судахъ, построенныхъ по указаніямъ и проектамъ умерщвленнаго ею адмирала, выдавъ проектъ А. В. Колчака за свой собственнй. Въ ту пору совѣтское радіо хвасталось этимъ походомъ какъ «великимъ достиженіемъ совѣтской власти», побѣдившей полярныя моря творческимъ геніемъ пролетарской мысли. О томъ, что проектъ этого похода былъ подробно разработанъ А. В. Колчакомъ и уже однажды былъ осуществленъ Вилькицкимъ, совѣтское радіо не обмолвилось ни словомъ, приписавъ всю заслугу себѣ и «генію пролетарской мысли».

Въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, совмѣстно съ другими офицерами штаба, кап. 2 р. Колчакъ подробно разработалъ планъ войны на Балтійскомъ морѣ, малую и большую судостроительныя программы, оборудованіе портовъ и приморскихъ крѣпостей и планъ мобилизаціи Балтійскаго флота. Государственная Дума и Государственный Совѣтъ безъ задержекъ и урѣзываній обычно ассигновывали всѣ нужныя средства.

Въ 1912 году, считая основные вопросы подготовки войны на морѣ разрѣшенными, кап. 2 р. Колчакъ просилъ разрѣшенія вернуться на строевую должность во флотъ. Командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ Эссенъ назначилъ его командиромъ эск. миноносца «Уссуріецъ», а затѣмъ эск. мин. «Пограничникъ» и въ то же время флагъ-капитаномъ по Оперативной части Штаба Командующаго Балтійскимъ флотомъ.

Лѣтомъ 1914 г. разразилась война съ Германіей. Мобилизація Балтійскаго флота, осуществлявшаяся по планамъ, подготовленнымъ А. В. Колчакомъ, прошла въ образцовомъ порядкѣ. Съ началомъ мобилизаціи былъ успѣшно выполненъ планъ загражденія минами входа въ Финскій заливъ. Восемь линій минъ, количествомъ въ 6.000, были поставлены между мысомъ Поркалаудъ и островомъ Наргенъ. Германскій флотъ, несмотря на подавляющее превосходство его силъ надъ нашими, ни разу въ теченіе всей войны даже не пытался форсировать входъ въ Финскій заливъ. Слѣдуетъ указать, что послѣ потери нашихъ морскихъ силъ во время японской кампаніи и принимая во вниманіе, что короткій срокъ, всего восьмилѣтній срокъ между двумя войнами не позволилъ намъ осуществить большую судостроительную программу, Балтійскому флоту была дана директива ограничиться защитой Финскаго залива и подступовъ къ столицѣ.

Балтійскій флотъ не только отлично выполнилъ это заданіе, но и расширилъ свои операціи уже съ осени 1914 года постановкой минъ загражденія на подходахъ къ вражескимъ портамъ Данцигу и Килю, не взирая на рискъ быть уничтоженнымъ превосходными силами противника. Въ должности флагъ-капитана оперативной части кап. 1 р. Колчакъ не только разработалъ будущія боевыя операціи, находясь въ штабной каютѣ, но всегда лично участвовалъ въ ихъ боевомъ вы-

полненіи. Когда Командующій флотомъ выходилъ въ море, кап. 1 р. Колчакъ былъ всегда при немъ. Когда же операціи осуществлялись подъ командой другихъ флагмановъ, Колчакъ выходилъ въ море съ ними, никогда не уклоняясь отъ отвѣтственности.

Особенно памятны два характерныхъ случая, подтверждающихъ вышесказанное. Въ ночь подъ новый 1915-ый годъ нашъ устарѣвшій, тихоходный крейсеръ «Россія», имѣя на палубѣ значительное количество минъ загражденія, шелъ подъ флагомъ адмирала, Начальника отряда минныхъ заградителей, ставить мины на подходахъ къ германскому военному порту Киль. Кап. 1 р. Колчакъ тоже находился на крейсерѣ. Вечеромъ онъ легъ спать, приказавъ разбудить его, когда крейсеръ будетъ подходить къ вражескимъ берегамъ. Когда крейсеръ находился еще на разстояніи примѣрно 50-ти миль отъ Киля, адмиралу доложили, что наши радіотелеграфисты слышатъ усиленные переговоры между германскими кораблями въ непосредственной близости отъ крейсера. Адмиралъ рѣшилъ, что идти дальше слишкомъ рисковано, и приказалъ ложиться на обратный курсъ. Въ это время разбудили кап. 1 р. Колчака и доложили ему о рѣшеніи адмирала. Колчакъ немедленно, одѣваясь на-ходу, взбѣжалъ на командный мостикъ и сталъ горячо убѣждать адмирала во что бы то ни стало продолжать операцію, хотя бы цѣной собственной гибели. Адмиралъ согласился и приказалъ повернуть на прежній курсъ. Около полуночи мины были благополучно поставлены точно по плану, и крейсеръ «Россія» возвратился на базу, удачно разойдясь ночью съ не обнаружившими его судами германскаго флота.

А вотъ другой случай. Въ февралѣ 1915 года кап. 1 р. Колчакъ вступилъ въ командованіе полудивизіономъ «особаго назначенія», состоявшимъ изъ 4-хъ эск. миноносцевъ типа «Пограничникъ», имѣвшихъ на палубѣ по 45 минъ загражденія на подходахъ къ Данцигу. Операція въ глубокомъ тылу противника была въ значительной степени рискованной, и для прикрытія миноносцевъ въ море была послана бригада крейсеровъ подъ флагомъ контръ-адмирала Бахирева. Ночью, въ сильную непогоду, флагманскій крейсеръ «Рюрикъ» напоролся на камни у острова Готландъ, получивъ большую пробоину въ днищѣ; положеніе стало критическимъ, о продолженіи

похода нечего было и думать, и адмиралъ Бахиревъ приказалъ всѣмъ судамъ возвращаться. Кап. 1 р. Колчакъ по радіо испросилъ разрѣшенія Командующаго флотомъ продолжать операцію одними миноносцами, безъ прикрытія крейсерами. Разрѣшеніе было получено. Операція была прекрасно осуществлена, и подходы къ Данцигу были заграждены минами, на которыхъ взорвались 4 германскихъ крейсера, 8 миноносцевъ и 11 транспортовъ. Вслѣдствіе такихъ потерь Командующій германскимъ флотомъ принцъ Генрихъ Прусскій принужденъ былъ запретить своимъ военнымъ судамъ выходить въ море до тѣхъ поръ, пока не будутъ найдены дѣйствительныя средства для борьбы съ русскими минами загражденія.

Лѣтомъ 1915 г. въ связи съ наступленіемъ германскихъ армій вглубь Россіи, германскому флоту было приказано проникнуть въ Рижскій заливъ. Оборона Рижскаго залива совершенно не входила въ задачу слабыхъ силъ русскаго Балтійскаго флота. Тѣмъ не менѣе, по плану составленному Колчакомъ, мы ввели въ заливъ старый лин. корабль «Слава» и заградили минами входъ въ заливъ. 4-го августа 1915 г. главныя силы германскаго флота форсировали Ирбенскій проливъ, представляющій входъ въ Рижскій заливъ. Балтійскій флотъ могъ противопоставить имъ только лин. кор. «Слава» и нѣсколько миноносцевъ. Непріятелю удалось протралить проходъ въ русскмъ минномъ загражденіи и войти въ Рижскій заливъ, съ потерей нѣсколькихъ миноносцевъ и съ сильными поврежденіями его крейсеровъ. Находясь подъ впечатлѣніями этихъ потерь, Командующій германскимъ флотомъ принялъ рѣшеніе прекратить продолженіе операціи въ Рижскомъ заливѣ, считая ее слишкомъ опасной, и покинулъ воды залива. Оставшаяся безъ поддержки своего флота германская армія остановила свое наступленіе, и Рига была спасена. Воспользовавшись уходомъ непріятельскаго флота, русскія вооруженныя морскія силы возобновили и умножили минныя загражденія, отстоявъ такимъ образомъ Рижскій заливъ.

Новый Командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ Канинъ, смѣнившій скончавшагося адмирала Эссена, назначилъ кап. 1 р. Колчака осенью 1915 года на должность Начальника Минной Дивизіи и Командующаго всѣми силами защищавшими Рижскій заливъ. На этой должности А. В. Колчакъ проявилъ свою обычную энергію, искусство и смѣлость. Вой-

дя въ связь съ русскимъ сухопутнымъ командованіемъ, онъ разработалъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій флота и арміи на Рижскомъ побережьѣ, и когда германскія войска повели сильное наступленіе на Кеммернъ, они были съ большими потерями отбиты нашими войсками, поддержанными огнемъ съ русскихъ судовъ. Кромѣ того, кап. 1 р. Колчакъ высадилъ нѣсколько десантовъ въ тылу противника и постоянно тревожилъ его сообщенія. Не ограничиваясь обороной Рижскаго залива, онъ съ миноносцами, подъ личнымъ своимъ командованіемъ, произвелъ цѣлый рядъ нападеній на суда германской охраны у Виндавы и постоянно атаковывалъ и уничтожалъ германскіе караваны торговыхъ судовъ, перевозившихъ желѣзную руду изъ Швеціи въ Германію. За эти дѣйствія кап. 1 р. Колчакъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-ой степени въ декабрѣ 1915 года, а на Пасху 1916 года произведенъ въ чинъ контръ-адмирала.

Весной 1916 года контръ-адмиралъ Колчакъ, не дожидаясь таянія льда, возобновилъ ледоколами минныя загражденія при входѣ въ Рижскій заливъ и опять сосредоточилъ тамъ минную дивизію. Получивъ свѣдѣнія отъ нашей развѣдки о выходѣ изъ Стокгольма большого каравана германскихъ судовъ съ грузомъ руды подъ защитой сильно вооруженныхъ конвоировъ, контръ-адмиралъ Колчакъ осуществилъ нападеніе на нихъ своими миноносцами, разсѣялъ и перетопилъ пароходы и конвоиры. Это было его послѣднимъ боевымъ дѣйствіемъ въ Балтійскомъ морѣ, за которое 28-го іюня 1916 г. онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ Командующимъ Черноморскимъ флотомъ.

Обстановка на этомъ морскомъ театрѣ войны къ тому времени складывалась слѣдующая: наша кавказская армія, овладѣвъ Эрзерумомъ и Трапезундомъ, нуждалась въ подвозѣ снабженія и всевозможныхъ матерьяловъ моремъ изъ Новороссійска и Батума въ Трапезундъ. Русскія арміи юго-западнаго фронта получали зерно изъ хлѣбныхъ портовъ Хорлы и Скадовскъ моремъ черезъ Одессу. Весь одесскій районъ получалъ моремъ такъ же и уголь изъ Маріуполя. Поэтому на этомъ театрѣ морской транспортъ имѣлъ первостепенное военное значеніе, и нашему Черноморскому флоту была дана директива поддерживать достигнутое еще во время командованія этимъ флотомъ адмираломъ Эбергардомъ пол-

наго господства на Черномъ морѣ. Слѣдующей задачей предполагалось занятіе проливовъ Босфоръ и Дарданеллъ лѣтомъ 1917 года, когда Верховное Командованіе предполагало возможность перелома военнаго счастья въ нашу пользу и начала общаго наступленія русскихъ войскъ и войскъ союзниковъ на всѣхъ фронтахъ.

На Черномъ морѣ соотношеніе силъ складывалось для насъ благопріятно, но германскіе крейсера «Гебенъ» и «Бреслау», обладавшіе значительнымъ превосходствомъ въ скорости хода, хотя и пораженные въ бояхъ съ русскимъ флотомъ и загнанные въ проливъ Босфоръ, изрѣдка совершали обстрѣлы незащищенныхъ пунктовъ кавказскаго и крымскаго побережья, явно уклоняясь отъ боевыхъ столкновеній съ русскими вооруженными морскими силами. Эти обстрѣлы не наносили сколько-нибудь серьезныхъ поврежденій и носили характеръ военнаго озорства, но нервировали русское прибрежное населеніе, и мѣстныя власти слали жалобы въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго на якобы бездѣйствіе русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, неспособныхъ оградить русскіе берега отъ подобныхъ нападеній.

Гораздо существеннѣе и дѣйствительнѣе съ военной точки зрѣнія была боевая дѣятельность германскихъ подводныхъ лодокъ, базировавшихся на Константинополь и Евсиноградъ, близъ Варны. Въ ту пору подводныя лодки представляли новое оружіе, появившееся на морѣ, и средства борьбы съ ними не были еще достаточно усовершенствованы. Однако Черноморскій флотъ, находившійся подъ командой адмирала Эбергарда, началъ энергично принимать мѣры борьбы съ этимъ новымъ оружіемъ. Еще въ концѣ 1915 и въ началѣ 1916 г.г. стали примѣнять такъ называемую «конвойную систему» охраны судовъ морского транспорта, конвоируемаго судами охраны, состоявшими изъ канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ. Суда охраны были вооружены глубинными бомбами, а ихъ артиллерія ныряющими снарядами. Подходы къ портамъ русскаго побережья были ограждены противолодочными сѣтями. Постепенно начали вооружать пароходы-транспорты мелкой скорострѣльной артиллеріей. Германскія подводныя лодки стремились нападать на одиночныя суда русскаго морского транспорта, шедшія внѣ состава конвоевъ безъ охраны вслѣдствіе недостатка конвойныхъ охранныхъ судовъ. Имъ удалось

3*

съ середины 1915 года и за первую половину 1916 года уничтожить 19 русскихъ пароходовъ транспортной флотилліи. Это составляло около 16% нашей транспортной флотиліи.

Отъ Черноморскаго флота требовалось принять мѣры, чтобы оградить русское побережье Чернаго моря отъ нападеній со стороны германскихъ крейсеровъ и въ дальнѣйшемъ не дозволять непріятельскимъ подводнымъ лодкамъ наносить намъ такія потери. Поэтому командовать Черноморскимъ флотомъ и былъ избранъ Государемъ Императоромъ наиболѣе энергичный молодой, всего 42-хъ лѣтній вице-адмиралъ Колчакъ.

По дорогѣ изъ Балтійскаго моря въ Севастополь вице-адмиралъ Колчакъ былъ вызванъ въ Могилевъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, гдѣ имѣлъ счастье представиться Государю Императору. Уже находясь за рубежомъ, въ Шанхаѣ, адмиралъ вспомнилъ, какъ онъ представлялся Государю въ Могилевѣ и какъ Императоръ объяснялъ ему планъ войны, давая подробную директиву для дѣйствій на Черноморскомъ театрѣ. Адмиралъ выражался такъ: «Тутъ я понялъ, что передо мною настоящій Верховный Главнокомандующій, изучившій внимательно и вполнѣ освоившійся со стратегической обстановкой того времени». Государь наградилъ и лично вручилъ адмиралу звѣзду Станислава 1-ой степени, напутствовалъ иконой и благословилъ его на водруженіе въ Царьградѣ православнаго креста на Св. Софіи.

Въ первый же день прибытія въ Севастополь, едва только адмиралъ Колчакъ успѣлъ принять командованіе флотомъ отъ адмирала Эбергарда, какъ русская секретная развѣдка донесла Штабу флота о выходѣ германскаго крейсера «Бреслау» въ море изъ Босфора. Вмѣсто обычнаго смотра въ бухтѣ на якорѣ адмиралъ Колчакъ немедленно вышелъ съ флотомъ въ море для встрѣчи съ противникомъ, поднявъ свой флагъ на лин. кор. «Императрица Марія», на пересѣчку предполагаемому курсу «Бреслау», шедшему обстрѣливать кавказскіе берега. Въ 4 часа пополудни русскій флотъ встрѣтилъ «Бреслау». Первый же залпъ 12" орудій «Императрицы Маріи» далъ полное накрытіе, но «Бреслау» выпустилъ совершенно скрывшую его дымовую завѣсу и, пользуясь преимуществомъ хода, ушелъ въ Босфоръ.

Находясь на пути изъ Ставки въ Севастополь, адмиралъ Колчакъ принялъ рѣшеніе приложить всѣ усилія для постановки минныхъ загражденій не у нашихъ портовъ, а у непріятельскихъ, т. е. у выходовъ изъ Босфора и Варны, для тѣсной блокады флота противника въ его собственныхъ портахъ. Поэтому адмиралъ рѣшилъ: во-первыхъ, раздѣлить русскія морскія силы на три группы, чтобы одна изъ нихъ постоянно крейсировала въ морѣ и блокировала Босфоръ; во-вторыхъ, ставить мины загражденія у Босфора и Варны въ такомъ большомъ количествѣ, чтобы противникъ не успѣвалъ ихъ вытравливать и, въ-третьихъ, ставить мины у самаго вражескаго берега и ни въ коемъ случаѣ не дальше 5-ти миль отъ берега, дабы не лишать наши морскія силы возможности бомбардировать Босфорскія батареи съ моря съ близкой дистанціи.

Со свойственной ему непреклонностью адмиралъ сталъ проводить свои рѣшенія въ жизнь. Минъ оказалось въ Севастополѣ только 400 вмѣсто потребныхъ 2.000. Морской Министръ обѣщалъ прислать нехватающія мины. Былъ вызванъ въ Севастополь нашъ лучшій спеціалистъ по минному дѣлу кап. 1 р. Шрейберъ, разработавшій новый типъ малой мины, такъ называемую «рыбку» для борьбы съ подводными лодками.

9.000 такихъ «рыбокъ» были заказаны нашимъ южнорусскимъ заводамъ, и уже въ іюлѣ 1916 года было приступлено къ минированію подхода къ проливу Босфоръ. Русская подводная лодка «Крабъ» 31-го іюля поставила сначала 40 минъ въ самомъ горлѣ пролива. 2-го, 5-го и 9-го августа эскадренные миноносцы поставили шесть линій основного миннаго загражденія, всего 720 минъ. Кромѣ того, для усиленія основного загражденія 11-го августа эскадренные миноносцы поставили на его флангахъ еще 156 минъ. Вслѣдствіе этихъ минныхъ постановокъ противникъ въ теченіе мѣсяца не выходилъ въ Черное море. Но вслѣдствіе того, что минныя загражденія ничѣмъ не защищались, противнику удалось черезъ мѣсяцъ протралить фарватеръ около самого берега и возобновить движеніе мелкихъ судовъ.

Потребовалось подновить минныя загражденія, ставя мины подъ самымъ берегомъ на протраленномъ непріятелемъ фарватерѣ и въ горлѣ пролива. Но для этого слѣдовало проходить черезъ свои же минныя поля, что могли дѣлать только

суда съ очень малымъ углубленіемъ. Такими судами на Черномъ морѣ были такъ называемые «эльпидифоры» или паровыя шкуны Азовскаго моря. Въ качествѣ оріентира при выходѣ судовъ къ мѣсту постановки использовались подводныя лодки.

Для подновленія загражденій у Босфора и Варны были спеціально оборудованы два «эльпидифора». Каждое судно принимало по 220 минъ. Подновленіе минныхъ загражденій у Босфора и Варны съ «эльпидифоровъ» началось въ октябрѣ 1916 года. Вслѣдствіе того, что эти суда были тихоходны, для постановки минъ у Босфора и Варны ихъ приходилось вести на буксирѣ изъ Севастополя до района постановки. Для буксировки примѣнялись надводные минные заградители, имѣвшіе на борту второй комплектъ минъ. Постановка минъ производилась ночью. Послѣ постановки «эльпидифоры» возвращались къ минному заградителю, принимали второй комплектъ минъ и на слѣдующую ночь производили вторую постановку. При такой организаціи одинъ «эльпидифоръ» могъ поставить за одинъ походъ 440 минъ. За время командованія Черноморскимъ флотомъ адмираломъ Колчакомъ въ 1916 году было такимъ образомъ поставлено у Босфора 2.088 минъ, и у Варны 740 минъ. Въ результатѣ этихъ постановокъ германо-турецкія и болгарскія морскія силы потеряли потопленными на этихъ минахъ 1 эск. миноносецъ, 4 подв. лодки и рядъ мелкихъ судовъ. Военныя суда германо-турецкихъ морскихъ силъ оказались заблокированы въ своихъ портахъ и въ концѣ 1916 и началѣ 1917 года въ Черное море не выходили.

Германскій морской историкъ контръ-адмиралъ Лорей въ своемъ офиціальномъ капитальномъ трудѣ, озаглавленномъ „Der Krieg zur See“ по вопросу постановокъ этихъ минныхъ загражденій у Босфора и Варны выражаетъ свое мнѣніе слѣдующими словами:

«. . . Постановка минныхъ загражденій у Босфора и Варны русскими морскими силами лѣтомъ и осенью 1916 года явилась операціей во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной. По приблизительному подсчету ими было поставлено отъ 1.800 до 2.000 минъ загражденія. Для выполненія этого заданія они пользовались многими ночами, потому что лишь ночью имъ можно было приближаться къ берегу. Ихъ линіи загражденій

тянулись до самаго очертанія побережья вплотную къ берегу и новыя ставились такъ близко отъ прежде поставленныхъ, что ловкость, отчетливость и увѣренность, съ которой русскіе избѣгали своихъ же, на малую глубину ранѣе поставленныхъ минъ, по истинѣ достойна удивленія. Въ качествѣ примѣтныхъ пунктовъ они обычно, пользовались ракетной или спасательной станціями . . .».

За все время командованія флотомъ адмираломъ Колчакомъ русская транспортная флотилія потеряла всего одинъ пароходъ. Снабженіе русскихъ армій было, такимъ образомъ, обезпечено, и первая директива Черноморскому флоту — неограниченное господство на морѣ — была прекрасно выполнена.

Вторая директива Ставки, предложенная адмиралу къ выполненію, какъ было указано выше, заключалась въ задачѣ занятія Босфора и Дарданеллъ лѣтомъ 1917 года, когда Верховное Командованіе предполагало возможность перелома военнаго счастья въ нашу пользу и начала общаго наступленія нашихъ войскъ и войскъ нашихъ союзниковъ на всѣхъ фронтахъ. Адмиралъ началъ готовить планъ 2-ой задачи, атаки Босфора, намѣченной на лѣто 1917 года.

Адмиралъ Колчакъ считалъ, что опытъ операціи британцевъ и французовъ у Дарданеллъ показалъ невозможность прорыва флота черезъ узкій проливъ безъ содѣйствія арміи. Поэтому его планъ атаки Босфора состоялъ въ высадкѣ десанта на побережьѣ Чернаго моря для захвата сначала непріятельскихъ батарей съ суши, а затѣмъ уже, захвативъ батареи, надлежало вводить нашъ флотъ въ проливъ, когда траленіе минныхъ полей не представитъ большихъ затрудненій. Была подготовлена транспортная флотилія для перевозки десанта, выработаны подробныя тактическія наставленія для осуществленія высадки и организована служба связи.

Однако всему этому не суждено было осуществиться вслѣдствіе крушенія Россійской Имперіи и послѣдовавшаго полнѣйшаго разложенія вооруженныхъ силъ Россіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кап. 2 р. Н. С. Чириковъ

А. Зернинъ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА АДМИРАЛУ МАКАРОВУ

(Изъ воспоминаній)

Лѣтомъ 1913 года въ Кронштадтѣ состоялось открытіе памятника нашему знаменитому флотоводцу, адмиралу Макарову, безвременно погибшему на броненосцѣ «Петропавловскъ» въ самомъ началѣ войны съ Японіей. Онъ былъ извѣстенъ во всемъ мірѣ. Французы считаютъ его лучшимъ адмираломъ XIX вѣка и приняли у себя многія его изобрѣтенія.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Петербургъ прибыла французская военная миссія, во главѣ съ Начальникомъ Генеральнаго Штаба, генераломъ Жоффромъ, для совѣщанія по дѣламъ нашего франко-русскаго военнаго союза.

Въ день открытія памятника почти весь Балтійскій флотъ собрался на Кронштадтскомъ рейдѣ, чтобы почтить память доблестнаго адмирала. Къ назначенному часу всѣ свободные отъ вахты офицеры, въ бѣлыхъ кителяхъ при саблѣ, съѣхали на берегъ и собрались на площади передъ Морскимъ Соборомъ.

Когда я пришелъ на площадь, она уже была запружена народомъ, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось пробраться къ центральной ея части, посреди которой возвышался закрытый покрываломъ монументъ, около котораго былъ выставленъ почетный караулъ. Никакой изгороди вокругъ этого пространства не было. Стояла лишь полиція, которая слѣди-

ла за порядкомъ и не допускала толпу къ центральной части, гдѣ собрались высшіе сановники и должностныя лица, а также иностранные гости. Вокругъ этой почетной зоны стояли, держа другъ-друга за руки, гардемарины, образуя живую цѣпь, за которую нельзя было пройти иначе, чѣмъ черезъ контроль съ другой стороны площади. Пропускались только офиціальныя лица, участвовавшія въ церемоніи.

Почетная зона уже была заполнена. Внутри нея можно было замѣтить министровъ и генераловъ въ орденахъ и звѣздахъ, а также нарядныхъ дамъ въ бѣлыхъ шляпкахъ и красивыхъ платьяхъ. Былъ чудный лѣтній день, вокругъ царило пріятное оживленіе.

Подойдя къ цѣпи, которую составляли гардемарины, я замѣтилъ среди нихъ 2-хъ пріятелей, друзей дѣтства *), которые, увидѣвъ меня, молча посмотрѣли другъ на друга и незамѣтно расцѣпили руки, предоставляя мнѣ войти въ почетную зону. Я вошелъ съ независимымъ видомъ, держа за эфесъ свою саблю, которая, въ принципѣ, должна была волочиться по землѣ на длинныхъ ремняхъ портупеи, надѣтой подъ китель, но это не допускалось. При парадной формѣ, стоя, саблю надо было держать передъ собой, поставивъ ее на землю и положивъ руки на эфесъ. На ходу, надо было нести ее, придерживая рукой. Я очутился между самыми почетными гостями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ Коковцева въ лентѣ Владиміра 1-ой степени. Справа оказалась какая-то очень важная дама, посмотрѣвшая на меня въ лорнетъ. Я отдалъ ей честь, но не будучи съ ней знакомъ, сейчасъ же повернулся въ другую сторону и увидѣлъ слѣва отъ себя красиваго мужчину въ мундирѣ расшитомъ золотыми галунами, съ золотымъ ключемъ на голубомъ бантѣ сбоку, — камергеръ. Непосредственно передо мною — плотная спина какого-то иностраннаго генерала въ треуголкѣ съ бѣлымъ плюмажемъ, въ лентѣ Александра Невскаго черезъ лѣвое плечо.

У подножія монумента, съ одной стороны почетный караулъ, съ другой взводъ матросовъ съ крейсера «Адмиралъ Макаровъ», у нихъ на флангѣ — сынъ адмирала, Вадимъ Макаровъ, молодой мичманъ, почти юноша. Тутъ же поблизости — вдова Адмирала и ея дочь съ мужемъ.

---

*) **Ковенко и Сланскій (вып. 1914 г.)**

Почетная публика, совершенно непривыкшая къ дисциплинѣ, придвинулась почти вплотную къ караулу, вытянувшемуся въ двѣ шеренги точно по линейкѣ. Распоряжался церемоніей Командиръ Кронштадтскаго полуэкипажа, капитанъ 2 ранга Панферовъ. Въ бѣломъ кителѣ съ орденами, держа свою саблю за эфесъ, онъ торопливо обходилъ пространство вокругъ памятника, упрашивая публику отодвинуться назадъ, но его никто не слушалъ.

Въ это время у въѣзда на площадь раздались громовые крики ура. Государь здоровался съ войсками.

«Господа»: — тщетно взывалъ Панферовъ — важный моментъ! Освободите проходъ передъ карауломъ». И, раскинувъ руки крестомъ, при поддержкѣ нѣкоторыхъ присутствующихъ, онъ сталъ наступать на почетную публику, отодвигая ее назадъ.

Черезъ самое короткое время показался Государь, направлявшійся въ сторону почетнаго караула. Онъ былъ въ лѣтней формѣ Гвардейскаго Экипажа, т. е. въ защитнаго цвѣта кителѣ, при Андреевской лентѣ. Сопровождаемый морскимъ министромъ и флагъ-капитаномъ онъ вошелъ въ проходъ между почетными гостями и карауломъ. Публика въ самый послѣдній моментъ вдругъ подалась назадъ и французскій генералъ, держа руку у треуголки, пятясь назадъ со всѣми, наступилъ мнѣ на ногу. Онъ сейчасъ же повернулся, поспѣшно извиняясь. Но въ такой моментъ было не до извиненій.

Государь шелъ въ очень узкомъ проходѣ, отвернувшись отъ публики, точно не желая ее видѣть. Онъ смотрѣлъ только на выстроенныхъ передъ Нимъ матросовъ, на ихъ открытыя простодушныя лица, причемъ взглядъ Его хотя бы на самую малую долю секунды задерживался на каждомъ изъ нихъ, отчего у каждаго непремѣнно оставалось впечатлѣніе, что Государь остановилъ свое вниманіе именно на немъ и запомнилъ его. Обойдя караулъ, Государь повернулся и пошелъ обратно къ памятнику, опять не глядя на почетную толпу и какъ бы совсѣмъ ея не замѣчая. Меня поразило выраженіе Его лица, котораго я не могу забыть. Оно было полно глубокаго спокойствія и привѣтливой грусти. Занятый своими мыслями, казалось, онъ не замѣчалъ ничего окружающаго и все, что приходилось дѣлать, онъ совершалъ автоматически.

Послѣ короткаго богослуженія съ провозглашеніемъ Вѣчной Памяти незабвенному Адмиралу, Государь приблизился къ памятнику и сдѣлалъ жестъ, котораго въ точности я не разсмотрѣлъ изъ за спины французскаго генерала, кажется разрѣзалъ какой-то шнуръ. Покрывало съѣхало наполовину и за что-то зацѣпилось. Въ это время налетѣлъ порывъ вѣтра и сталъ хлестать по пьедесталу широкими полотнищами, задѣвая головы близъ стоящихъ, такъ что Государю пришлось отойти немного въ сторону. Мичманъ Макаровъ съ помощью матросовъ съ крейсера поспѣшно ликвидировалъ происшедшую заминку и покрывало упало къ подножію пьедестала.

Въ этотъ моментъ съ мѣста, отведеннаго для почетныхъ гостей, вышелъ нѣмецкій Военный Агентъ, неся вѣнокъ цвѣтовъ. Положивъ цвѣты къ подножью памятника онъ, повернувшись къ присутствующимъ, произнесъ: „De la part de l'Empereur d'Almagne".

Послѣ этого Государь подошелъ къ членамъ семьи Адмирала и обратился къ нимъ съ привѣтливыми словами, затѣмъ медленно направился къ выходу. За нимъ двинулись всѣ почетные гости. Французскій генералъ снова повернулся ко мнѣ и долго трясъ мнѣ руку, возобновивъ извиненія за то, что онъ отдавилъ мнѣ ногу. Я сконфуженно повторялъ въ отвѣтъ одну и ту же фразу: „Il n'y a pas de mal", не находя по молодости лѣтъ ничего болѣе умнаго и удивляясь, что онъ говоритъ такъ долго по столь пустяшному поводу. Камергеръ съ золотымъ ключемъ смотрѣлъ на меня улыбаясь. Наконецъ, къ моему большому облегченію, генералъ, еще разъ пожавъ мнѣ руку, присоединился къ свитѣ Государя.

Въ это время мимо меня проходилъ адмиралъ Ниловъ, Флагъ-Капитанъ Государя. Догоняя его, къ нему приблизился кто-то изъ высшаго морского начальства, спрашивая, не состоится ли, по случаю сегодняшняго торжества, зачисленіе сына Адмирала въ флигель-адъютанты?

«Что вы, голубчикъ, — отвѣтилъ нехотя Флагъ-Капитанъ, — онъ только полгода тому назадъ произведенъ въ офицеры, развѣ можно его, еще не имѣющаго никакого служебнаго опыта, ставить на одну доску съ его отцомъ»?

Французскій генералъ подошелъ къ Государю, который сейчасъ же заговорилъ съ нимъ, ласково улыбаясь.

«Не можете ли вы мнѣ сказать, кто этотъ генералъ»? — спросилъ я у камергера.

«Это начальникъ Французскаго Генеральнаго Штаба, Жоффръ», — отвѣтилъ камергеръ.

Тогда это не произвело на меня никакого особеннаго впечатлѣнія, но черезъ годъ, когда разразилась война и имя Жоффра запестрѣло во всѣхъ газетахъ, мнѣ было занятно разсказывать друзьямъ, какъ я познакомился съ французскимъ главнокомандующимъ и даже имѣлъ съ нимъ разговоръ, правда, весьма мало-содержательный, но все же разговоръ, причемъ мы дважды пожали другъ другу руки.

А. Зернинъ

Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ А. И. НЕПЕНИНЪ

Опытъ біографіи.

Окончаніе.

СМУТНЫЕ ДНИ.

Революціонныя событія въ Петроградѣ развивались съ такой головокружительной быстротой, что даже высшее военное командованіе столицы оказалось захваченнымъ врасплохъ. Лишь 27-го февраля, когда положеніе стало совершенно критическимъ, Военный Министръ ген. Бѣляевъ донесъ въ Царскую Ставку и Командующему Сѣв.-Зап. Фронтомъ, что «вспыхнулъ военный мятежъ... погасить который не удалось и многія части присоединяются къ мятежникамъ» *).

Бунтъ этотъ распространился и на морскія части. На стоявшемъ въ Невѣ крейсерѣ «Аврора» былъ убитъ, при попыткѣ не допустить на корабль пришедшую банду, его командиръ кап. 1 р. Никольскій. И, возможно, что лишь благодаря тому, что командиръ Гвардейскаго Экипажа Вел. Князь Кириллъ Владиміровичъ самъ вывелъ остававшихся въ С.-Петербургѣ запасныхъ и новобранцевъ Гвардейскаго Экипажа **) и повелъ ихъ въ строю къ Государственной Думѣ для выраженія ей поддержки, тамъ обошлось безъ эксцессовъ.

---

*) Телегр. ген. Бѣляева 27-2-1917 № 197.

**) Строевой составъ Гвардейскаго Экипажа находился: Отдѣльный Батальонъ Гв. Эк. — въ Царскомъ Селѣ, крейсеръ "Олегъ" въ Ревелѣ, эск. миноносцы "Украйна" и "Войсковой" въ Гельсингфорсѣ, крейсеръ "Варягъ" въ морѣ на переходѣ изъ Мурманска въ Англію. Г. Н. Таубе. Письмо автору 1-9-62.

Изъ за перерыва сообщенія Гельсингфорса съ Петроградомъ свѣдѣнія о происходящемъ стали поступать туда прежде всего изъ Морского Генеральнаго Штаба по прямому проводу въ Штабъ Командующаго Флотомъ, что дало возможность Непенину хотя бы отчасти оріентироваться въ обстановкѣ момента.

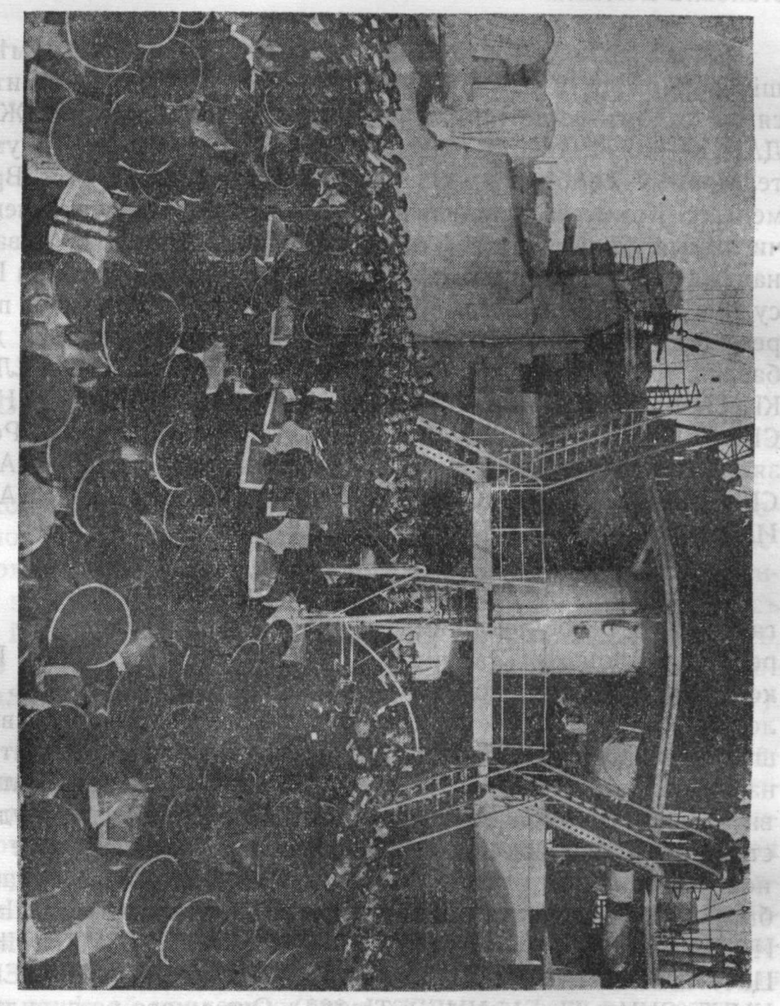
«И все же, — говоритъ безпристрастный свидѣтель, имѣвшій возможность намѣстѣ, по горячему слѣду, ознакомиться съ ходомъ событій, *), — адмиралъ Непенинъ НЕОЖИДАННО получилъ отъ Предсѣдателя Государственной Думы телеграмму сообщающую... объ образованіи Думой Временнаго Комитета, «принявшаго, чтобы предотвратить неисчислимыя бѣды», власть въ свои руки. Телеграмма давала надежду на сохраненіе Династіи лишь въ случаѣ отреченія Государя отъ Престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича при регенствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. И, добавляя, что Временный Комитетъ УЖЕ ПРИЗНАНЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ НИКОЛАЕМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ И НѢСКОЛЬКИМИ ИЗЪ КОМАНДУЮЩИХЪ ФРОНТАМИ, Родзянко просилъ Непенина въ силу остраго положенія «ДАТЬ СРОЧНЫЙ ОТВѢТЪ О ПРИЗНАНІИ ЭТОГО КОМИТЕТА И ИМЪ» **).

Непенинъ былъ страшно пораженъ этимъ шагомъ, пугавшимъ его послѣдствіями, и только тотъ фактъ, что переворотъ происходилъ, видимо, съ одобренія Вел. Князя Николая Николаевича, котораго онъ глубоко уважалъ, какъ человѣка сильной воли, и сознаніе, что расколъ въ средѣ высшихъ военныхъ начальниковъ долженъ гибельно отразиться на боеспособности арміи и флота, вынудили его, послѣ долгой внутренней борьбы, признать Временный Комитетъ Государственной Думы. Медлить было нельзя, т. к. на Флотѣ уже поползли зловѣщіе слухи о событіяхъ, и нѣкоторые корабли были уже ненадежны. НЕПЕНИНУ ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ИДТИ ВПЕРЕДИ СОБЫТІЙ, ЧТОБЫ НЕ УПУСТИТЬ ИНИЦІАТИВЫ... ЕСЛИ БЫ НИ ТАКЪ, ТО АДМИРАЛЪ НЕПЕНИНЪ СУМѢЛЪ БЫ УМЕРЕТЬ ***). Онъ много разъ видѣлъ смерть передъ глазами и всегда былъ готовъ къ ней».

---

*) Г. Графъ "На "Новикѣ" стр. 253-257.

) и *) Курсивы мои. Б. Д.



Смотръ вице-адмираломъ Непенинымъ линейнаго корабля.

И Непенинъ этотъ шагъ сдѣлалъ. Но какой цѣной внутренней трагедіи онъ за него платилъ можно судить по словамъ того же автора, что послѣ посылки своего отвѣта «Непенинъ ходилъ какъ убитый... Прежняго жизнерадостнаго Непенина нельзя было узнать. Онъ какъ-то сразу весь осунулся и постарѣлъ за нѣсколько часовъ».

О своемъ признаніи Временнаго Комитета Гос. Думы Непенинъ тотчасъ донесъ въ Ставку адмиралу Русину и сообщилъ старшимъ начальникамъ Флота и крѣпостей Балтійскаго моря.

Пригласивъ къ себѣ всѣхъ наличныхъ въ Гельсингфорсѣ Флагмановъ онъ огласилъ имъ телеграмму Родзянко и свой отвѣтъ, прибавивъ, что если кто изъ нихъ несогласенъ съ его рѣшеніемъ, то таковыхъ онъ проситъ отдѣльно придти къ нему въ каюту. Очевидно он опасался какихъ либо репрессій со стороны командъ противъ тѣхъ, чей протестъ могъ быть подслушанъ кѣмъ нибудь изъ матросовъ, и оберегалъ ихъ, принимая всѣ послѣдствія на себя одного.

Всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ адмирала М. К. Бахирева, признали его рѣшеніе правильнымъ. Но и этотъ послѣдній, сперва заявившій Непенину, что, оставаясь вѣрнымъ Государю, онъ не считаетъ для себя возможнымъ продолжать службу, выслушавъ его доводы, призналъ, что въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ уходить въ сторону нельзя и остался на своемъ посту.

Между тѣмъ и на корабляхъ въ Гельсингфорсѣ уже поползли слухи о происходящемъ въ столицѣ и, чтобы предотвратить волненія, Непенинъ приказалъ вызвать на флагманскій корабль по два депутата отъ всѣхъ кораблей и частей флота и крѣпости.

«Черезъ часъ, — разсказываетъ Флагъ-Офицеръ его Штаба *), — въ командномъ помѣщеніи «Кречета» собралось около сотни депутатовъ. Адріанъ Ивановичъ вышелъ къ нимъ и произнесъ самую замѣчательную рѣчь, которую мнѣ пришлось услышать за всю мою жизнь. Онъ описалъ всѣ событія послѣднихъ дней и необходимость продолжать войну. Ввиду происшедшихъ событій положеніе командъ измѣнится и онъ

*) Ст. л-тъ М. В. Гамильтонъ. Письмо автору 2-16-55.

займется этимъ вопросомъ завтра же. И, подъ конецъ, предложилъ имъ поговорить между собой и, если они укажутъ ему на какія-либо срочныя мѣры, онъ готовъ ихъ обсудить и, по возможности, осуществить.

Это совѣщаніе продолжалось около часа и, когда Адріанъ Ивановичъ вышелъ къ делегатамъ, они заявили только три пожеланія: во-первыхъ — курить на улицѣ, во-вторыхъ — носить калоши и третье, которое я не могу припомнить, но столь же идіотское.

Непенинъ былъ, видимо, пораженъ такими скромными требованіями и не колеблясь отвѣтилъ, что все это легко устроить».

Какъ видно изъ этого разсказа не только какихъ-либо политическихъ и экономическихъ вопросовъ, но даже никакихъ претензій на отмѣну чисто внѣшнихъ правилъ воинской дисциплины, какъ, напримѣръ, отданіе чести офицерамъ, ни одинъ изъ этихъ многочисленныхъ депутатовъ не поднималъ. Какимъ яркимъ опроверженіемъ является этотъ фактъ мнѣнію тѣхъ, кто думаетъ, что матросы Балтійскаго Флота якобы не любили своего Командующаго именно за его требовательность въ этомъ отношеніи.

И никто изъ этихъ делегатовъ не только не высказалъ враждебныхъ чувствъ, ни лично къ нему ни по адресу своихъ командировъ и офицеровъ, но даже не упомянулъ «пищу» — обычный объектъ претензій въ бунтарскіе дни 1905-06 годовъ.

Къ сожалѣнію, только что вступившій на постъ Министра Юстиціи Керенскій не смогъ посѣтить флотъ во-время. Позднѣйшій пріѣздъ его въ Ревель и пріемъ оказанный ему тамъ толпами матросовъ, солдатъ и рабочихъ вполнѣ подтвердили возлагавшіяся на него надежды на успокоеніе массъ. Можно думать, что его вліяніе на нихъ въ тѣ дни могло бы предотвратить и всю послѣдующую кровавую трагедію флота.

Между тѣмъ въ Кронштадтѣ, гдѣ сосредоточены были многочисленные кадры запасныхъ и имѣлся значительный элементъ революціонно настроенныхъ портовыхъ рабочихъ, волненія выливались въ шумныхъ уличныхъ демонстраціяхъ.

«Въ Кронштадтѣ безпорядки» — телеграфировалъ 1-го марта Генералъ Квартирмистръ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Начальнику Штаба Главнокомандующаго Сѣвер-

нымъ Фронтомъ. — «Части ходятъ по улицамъ съ музыкой. Вице-адмиралъ Курошъ доноситъ, что принять мѣры къ усмиренію съ тѣмъ составомъ, который имѣется въ гарнизонѣ, онъ не находитъ возможнымъ, т. к. не можетъ ручаться ни за одну часть » *).

Какъ видно, демонстраціи эти носили еще довольно мирный характеръ, когда телеграмма Непенина должна была уже быть въ рукахъ начальства, но, какъ говоритъ одинъ изъ свидѣтелей послѣдовавшихъ кровавыхъ событій, была задержана опубликованіемъ **). По его мнѣнію эти эксцессы вѣроятно могли бы быть предотвращены если бы сообщеніе о признаніи имъ Временнаго Комитета Государственной Думы было бы немедленно и широко опубликовано. Но, разумѣется, это остается лишь въ области предположенйі, хотя и весьма вѣроятныхъ.

ВЪ ПОРТАХЪ БАЛТИКИ.

Одновременно съ отправкой телеграммы о признаніи Временнаго Комитета Государственной Думы въ Ставку Непенинъ сообщилъ объ этомъ и всѣмъ старшимъ морскимъ и военнымъ начальникамъ подчиненнаго ему флота и крѣпостей.

И, посколько можно судить о ходѣ событій въ различныхъ пунктахъ, тамъ гдѣ это сообщеніе было объявлено достаточно своевременно, это, до нѣкоторой степени, способствовало болѣе спокойному воспріятію ихъ командами.

Такъ на стоящихъ въ Ревелѣ корабляхъ и въ морскихъ береговыхъ командахъ извѣстіе было принято съ выжидательной напряженностью, но безъ особыхъ эксцессовъ, тогда какъ въ средѣ войскъ гарнизона Крѣпости Императора Петра Великаго и рабочихъ порта настроеніе приняло столь угрожающій характеръ, что Непенину потребовалось просить Предсѣдателя Государственной Думы послать туда депутатовъ для успокоенія. Однако прибытіе представителей умѣреннаго центра Думы не внесло ожидаемыхъ результатовъ и, на слѣдующій день Непенинъ вынужденъ былъ вновь обратиться къ Родзянко.

---

*) Ген. Лукомскій 1 марта 17 ч. 15 м. "Арх. Р. Рев." (Изд. Гессеномъ ст. 252).
**)Ф. Г. Скрыдловъ, Письмо автору 21-10-58.

«Сообщаю копію моей телеграммы Предсѣдателю Государственной Думы» — донесъ онъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго. — Положеніе въ Ревелѣ вновь приняло угрожающій характеръ. Войска выходятъ изъ повиновенія. Прибытіе членовъ Государственной Думы не внесло достаточнаго успокоенія. Изъ Ревеля передаютъ, что является желательнымъ прибытіе депутата Керенскаго, который пользуется особымъ авторитетомъ у рабочихъ *).

БУНТЪ ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.

Тѣмъ временемъ темныя силы не дремали и главный ихъ ударъ былъ направленъ на ядро боевого флота въ Гельсингфорсѣ.

Какъ впослѣдствіи стало извѣстно Ленинъ и возглавляемая имъ партія Соціалистовъ-Демократовъ Большевиковъ широко финансировались Германскимъ Большимъ Штабомъ въ цѣляхъ моральнаго разложенія вооруженныхъ силъ Россіи. И полная аморальность ея вождей, готовыхъ на любое предательство своей страны для достиженія партійныхъ цѣлей, сдѣлала ее ПЛАТНЫМЪ АГЕНТОМЪ ГЕРМАНІИ РАБОТАВШИМЪ НА ПОРАЖЕНІЕ РОССІИ, подъ флагомъ соціальной революціи.

Оружіемъ этой работы служила революціонная пропаганда, для которой обстановка въ Гельсингфорсѣ являлась весьма благопріятной благодаря легкости установленія контакта съ людьми изъ командъ стоявшихъ въ бездѣйствіи на Свеаборгскомъ рейдѣ и у стѣнки порта судовъ. И, какъ показали событія, особенно прочныя гнѣзда бунтарскихъ направленій были свиты на линкорнахъ Второй Бригады.

Все же, несмотря на это, взаимоотношенія между офицерскимъ и рядовымъ составомъ на большинствѣ судовъ въ первые дни революціи, оставались довѣрчивыми и флотъ все еще не терялъ свою боеспособность.

Ничто не раздѣляетъ людей въ такой степени, какъ взаимно пролитая кровь. Она отравляетъ души обѣихъ сторонъ. Въ народахъ примитивныхъ она рождаетъ «кровную месть» живущую въ поколѣніяхъ. Но и среди людей высокой культу-

*) 3 марта № 285 Операт.

ры она вырываетъ глубокую пропасть, засыпать которую могутъ лишь долгіе годы. И вотъ эту то пропасть предатели рыли руками свихнувшихся подъ вліяніемъ ихъ пропаганды простыхъ людей.

КРОВАВАЯ НОЧЬ.

День 3-го марта проходилъ на Свеаборгскомъ рейдѣ внѣшне спокойно, когда вдругъ, во время ужина, Непенину доложили, что на «Павлѣ» и «Андреѣ» подняли красные флаги *) и слышна ружейная стрѣльба. Тамъ, видимо убивали своихъ офицервоъ. Первымъ естественнымъ его движеніемъ было желаніе немедленно подавить бунтъ любою цѣной. И единственной силой, способной это выполнить, была Первая Бригада линейныхъ кораблей.

«Дайте мнѣ диспозицію флота на рейдѣ», — приказалъ онъ, — говоритъ флагъ-офицеръ Оперативной Части Штаба Флота. «Адмиралъ смотрѣлъ углы обстрѣла. Задумался и произнесъ: «НѢТЪ. Я РУССКОЙ КРОВИ НЕ ПРОЛЬЮ» **).

Да. Хотя во время смотра «Гангуту» онъ и говорилъ, что будь онъ на мѣстѣ Канина, то за имѣвшее на этомъ кораблѣ мѣсто коллективнаго нарушнеія дисциплины, онъ утопилъ бы корабль со всѣмъ его экипажемъ ***), теперь, въ этотъ грозный моментъ бунта, рука его на такое тяжкое дѣло не поднялась.

Была ли это слабость? Не хватило духа эту угрозу теперь выполнить? Думается, что нѣтъ. Вѣрнѣе говорилъ просто здравый смыслъ. Вѣдь увѣренности въ томъ, что, въ настоящей обстановкѣ, Первая Бригада такой приказъ выполнитъ, быть не могло. А ея неповиновеніе сдѣлало бы положеніе ужасающимъ. Ручьи офицерской крови слились бы въ широкую рѣку.

Печальная же участь флота, какъ боевой силы, въ его глазахъ, все равно теперь окончательно опредѣлилась.

«РОССІЕЙ ПРАВИТЪ ЧЕРТЪ», — воскликнулъ онъ, когда ему доложили объ убійствѣ Начальника 2-ой Бригады Линейныхъ Кораблей контръ-адмирала Небольсина ****).

---

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ. Письмо автору 17-1-56. По другой версіи зажгли красные клотиковые огни.
**) Тамъ же. (Курсивъ мой. Б. Д.).
***) См. "Мор. Зап." кн. 54 1961 г. стр. 109.
****) А. Н. Павловъ, "Къ Юбилею Безкровной". "Мор. Зап." кн. 3 стр. 71 1954 годъ.

«На «Андреѣ», «Павлѣ», «Славѣ» бунтъ. Адмиралъ Небольсинъ убитъ. Балтійскаго Флота, какъ военной силы, сейчасъ, не существуетъ», — телеграфировалъ онъ въ Ставку адмиралу Русину *).

И, вслѣдъ за тѣмъ, донесъ Вел. Князю Николаю Николаевичу: «Бунтъ почти на всѣхъ судахъ» **).

Однако и этотъ пессимистическій прогнозъ положенія не останавливаетъ его попытокъ успокоить разыгравшіяся страсти и, при содѣйствіи, какъ со стороны Временнаго Правительства, такъ и представителей еще сохранившихъ благоразуміе кораблей, хотя бы только остановить дальнѣйшее кровопролитіе. И насколько эти попытки, казалось, сулили надежду на успѣхъ можно судить изъ донесенія Генерала Алексѣева Вел. Князю Николаю Николаевичу:

«Всеподданнѣйше доношу, что отъ адмирала Непенина получена слѣдующая телеграмма: собранію депутатовъ отъ командъ, путемъ уговоровъ и благодаря телеграммамъ министра юстиціи Керенскаго, удалось прекратить кровопролитіе и безпорядокъ» ***).

Увы, вскорѣ стало яснымъ, какъ все это оказалось непрочнымъ. Вызванные депутаты Г. Думы запоздали, а, тѣмъ временемъ, обезпокоенные успѣхомъ противодѣйствія Непенина ихъ разрушительной работѣ, темныя силы положили этому конецъ его убійствомъ.

ПОДЛОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

«Въ воротахъ Свеаборгскаго порта вечеромъ убитъ выстрѣломъ изъ толпы адмиралъ Непенинъ. Съ утвержденія Морского Министра въ командованіе флотомъ вступилъ адмиралъ Максимовъ». Такъ, очевидно, вслѣдствіи неясности поступавшихъ изъ Гельсингфорса сообщеній, телеграфировалъ адмиралъ Григоровичъ ген. Рузскому въ Ставку ****).

Подлинная же картина событій этого, горестнаго для Рус-

---

*) 3 марта № 286 оп. "Кр. Арх. Февр. Рев." Изъ докум. Ставки". № 25А.
**) 4 марта № 288 оп. "Кр. Арх. Февр. Рев." Изъ докум. Ставки № 25Б.
***) 4 марта № 1948.
****) Адмиралъ Григоровичъ Рузскому. 4 марта № 306 — оп. "Кр. Архивъ" 1927 г. "Изъ документовъ Ставки".

скаго Флота и Россіи, дня, рисуется изъ показаній личныхъ свидѣтелей въ слѣдующемъ видѣ.

3-го марта вечеромъ, въ общемъ порядкѣ службы, сигналомъ съ флагманскаго судна «Кречетъ» дежурнымъ кораблемъ на слѣдующій день былъ назначенъ линейный корабль «Полтава».

«На утро 4-го марта, — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ назначенный Старшимъ Обходнымъ Офицеромъ съ этого корабля командиръ 5-ой роты Трюмный Инженеръ Механикъ лейтенантъ И. Волхонскій, — наступило затишье. Жизнь на корабляхъ еще не успѣла разстроиться и, послѣ подъема флага я вызвалъ взводъ моей роты въ числѣ 40 человѣкъ. Ввиду происшедшихъ ночью безпорядковъ командиръ корабля кап. 1 р. С. В. Зарубаевъ приказалъ выдать взводу винтовки съ патронами. Въ помощь мнѣ былъ взводъ съ «Гангута» съ офицеромъ . . . Подходя къ берегу, но, къ несчастью, находясь еще въ 10 минутахъ ходьбы отъ берега. я услышалъ выстрѣлы и увидѣлъ заминку въ воротахъ порта. Это было . . . убійство незабвеннаго Адріана Ивановича. Не зная еще объ этомъ мы все же ускорили шагъ, но помѣшать уже не могли . . . Прійди мы на нѣсколько минутъ раньше мы бы помѣшали этому убійству и судьба флота была бы иная. Придя на берегъ я узналъ, что германскій агентъ переодѣтый матросомъ стрѣлялъ въ адмирала, тяжело его ранилъ, и уже арестованъ . . . Я распорядился отправить взводъ съ «Гангута» на Вокзальную площадь, гдѣ долженъ былъ происходить митингъ, а отъ своего взвода 15 человѣкъ подъ командой унт.-офицера Мельникова патрулировать по городу» . . . Около 3-хъ час. дня Мельниковъ сообщилъ, что у дома гдѣ проживали семейства высшихъ чиновъ Свеаборгской крѣпости наблюдается скопленіе людей одѣтыхъ въ солдатскую форму . . . солдаты хотятъ проникнуть во дворъ дома. Приказавъ ему воспрепятствовать этому не стѣсняясь ничѣмъ Волхонскій съ остальными людьми на портовомъ грузовикѣ отправился туда. Подъѣзжая онъ увидѣлъ, что банда запасныхъ съ камнями напала на взводъ. Мельниковъ открылъ огонь, сперва въ воздухъ, потомъ по толпѣ. Увидѣвъ грузовикъ съ соскавивающими съ него матросами толпа бросилась бѣжать, оставивъ на мѣстѣ десятокъ раненыхъ. Часа черезъ два прибылъ взводъ крѣпостной артиллеріи, которому была

сдана охрана дома. Раненые были отвезены въ госпиталь. Морской обходъ потерь не имѣлъ и, по докладѣ командиру «Полтавы» о его дѣйствiяхъ послѣднiй, приказомъ по кораблю, объявилъ благодарность Волхонскому и людямъ взвода за ихъ дѣйствiя. А на слѣдующее утро на корабль прибыли К-щiй Войсками Крѣпости и Укрѣпленнаго района ген.-лейт. Пащенко и К-щiй Артиллерiей Кр-ти ген. М. Алексѣевскiй и, при выстроенной командѣ благодарилъ за спасенiе семействъ *).

Этотъ инцидентъ подтверждаетъ предположенiе автора воспоминанiй, что, случись взводу съ «Полтавы» быть на мѣстѣ преступленiя въ роковой моментъ, оно могло бы быть предупреждено. Но, увы, всѣ обстоятельства роковымъ образомъ складывались въ пользу враговъ.

Однимъ изъ нихъ оказалось и ожидавшееся прибытiе въ Гельсингфорсъ членовъ Государственной Думы, о присылкѣ которыхъ настойчиво просилъ самъ Непенинъ. Хотя, вмѣсто Керенскаго, который былъ не въ состоянiи прiѣхать лично, были посланы менѣе популярные Родичевъ и Скобелевъ все же ихъ прiѣздъ вызвалъ въ командахъ флота и крѣпости большой интересъ къ готовившемуся на Вокзальной площади митингу. И, въ ожиданiи ихъ тамъ собралась огромная толпа.

Съ разрѣшенiя Непенина туда же ушла и большая часть команды стоявшаго у стѣнки порта «Кречета», на которомъ, для охраны секретныхъ документовъ оперативной части, остались самъ адмиралъ, офицеры и часть команды Штаба и корабля.

Поѣздъ съ депутатами сильно опоздалъ, но собравшаяся для встрѣчи толпа не расходилась.

«Большая площадь между вокзаломъ и гостинницей «Фенiя», — говоритъ бывшiй тамъ свидѣтель, — представляла необычайную картину . . . Шагахъ въ пятидесяти отъ трибуны выстроилась тоненькая ниточка морскихъ офицеровъ, сзади нихъ тысячъ пять матросовъ . . . Слѣва — человѣкъ пятьдесятъ армейскихъ офицеровъ и за ними нѣсколько тысячъ солдатъ» **).

---

*) Письмо Инж.-мех. лейт. И. Волхонскаго автору 19-II-55 г.

**) Лейт. А. Н. Павловъ — "Къ юбилею безкровной" "Морск. Зап." Т. XII № 3 1954 г. Стр. 16-17.

Эта картина ясно говоритъ, что на большинствѣ судовъ оставалось немного занятыхъ службой людей. И все, вмѣстѣ взятое, облегчало выполненіе преступнаго замысла.

«На «Кречетѣ», — разсказываетъ Флагъ-Офицеръ Штаба ст. лейт. Гамильтонъ *), — офицеры штаба были заняты подводя итоги кровавой ночи, когда, около полудня, къ нему подошла толпа матросовъ и солдатъ, потребовавшая, чтобы весь штабъ вышелъ на стѣнку. Вышли всѣ кромѣ Адріана Ивановича, его личнаго флагъ-офицера Тирбаха, командовавшаго «Кречетомъ» Янковича и Л. Сахарова, спавшаго въ каютѣ. Толпа ихъ окружила и отвела на гаптвахту, гдѣ они и пробыли болѣе сутокъ.

«Толпа вооруженныхъ матросовъ, человѣкъ пятьдесятъ, — говоритъ ближайшій свидѣтель послѣдовавшихъ событій лейт. П. Тирбахъ **), — стала требовать, чтобы Комфлотъ шелъ съ ними на Вокзальную площадь встрѣчать ожидавшихся изъ Петрограда Родичева и Скобелева — депутатовъ Гос. Думы. Боясь, что бунтовщики ворвутся на «Кречетъ» и растащутъ шифры, карты и бумаги (Непенинъ не сомнѣвался въ томъ, что требованіе его идти было только предлогомъ, чтобы ворваться на «Кречетъ» для этой цѣли), Непенинъ накинулъ пальто и по сходнѣ пошелъ на пристань. Изъ толпы поднялись крики — «флагъ-офицера къ адмиралу». Я тогда схватилъ пальто и побѣжалъ къ адмиралу. Тотъ мнѣ сказалъ: «Это не я васъ звалъ, а эти мерзавцы».

По пути къ выходу изъ порта Непенинъ (мы шли рядомъ и за нами толпа. Помню впереди всѣхъ, съ винтовкой «на руку» былъ высокій, худой, блѣдный матросъ съ ленточкой «Гангутъ») сказалъ мнѣ въ пол-голоса, что насъ ведутъ не на Вокзальную площадь, а на разстрѣлъ и прибавилъ: «и зачѣмъ Петръ Игнатьевичъ пошли? Вѣдь если бъ я васъ звалъ, то я бы самъ это сдѣлалъ». Потомъ вынулъ портсигаръ и сталъ закуривать. Мы подходили къ воротамъ порта по пути къ Морскому Собранію. Не доходя воротъ встрѣтили другую толпу меньшаго числа. Она стояла и я узналъ среди нея многихъ. Это были комендоры съ «Россіи» и нѣсколько человѣкъ изъ команды Штаба Комфлота.

---

*) Ст. лейт. М. В. Гамильтонъ — Письмо автору 2-16-55 г.
**) Изъ письма лейт-та П. Й. Тирбаха лей-ту В. М. Костенко, любезно сообщеннаго послѣднимъ автору. Б. Д.

Передовой изъ нихъ — комендоръ Гусевъ (съ «Россіи»), когда мы поровнялись съ ними, схватилъ меня за рукавъ и сильно дернулъ къ себѣ *). Одновременно другіе окружили меня. Гусевъ сказалъ: «уходите, господинъ лейтенантъ, тутъ будетъ нехорошее дѣло». Меня взяли подъ руки и въ этотъ моментъ раздался одинъ выстрѣлъ, другой и крики. Я взглянулъ въ сторону выстрѣла и успѣлъ увидѣть какъ, шагахъ въ пяти отъ меня, Непенинъ, какъ бы замеръ, нагнувшись впередъ, и сейчасъ же упалъ. За нимъ стоялъ съ винтовкой у плеча этотъ блѣдный матросъ съ «Гангута».

Дальше я ничего не видѣлъ. Только слышалъ дикіе крики. Толпа, вела меня обратно въ портъ, окруживъ плотнымъ кольцомъ. Довели до Службы Связи и оттуда штабные провели меня на «Кречетъ» . . . Изъ того, что эти комендоры стояли у воротъ порта и, въ моментъ убійства Непенина оттащили меня, говоря, что «будетъ нехорошее дѣло», видно, что планъ убійства адмирала былъ извѣстенъ многимъ заранѣе, а не былъ случайнымъ эксцессомъ . . . Въ тотъ же день вечеромъ я, взявъ команду Штаба и грузовикъ, поѣхалъ въ Морское Собраніе (Совдепъ въ то время), черезъ штабную команду досталъ разрѣшеніе на изъятіе тѣла Непенина, поѣхалъ и обыскалъ нѣсколько свалокъ труповъ офицеровъ, пока, въ концѣ концовъ, нашелъ тѣло адмирала. Перевезъ его на береговую квартиру Комфлота, омылъ и одѣлъ его (у него, кромѣ двухъ пулевыхъ ранъ было еще три раны штыковыхъ), заказалъ гробъ и устроилъ на слѣдующій день похороны. Пришелъ Флагманскій священникъ съ «Петропавловска», Бахиревъ, М. Беренсъ. Прибыла и вдова адмирала. Вотъ мы кучкой и проводили адмирала на кладбище и похоронили.

Едва успѣли это сдѣлать, какъ туда пришла толпа матросовъ и стала требовать отъ кладбищенскаго священника указанія могилы Непенина. Но тотъ сказалъ, что не знаетъ, что такъ много хоронилъ въ этотъ день. Такъ и осталась могила нетронутой.

Однако позднѣе, въ сентябрѣ, Центрофлотъ прислалъ телеграмму въ Центробалтъ въ Гельсингфорсъ приказывая аре-

---

***) Въ 1916 г. флотомъ былъ сформированъ батальонъ добровольцевъ для Рижскаго фронта съ отрядомъ пулеметчиковъ и мелкихъ пушекъ подъ командой Тирбаха. Въ Числѣ комендоровъ былъ и б. соплаватель его по "Россіи" — Гусевъ. Б. Д.**

Посѣщеніе вице-адмираломъ Непенинымъ батареи на о-вѣ Эре.

Вице-адмиралъ А. И. Непенинъ на смертномъ одрѣ.

стовать меня какъ «врага народа» за похороны Непенина (вѣрнѣе за то, что я былъ свидѣтелемъ его убійства «въ спину)».

Дежурный офицеръ Службы Связи Олтаржевскій заложилъ ее подъ сукно и предупредилъ Тирбаха, который сообщилъ объ этомъ кн. Черкасскому, а тотъ Комфлоту Развозову. Въ результатѣ черезъ полчаса «Кречетъ» ушелъ въ Лапвикъ, откуда Тирбахъ на конвойномъ миноносцѣ былъ доставленъ въ Петроградъ, получилъ отъ Генмора заграничный паспортъ и ассигновки, и на слѣдующій же день отбылъ черезъ Харбинъ — Іокохама въ Вашингтонъ.

* * *

Ходили слухи, что надъ тѣломъ убитаго адмирала производились издѣвательства и оно было обезображено. Однако приведенное свидѣтельство Тирбаха, что на немъ было всего три штыковыхъ раны, это опровергаетъ, указывая лишь на то, что пристрѣленнаго пулей, кто то изъ той же толпы убійцъ, только, на всякій случай, добилъ штыкомъ.

Категорически отрицаетъ это и вдова покойнаго. «Надъ тѣломъ моего мужа, — говоритъ Ольга Васильевна, — въ моргѣ не издѣвались». Тѣло же было туда доставлено Тирбахомъ немедленно послѣ убійства. И, хотя сама она, вслѣдствіе испытаннаго нервнаго потрясенія, находилась въ госпиталѣ и присутствовала только на похоронахъ, это засвидѣтельствовалъ ей и осматривавшій трупъ докторъ, вручившій ей снятыя съ него обручальное кольцо и часы. Поставленный впослѣдствіи его почитателями памятникъ отмѣчаетъ могилу и заботливыя руки по настоящее время содержатъ ее въ полномъ порядкѣ и украшаютъ цвѣтами. ДА УПОКОИТЪ ГОСПОДЬ ДУШУ УСОПШАГО РАБА СВОЕГО ВОИНА АДРІАНА И СОТВОРИТЪ ЕМУ ВѢЧНУЮ ПАМЯТЬ.

* * *

Дѣлать розыскъ имени его убійцы не стоитъ. Въ древней Руси палачу, имѣвшему право за выполненіе своей работы пить безплатно въ ближайшемъ кабакѣ зелено вино, цѣловальникъ, по обычаю, въ знакъ своего презрѣнія къ его ремеслу, наливалъ ему кружку «черезъ руку» — отъ него отвернувшись. Отвернемся съ тѣмъ же чувствомъ и мы отъ имени подлаго убійцы, не посмѣвшаго даже взглянуть въ лицо своей жертвѣ и выпустившаго роковую пулю въ спину, со спокойнымъ достоинствомъ принявшаго смерть, адмирала.

Тотъ фактъ, что на этомъ палачѣ была ленточка «Гангута» далъ поводъ къ предположеніямъ, что заговоръ на его жизнь созрѣлъ именно на этомъ кораблѣ. Однако имѣется серьезное основаніе въ этомъ усумниться.

«Въ день убійства адмирала, — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ ст. лейт. Г. С. Серебрениковъ, — я плавалъ 2-мъ артиллеристомъ на л. к. «Гангутъ». Когда пронесся слухъ, что адмирала убилъ матросъ съ «Гангута» и, въ тотъ же день или послѣ, я не помню, въ мою каюту пришелъ мой вѣстовой Иванъ Михайловичъ Безрукавниковъ и сказалъ: «Вы, Ваше Высокоблагородіе не вѣрьте тому что говорятъ, что адмирала убилъ матросъ изъ нашей команды. Это не такъ. УБІЙЦА ЧЕЛОВѢКЪ ЧУЖОЙ, НЕ НАШЕГО КОРАБЛЯ» *).

Трудно думать, что это говорилось только изъ страха отвѣтственности всей команды за дѣло одного изъ нея. Въ толпѣ были люди и съ другихъ кораблей и отвѣтственность была бы общая. И гораздо вѣрнѣе предположить, что команда была возмущена тѣмъ, что преступникъ, человѣкъ ей совершенно чуждый, прикрылся именемъ ихъ корабля. Подтверждалъ это и Завѣдывавшій Контрразвѣдкой капитанъ 2 р. А. Нордманъ, говорившій, что убійца былъ не матросъ **).

А гдѣ именно это преступленіе было задумано и, притомъ не только въ отношеніи Непенина, но и офицеровъ флота вообще, было съ наглой откровенностью высказано однимъ изъ видныхъ дѣятелей партіи большевиковъ.

«Прошло два-три дня отъ начала переворота, — говорилъ значительно позже въ разговорѣ съ морскими офицерами присяжный повѣренный Шпицбергъ, — а Балтійскій Флотъ, умѣло руководимый своимъ Командующимъ, адмираломъ Непенинымъ, продолжалъ сохранять спокойствіе. Тогда пришлось для углубленія революціи, пока не поздно, отдѣлить матросовъ отъ офицеровъ и вырыть между ними непроходимую пропасть ненависти и недовѣрія. Для этого былъ убитъ адмиралъ Непенинъ и другіе офицеры. Образовалась пропасть. Не было больше умнаго руководителя, офицеры смотрѣли на матросовъ, какъ на убійцъ, а матросы боялись мести офицеровъ въ случаѣ возвращенія реакціи» ***).

---

*) Письмо автору 8-23-56 г.
**) Ст. лейт. М. В. Гамильтонъ. Письмо автору 3-13-56.
***) К.-адм. Г. Графъ — "НА НОВИКѢ". Стр. 289.

Это свидѣтельство автора одного изъ лучшихъ трудовъ, посвященныхъ Балтійскому Флоту въ годы Великой Войны, не требуетъ комментарій. Подлинные преступники сами раскрыли свою предательскую игру. Работая на нѣмецкія деньги Ленинъ и его приспѣшники, «во имя углубленія революціи», предавали врагу и Русскій Флотъ и всю Россію.

И, ПРАВИЛЬНО ОЦѢНИВЪ НЕПЕНИНА, КАКЪ ЕДИНСТВЕННАГО ЧЕЛОВѢКА СПОСОБНАГО СВОИМЪ УМОМЪ И ВОЛЕЮ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ИХЪ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ РАБОТѢ НА ФЛОТѢ, ОНИ ЕГО УБИЛИ.

ПАМЯТИ УБІЕННАГО.

«Убійство поразило флотъ, — говоритъ Флагъ-Офицеръ Оперативной Части Штаба Флота *). — Какъ бы сумѣлъ Непенинъ выйти изъ революціоннаго хаоса, не удалось, къ сожалѣнію, увидѣть. Онъ по теченію разрухи не плылъ бы и потому былъ убранъ такъ внезапно».

Все же тотъ фактъ, что вслѣдъ за этимъ преступленіемъ, всколыхнувшимъ совѣсть многихъ, массовыя убійства офицеровъ почти всюду, за исключеніемъ Кронштадта, въ Балтійскомъ морѣ прекратились, какъ будто говоритъ, что и уйдя изъ этого міра Непенинъ продолжалъ свою работу по сохраненію души флота — его личнаго состава.

«Смерть Адріана Ивановича, — говоритъ Гамильтонъ, — произвела потрясающее впечатлѣніе не только на русскихъ, но и на финновъ, которые были ему признательны за его къ нимъ отношеніе . . . Среди нихъ были люди утверждавшіе даже, что онъ былъ финскаго происхожденія и его фамилія была НЕПЕЙНЕНЪ **).

А о томъ, какое уваженіе къ памяти своего Командующаго Флотомъ сохранили въ своихъ сердцахъ не только близко стоявшіе къ нему люди, но и чуткая офицерская молодежь, и даже нѣкоторые изъ представителей обольшевившейся матросской среды, свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты.

Получивъ въ командованіе предназначенный для Днѣпровской Рѣчной Флотиліи, состоявшей подъ командой кап. 1 ранга Лукомскаго, большой быстроходный буксиръ «Мол-

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ. Письмо автору 24-7-56.
**) Ст. лейт. М. В. Гамильтонъ. Письмо автору 16-2-55.

нія», лейт. А. А. Герингъ, назвалъ его — «Адмиралъ Непенинъ» и завелъ ленточки съ тѣмъ же именемъ, которыя команда носила съ гордостью пока преслѣдованія со стороны большевиковъ не вынудили прекратить работы по вооруженію и распустить весь личный составъ корабля *).

Есть указанія, что въ ту же эпоху на Южномъ и Сѣверо-Западномъ фронтахъ борьбы за «Бѣлую Россію» офицерами флота были оборудованы и успѣшно содѣйствовали борьбѣ армій съ красными, по крайней мѣрѣ два броненосца, получившіе имя «Адмиралъ Непенинъ».

Одинъ изъ нихъ, сформированный осенью 1918 года подъ командой капитана 2-го ранга Маркова, погибъ въ бою (кажется 14-го октября) около станціи Татарка, Ставропольской губерніи, въ которомъ палъ смертью храбрыхъ ст. лейт. Макаровъ.

Свѣдѣній о дѣйствіяхъ второго поѣзда того же имени на Сѣверо-Западномъ фронтѣ получить, къ сожалѣнію, не удалось, но по словамъ автора этихъ воспоминаній, нѣсколько лицъ подтвердили его существованіе **).

Эта дань храбрыхъ памяти убитаго адмирала, ярко свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ уваженіи, которымъ Непенинъ пользовался въ средѣ чуткой офицерской молодежи Балтійскаго Флота, шедшей въ борьбу за счастье Родной земли подъ знакомъ его имени.

* * *

ОТНОШЕНІЕ КЪ ВДОВѢ.

Коротко было семейное счастье Непениныхъ. Бракъ состоялся 27-го января, а 4-го марта Ольга Васильевна такъ трагически потеряла второго мужа, и вновь осиротѣла Люся Романова, которую онъ называлъ своей «Богоданной дочкой». Оставаться въ Гельсингфорсѣ было тяжело и, погостивъ у сестеръ мужа, онѣ перебрались въ Петроградъ.

Наступило голодное время. Жить стало тяжело. Надо было какъ-то устраиваться на «службу съ пайкомъ». И въ этомъ

*) Лейт. А. А. Герингъ. Письмо автору 15-6-55 г.

**) Морск. Летчикъ Возд. Дивизіи Балт. Моря кап. Н. В. Румянцевъ.

ей помогъ оказавшійся на службѣ въ Главномъ Морскомъ Штабѣ бывшій вѣстовой ея мужа Бѣликовъ. Поступивъ, при его содѣйствіи, на службу въ Адмиралтействѣ подъ именемъ своего перваго мужа — Романова — она съ дочерью были зачислены на паекъ, спасшій ихъ отъ голода.

Въ порту Ростова-на-Дону — служила ея сестра — Н. В. Рыбкина (вдова убитаго въ дни бунта Ст. Офицера к-ра «Діана») и старикъ ихъ отецъ. И Ольгѣ Васильевнѣ удалось съ помощью того же Бѣликова устроить свой переводъ туда. Командиромъ Порта оказался грубый матросъ Куропаткинъ, какъ говорили, «съѣвшій» своего предшественника кап. 2 р. Дудкина, и Ольга Васильевна очень его опасалась. Однако онъ оказался въ высшей степени предупредительнымъ къ ней и она теряясь въ догадкахъ о причинѣ такого отношенія, пока онъ самъ сказалъ ей: «я знаю, что вы адмиральша Непенина. Адмирала я очень уважалъ и все, что могу, чтобы облегчить вамъ жизнь сдѣлаю для васъ». Оказалось, что онъ плавалъ на одномъ изъ линкоровъ Балтійскаго Флота, кажется на «Гангутѣ».

Въ томъ же порту занималъ большое мѣсто и матросъ коммунистъ Уваровъ. И, вотъ, при переѣздѣ организаціи, въ которой служили сестры, въ другое помѣщеніе, увидѣвъ, что онѣ безпомощно стоятъ надъ своимъ багажемъ, этотъ Уваровъ самъ взвалилъ вещи Ольги Васильевны на плечи и приказалъ матросу взять вещи ея сестры. Подобныя услуги оказывали ей не разъ ВО ИМЯ ЕЯ МУЖА и другіе матросы, даже большевики *).

Гражданская война выбросила, вмѣстѣ съ отступающей Бѣлой Арміей, семью Непенина въ Одессу. Наступили тяжелые дни и Ольгѣ Васильевнѣ съ Люсей грозила голодная смерть. Объ ихъ положеніи узналъ братъ жены капитана 1 р. Лепко-Мосинъ, бывшій сельскимъ учителемъ въ деревнѣ Печеровкѣ между Одессой и Кіевомъ, и устроилъ Ольгу Васильевну завѣдующей школой въ сосѣдней деревнѣ. Здѣсь оказался бывшій шоферъ адмирала Герасимова (матросъ или солдатъ она не помнитъ), который, узнавъ ее сталъ хвастаться, что у нихъ въ деревнѣ не простая учительница Романова, а адмиральша Непенина, и это ее едва не погубило.

---

*) О. В. Непенина. Письмо автору 21-10-55.

Какъ оказалось, какой-то генералъ Непенинъ *) нанесъ въ этомъ районѣ пораженіе краснымъ. И, вотъ, рѣшивъ, что это его жена, крестьяне противъ нее ополчились.

«Мнѣ пришлось бы солоно, — говоритъ она **), — но тотъ же шоферъ выступилъ моимъ адвокатомъ. Онъ доказалъ крестьянамъ и коммунистамъ въ волости, что я ничего общаго съ генераломъ Непенинымъ не имѣю . . . , что я жена адмирала и этотъ адмиралъ былъ очень хорошій человѣкъ». И убѣжденные его словами крестьяне не только не стали преслѣдовать ее, но даже отвели ей землю подъ огородъ и пшеницу и всей деревней посѣяли и убрали цѣлую десятину ячменя.

Счастье это длилось, однако, не долго. Явился новый предсѣдатель сельсовѣта, молодой цыганъ коммунистъ и, узнавъ кто она, сталъ ее жестоко преслѣдовать. Крестьяне его боялись, опасаясь, что онъ ихъ разоритъ.

«НО НАШЕЙ ГИБЕЛИ НЕ ДОПУСТИЛЪ БОГЪ» — говоритъ Ольга Васильевна. — «Я вдругъ получаю письмо. Въ немъ четыре доллара и краткая приписка: «Если Вы получите это письмо, извѣстите насъ. Рѣшайте сами остаться въ Россіи или выѣхать заграницу. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы вамъ поможемъ. Подпись — Димитріевъ и Яковлевъ — и адресъ».

«Благодаря этому мы были спасены и оказались заграницей» ***).

* * *

Въ настоящее время Люся Романова замужемъ за хорошимъ человѣкомъ — бельгійцемъ, живетъ въ Брюсселѣ и въ этой семьѣ нашла домашній пріютъ и уютъ и ея мать. Но все ими пережитое сильно отозвалось на здоровьи. Тяжелая болѣзнь приковала Ольгу Васильевну къ постели. И единственнымъ дорогимъ сердцу наслѣдствомъ отъ ея тридцати семи дневной супружеской жизни съ Адріаномъ Ивановичемъ осталась дорогая ей и его «Богоданной дочкѣ» Люсѣ память о безвременно ушедшемъ изъ нея мужа и «папочкѣ».

* * *

---

*) Въ семьѣ Непениныхъ было не мало военныхъ и, говорили, что одинъ изъ нихъ, кажется двоюродный братъ адмирала служилъ въ пограничной стражѣ на западной границѣ. Возможно это былъ онъ. Б.Д.

**) Письмо автору 7-11-56 г.

***) Письмо автору 21-10-55.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

Прошлое! Оно такимъ мнѣ снится,
Какъ его увидѣть довелось:
Бѣлою, безсмертною страницей
Пулею простреѣлянной насквозь.

(Д. Кленовскій. «Сонъ о казненномъ поэтѣ») *).

Такимъ же свѣтлымъ сномъ проходила передъ моимъ умственнымъ взоромъ, когда я писалъ эти страницы, и вся моя собственная, такая недолгая, служба въ Русскомъ Флотѣ подъ флагомъ Св. Андрея Первозваннаго, полная и грустныхъ эпизодовъ, и самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Четыре имени, какъ звѣзды первой величины, прошли въ тѣ дни по небосклону этого пятнадцати-лѣтняго отрѣзка его исторіи: МАКАРОВЪ, ЭССЕНЪ, НЕПЕНИНЪ, КОЛЧАКЪ.

Ни одному изъ нихъ судьба не довела выявить полностью свой талантъ флотоводца въ генеральномъ морскомъ бою. Первый, вмѣстѣ со своимъ флагманскимъ кораблемъ ушелъ на дно Желтаго моря отъ вражеской мины загражденія, готовясь сразиться съ превосходными силами врага. Горячее сердце второго не выдержало огромныхъ трудовъ по защитѣ столицы своими, во много разъ слабѣйшими, силами отъ удара мощнаго врага, третьему выпала горькая участь пасть отъ пули предателя тогда, когда врученный ему флотъ готовился вступить подъ его руководствомъ въ жестокую активную борьбу за господство на Балтійскомъ морѣ. И жертвой предательства ничтожныхъ людишекъ, сводившихъ личные счеты и желавшихъ выслужиться передъ Краснымъ Звѣремъ, сталъ разстрѣлянный въ Иркутскѣ рыцарь безъ страха и упрека Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ.

Изъ нихъ съ Непенинымъ я имѣлъ счастье прослужить и пройти его школу пять лѣтъ — треть всей моей строевой службы. И благодарная память объ этомъ времени подвинула меня написать настоящій трудъ.

---

*) Сборикъ стихотвореній "Навстрѣчу Небу" 1949 г.

Выполнить это я смогъ исключительно благодаря Редактору «Морскихъ Записокъ» Г. Н. Таубе, предоставившему для этой работы свыше четырехсотъ страницъ журнала въ четырнадцати его книжкахъ, выпущенныхъ въ теченіе 1956-1961 г.г., несшаго на своихъ плечахъ всю корректуру и нерѣдко помогавшему своими цѣнными совѣтами.

Считаю своимъ долгомъ отъ всего сердца поблагодарить и всѣхъ моихъ корреспондентовъ, какъ любезно дѣлившихся своими воспоминаніями объ А. И. Непенинѣ и о событіяхъ, къ нему относившихся, безъ которыхъ мой трудъ былъ бы далеко неполонъ, такъ и дававшихъ конструктивную критику моихъ повѣствованій, во многомъ ему помогавшую.

Къ сожалѣнію, я далеко не смогъ использовать весь этотъ полученный мною большой матерьялъ. Но теперь, закончивъ свой трудъ, я займусь приведеніемъ его въ порядокъ для передачи его на храненіе въ Архивъ Морского Историческаго Общества въ Америкѣ, въ надеждѣ, что когда-нибудь, кто-нибудь, болѣе подготовленный къ работѣ историка, используетъ его лучше, чѣмъ это могъ сдѣлать я.

КОНЕЦЪ.

Контръ-адмиралъ Б. Дудоровъ

Борисъ Дудоровъ.
Пало Альто, Калифорнія
С. Ш. Америки.
29 декабря 1961 года.

ОТЪ АВТОРА.

Глубоко сожалѣю, что помѣщенная въ № 55 «Морскихъ Записокъ» глава біографіи вице-адмирала Непенина — «Морской Заговоръ» — вызвала неудовольствіе нѣкоторыхъ глубоко уважаемыхъ мною достойныхъ офицеровъ б. Россійскаго Флота. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что, какъ я сказалъ въ примѣчаніи на стр. 76-ой, «НИКАКИХЪ ПЛАНОВЪ ВЪ ШТАБѢ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО» и, такимъ образомъ, НИКАКОГО ЗАГОВОРА БЫТЬ НЕ МОГЛО, я все же считалъ своимъ дол-

гомъ коснуться этого вопроса именно съ цѣлью ОПРОВЕРЖЕНІЯ всего того, что по этому «ПРЕСЛОВУТОМУ ВОПРОСУ» сказано и Шульгинымъ («Дни»), и историкомъ Мельгуновымъ («На путяхъ къ дворцовому перевороту»), и въ Совѣтскомъ «Сборникѣ Историческихъ Документовъ». Оставить же все это безъ отвѣта было невозможно, такъ какъ молчаніе было бы знакомъ согласія, чего я допустить не могъ.

Считаю долгомъ добавить, что всѣ упоминаемые мною офицеры, за исключеніемъ Житкова, котораго я зналъ только въ бытность его корабельнымъ гардемариномъ, являлись близкими моими друзьями и ихъ память мнѣ такъ же дорога, какъ и всѣмъ ихъ хорошо знавшимъ.

Б. Дудоровъ.

14 марта 1962 г.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА:

Томъ XIX, № 3/4 — (55)
Стр. 76 — строки 14-15 сверху. Слѣдуетъ измѣнить порядокъ строкъ (15-14) и читать:
Разговоръ шелъ по поводу полученныхъ «документовъ» (?) о письмѣ Гучкова къ Алексѣеву, въ которомъ говорилось, что «если кто-нибудь, что-нибудь и можетъ сдѣлать, и т. д.»

Къ 50-лѣтнему Юбилею

ПРИКАЗЪ ПО МОРСКОМУ ВѢДОМСТВУ № 122, 2/15 МАЯ 1912 г.

Производятся въ Корабельные Гардемарины:
Гардемарины Морского Корпуса и Юнкера Флота:

ВЪ ЭМИГРАЦІИ:

В. С. Макаровъ, К. Н. Ивановъ, М. А. Стадницкій-Колендо, А. Г. Никольскій, Д. С. Трубчаниновъ, В. А. Штральборнъ, С. Б. Рязановъ, К. Л. Кохъ, Б. А. Борисовъ, М. А. Крыгинъ, Н. Н. Дамаскинъ, А. А. Краевъ, Н. Н. Солодковъ, Н. Ѳ. Гаттенбергеръ, В. О. Дружининъ, А. Ф. Ульянинъ, А. І. Штехеръ, Б. К. Кравченко, П. А. Эмеретли, И. Барташевичъ, В. М. Костенко, Б. Н. Степановъ, В. А. Алексѣевъ, Г. П. Унмутъ, В. Ю. ф. Гагемейстеръ, М. Е. Давыдовъ, Е. В. Ромушкевичъ, Г. А. Савицкій, Ь. В. Мѣшаевъ, Баронъ Э. Н. Раушъ ф. Траубенбергъ. — 30.

СКОНЧАВШІЕСЯ

Т. Н. Агапѣевъ, А. П. Холоднякъ, Э. К. Шванкъ, В. В. Стаценко, Ю. Ф. Ралль, Г. Ф. Кондратенко, баронъ Дистерло, Л. К. Филатовъ, Н. В. Яцюкъ, Ф. Г. Кернъ, П. П. Ежовъ, В. А. Николаевъ, Г. В. Лохтинъ, А. Языковъ, Б. А. Каменскій, Г. Н. Кузьминскій, А. Г. Хребтовичъ, В. С. Краевскій, М. П. Гейденрейхъ, М. А.

Лазаревъ, Р. Э. Виренъ, баронъ В. Пфейлицеръ ф. Франкъ, А. Е. Ващенко, Б. С. Безсмертный, Б. В. ф. Брискорнъ, К. И. Татарскій, Б. С. Ланковскій, Г. И. Скальскій, К. А. Мандрыка, А. Е. Князевъ, С. П. Туркулъ, М. Н. Масловъ, М. А. Мурзинъ, Н. А. Монастыревъ, С. С. Гернетъ, И. І. Алферовъ, А. Михайловъ. — 36.

ПОГИБЛИ

Погибли въ войну 1914-17 г.г., гражданскую войну и революцію.

И. М. Де Кампо-Сципіонъ, Н. В. Викторовъ, В. А. Кузьминъ-Караваевъ, П. М. Воейковъ, баронъ В. Н. Гойнингенъ-Гюне, В. В. Загорянскій-Кисель, М. Н. Россетеръ, В. В. Гарковенко, В. М. Поликарповъ, В. В. Стаценко, В. И. Погожевъ, Х. К. Бугураевъ, Алеамбаровъ, П. Н. Ивановъ, В. И. Бородихинъ, А. Сипайло, В. М. Кудрявцевъ, Тимашевъ, К. Смирновъ, В. Баулинъ, Н. П. Гнилосыровъ, М. М. Остроградскій, А. А. Томашевичъ, С. Н. Богдановъ, Н. С. Пашковъ, С. И. Цвѣтковъ, В. В. Биттенбиндеръ. — 28.

СУДЬБА НЕИЗВѢСТНА.

А. С. Семеновъ, Г. Н. Прозоровъ, Е. Н. Салминъ, князь И. Г. Гагаринъ, В. Д. Орловъ, Б. К. Писемскій, Б. Ф. Винтеръ, М. М. Комеловъ, А. А. Леонтьевъ, А. Я. Ивановъ, Б. И. Смирновъ, Ф. Н. Павинскій, В. П. Гавриловъ, Н. А. Коль, В. Н. Федотовъ, Н. И. Авраамовъ, С. В. Николаевъ, В. А. Хвощинскій, Г. А. Шельтинга, Н. В. Верещагинъ, В. В. Блажковъ, Ю. П. Боговской, Н. Д. Мельницкій, П. М. Поповъ, Б. К. Элленбогенъ, А. П. Кузьминъ. 26.

Сообщилъ: Н. Ѳ. Гаттенбергеръ.

Къ этому выпуску относятся также:

А. Н. Богданенко-Товстолѣсъ, А. Д. Языковъ, А. М. Покровскій, Н. М. Таранцевъ и Л. И. Бурхартъ.

Сообщилъ В. М. Костенко.

Продолженіе приказа по Морскому Вѣдомству,
№ 122, 2 мая 1912 г.

Производятся въ Корабельные Гардемарины:
Гардемарины Морского Инженернаго Училища
Императора Николая 1-го
и юнкера флота по кораблестроительной и механической частямъ:

Въ Корабельные Гардемарины — судостроители:

Владиміръ Блажеевскій, Никаноръ Звягинъ, Алексѣй Леоновъ, Андрей Имшенецкій, Николай Горюновъ, Владиміръ Фаерманъ, Александръ Лампси, Евгеній Токмаковъ, Петръ Папковичъ, Евгеній Бравинъ, Константинъ Боханевичъ и Владиміръ Бехтеревъ. — 12.

Въ Корабельные Гардемарины — Инженеръ-Механики:

Константинъ Юдинъ, Бернгардъ Рейнсонъ, Витольдъ Мицьюнъ, Александръ Купріяновъ, Андрей Голынскій, Константинъ Шишацкій, Владиміръ Скоромоховъ, Константинъ Давыдовъ, Александръ Жуковскій, Павелъ Бартъ, Станиславъ Рымшевичъ, Тимофей Голицынъ, Григорій Синицынъ, Анатолій Герасимовъ, Александръ Махонинъ, Владиміръ Харченко, Владиміръ Рощинъ, Анатолій Демидовъ, Вячеславъ Филипповъ, Николай Феденко, Сергѣй Васильоти, Александръ Жуковъ, Сергѣй Животовъ, Александръ Гильдебрандтъ, Сергѣй Петровъ, Иванъ Хлѣбниковъ, Михаилъ Ивановъ, Николай Тихобразовъ, Георгій Бакановскій, Валентинъ Черниковъ, Андрей Кудринъ, Леонидъ Юровъ, Николай Ржига, Стефанъ Гордличко, Павелъ Куровскій, Крищьянъ Жагаръ и Викторъ Кравцовъ. — 39.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА.

Томъ XIX, № 3/4 — (55).
Статья: «Адмиралъ А. А. Эбергардъ».
Стр. 8: **4-ую строку** слѣдуетъ изъять.
Между **строками 5 и 6** слѣдуетъ вставить:
Съ началомъ возникновенія войны 1914 года, этотъ отрядъ
6 строка читается безъ измѣненій: германскихъ судовъ, и т. д.

П. А. Варнекъ

Военно-морскія дѣйствія на Черномъ морѣ во Вторую Міровую войну

XI. ДѢЙСТВІЯ ПОДВОДНЫХЪ ЛОДОКЪ ВЪ 1941-42 г.г.

Естественной задачей флота является не допустить противника использовать море для военныхъ перевозокъ. Ввиду разрушенія желѣзныхъ дорогъ на Украинѣ и огромныхъ разстояній отъ фронта до центровъ снабженія, рѣка Дунай и море создавали удобный путь для доставки всего необходимаго южной части фронта «Оси». Для рѣшенія этой задачи совѣтское командованіе главнымъ образомъ пользовалось своимъ подводнымъ флотомъ и авіацией, и лишь нѣсколько разъ сдѣлало попытки использовать для этой цѣли надводныя силы.

До эвакуаціи Дунайскихъ гирлъ 19 іюля, этотъ путь запирала Дунайская флотилія, установившая при отходѣ сильныя загражденія на рѣкѣ. Расчистка Дунайскихъ рукавовъ нѣмецкими тральщиками и траленіе минъ противъ Сулина и Киліи, благодаря постояннымъ налетамъ совѣтской морской авіаціи и взрыва двухъ тральщиковъ на минахъ, затянулось до середины сентября. Лишь послѣ этого нѣмцы смогли воспользоваться этой важной для нихъ артеріей питанія.

Черноморскій подводный флотъ численно былъ довольно внушителенъ и состоялъ, включая лодки еще находившіяся

въ постройкѣ, изъ 55-ти единицъ, не считая лодокъ учебнаго дивизіона типа «АГ» *). Считая лодки, дѣйствительно принявшія участіе въ войнѣ, получается слѣдующая картина: 4 или 5 типа «АГ», привезенныхъ еще въ первую войну въ разобранномъ видѣ изъ США; около 20 малыхъ лодокъ въ 161 тонну, изъ которыхъ шесть въ 205 тоннъ, вступило въ строй во время войны; 15 среднихъ лодокъ, очень удачной постройки типа «Щука» въ 585 тоннъ; 3 «Декабриста» постройки 1931 г. въ 960 тоннъ; 4 совершенно новыхъ «С» въ 790 тоннъ и 4 подводныхъ заградителя «Л», имѣвшихъ восемь торпедныхъ аппаратовъ и 20 минъ загражденія. Въ тактическомъ отношеніи лодки составляли двѣ бригады: 1-ая — «Щуки» и прочія большія лодки, 2-ая — «Малютки», къ которымъ въ 1942 г. присоединились «АГ».

Въ первые мѣсяцы войны задачей совѣтскихъ лодокъ была ближайшая блокада непріятельскихъ портовъ и прерывъ навигаціи между Констанцей и Босфоромъ, черезъ который, изъ Эгейскаго моря, иногда пользуясь нейтральнымъ флагомъ, проходили вспомогательныя суда для нѣмецкой флотиліи **) и, довольно рѣдко, пароходы съ различными грузами. Въ обратную сторону итальянцы вывозили румынскую нефть. Кромѣ того, вначалѣ войны въ совѣтскихъ верхахъ существовало опасеніе прорыва итальянскаго флота черезъ проливы и, въ этомъ случаѣ, подводныя лодки должны были его атаковать при выходѣ изъ Босфора. По мѣрѣ движенія германской арміи къ востоку, районъ дѣйствій совѣтскихъ лодокъ расширялся.

Театръ, на которомъ пришлось дѣйствовать совѣтскимъ подводнымъ лодкамъ, былъ мало благопріятнымъ для этого рода оружія и не могъ сравниться съ океанскими просторами, на которыхъ дѣйствовали нѣмецкія лодки. Вся сѣверо-западная часть Чернаго моря, начиная отъ Констанцы, мелководна, и глубины, позволяющія подводныя атаки, лежатъ въ отдаленіи отъ берега. Во всемъ этомъ районѣ уходъ на глубину въ случаѣ преслѣдованія и бомбежки исключался. Вмѣстѣ съ тѣмъ, двухмоторныя двухсоттонныя баржи, которыми нѣмцы широко пользовались, и небольшіе транспорты проходили вдоль берега по глубинамъ въ 6-10 метровъ. Большіе транс-

*) C. Huah. "L'enigme des sousmarins sovietiques".
**) J. Meister. "Der Seekrieg in den osteuropaischen Gewassern".

спорты, выходя изъ румынскихъ портовъ, проходили по коридору, образованному за минными загражденіями, поставленными румынами параллельно берегу. Къ 1942 году это загражденіе постепенно удлинялось до Днѣпровскаго лимана и доходило до турецко-болгарской границы съ другой стороны. Незащищенной минами осталась линія Констанца-Севастополь, гдѣ нѣмецкіе конвои ходили напрямикъ. У Босфора были поставлены тоже три глубоководныхъ загражденія противъ подводныхъ лодокъ, но пространство до болгарской границы осталось не заминированнымъ. Надо отмѣтить, что совѣтскія лодки, не безъ риска, всю войну успѣшно проникали за румынское загражденіе въ завѣтный «корридоръ». Такой длины загражденіе, въ связи съ бурями и со временемъ не могло быть герметично. Иногда лодки пользовались оставленными у портовъ проходами, которые возможно были найдены наблюдая за курсами нѣмецкихъ судовъ, но очень часто команда лодокъ, съ притаившимся дыханіемъ, слышала скрежетъ скользящаго по корпусу минрепа! Нѣсколько лодокъ получили поврежденія отъ близкихъ взрывовъ минъ, но смогли добраться до базы; иныя пропали безъ вѣсти.

Сравнительно короткія дистанціи между портами позволяли нѣмецко-румынскимъ транспортамъ совершать переходы по ночамъ. Какъ правило, атакованныя въ «корридорѣ» суда ворочили къ берегу и во всемъ сѣверо-западномъ районѣ безъ особыхъ аварій притыкались къ песчанымъ отмелямъ. Уничтоженіе же артиллерійскимъ огнемъ сѣвшихъ на мель судовъ исключалось изъ за присутствія сторожевыхъ судовъ. Не считая самоходныхъ баржъ и прочихъ мелкихъ судовъ, объектовъ атакъ было сравнительно мало, такъ какъ весь транспортный флотъ «Оси» имѣлъ лишь 125.000 тоннъ, въ большинствѣ румынскихъ пароходовъ. Въ 1943 г., въ теченіе котораго морскія перевозки были самыми интенсивными, въ среднемъ 160 пароходовъ и баржъ (110.000 г.) въ мѣсяцъ совершало одинъ переходъ.

Учитывая подводную опасность, съ перваго дня войны нѣмцы примѣнили систему конвоевъ. Транспорты на линіи Констанца-Босфоръ и затѣмъ Констанца-Севастополь охранялись не менѣе какъ однимъ румынскимъ эск. миноносцемъ съ придачей двухъ или болѣе нѣмецкихъ тральщиковъ или сторожевыхъ судовъ. Въ сѣверо-западномъ районѣ конвои ходили подъ охраной малыхъ кораблей и 12-тиузловыхъ ар-

тиллерійскихъ баржъ, вооруженныхъ однимъ 88 м/м. и двумя 20 м/м. автоматическими зенитными орудіями. Нѣмецкая авіація безпрестанно вела развѣдку въ морѣ и бомбила каждую замѣченную лодку. Съ другой стороны, взаимодѣйствіе подводныхъ лодокъ съ совѣтской авіацией налажено не было.

Слабой стороной морскихъ силъ «Оси» было малое число противолодочныхъ судовъ въ началѣ воны. Дѣйствительно, не считая семи румынскихъ миноносцевъ, нѣмецкіе тральщики и прочія суда, хотя и были вооружены глубинными бомбами, но не имѣли акустическихъ приборовъ. Лишь съ сентября 1942 года начали вступать въ строй специально оборудованные охотники за подводными лодками, а затѣмъ была создана отдѣльная противолодочная группа.

Въ первые годы войны тактика и боевая подготовка совѣтскихъ лодокъ оставляла желать много лучшаго и лишь нѣкоторые командиры показали себя хорошими подводниками. Но, начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1942 года, съ пріобрѣтеніемъ опыта и реорганизацией командованія, положеніе улучшилось. Въ первые годы войны командованіе указывало каждой лодкѣ точную позицію, на которой она должна была поджидать противника. Боясь преступить приказаніе, нѣкоторые командиры въ сѣверо-западномъ районѣ почти все время стояли на якорѣ или лежали на грунтѣ, прослушивая море акустикой. Напримѣръ, «М-111» во второй половинѣ 1942 г. изъ 124-хъ часовъ пребыванія на позиціи находилась 94 часа на якорѣ или на грунтѣ. При атакахъ въ основѣ примѣнялась прицѣльная стрѣльба одиночными торпедами и лишь съ середины 1942 года лодки начали переходить на залповую стрѣльбу съ временнымъ интерваломъ. Происходило это не изъ за экономіи, т. к. недостатка въ торпедахъ въ Черномъ морѣ повидимому не было. Большой процентъ торпедъ (въ нѣкоторые мѣсяцы 1942 и даже 1943 года — до 100 %) въ цѣль не попадалъ. Возможно здѣсь сказалась потеря Севастопольской пристрѣлочной станціи, но въ первые мѣсяцы войны — недостаточная подготовка нѣкоторыхъ командировъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, командиръ «М-111» признался, что лишь когда его торпеда прошла подъ днищемъ баржи, онъ узналъ, что при стрѣльбѣ по плоскодоннымъ судамъ надо мѣнять регуляторъ углубленія торпеды. Очевидно, что этому командиру, выпуска 1938 года, по фамиліи Іосселіани, довѣ-

рили лѣтомъ 1942 года лодку безъ достаточной подготовки *). Въ мелководномъ районѣ моря было не мало случаевъ, когда торпеды, не дойдя до цѣли, взрывались задѣвъ за дно. До конца войны акустическихъ и прочихъ новаго типа торпедъ въ совѣтскомъ флотѣ не было, и примѣнялись лишь торпеды съ ударнымъ взрывателемъ. Послѣ переноса базированія флота на Кавказъ въ первыхъ числахъ ноября 1941 года, уходившая съ позиціи лодка сообщала по радіо на плавучую базу все объ обстановкѣ въ районѣ ея дежурства; послѣдняя передавала полученную информацію на одну изъ лодокъ уже шедшую на западъ для занятія данной позиціи. Но даже находясь у вражескихъ береговъ, лодка должна была передавать и принимать множество телеграммъ, не всегда строго необходимыхъ. Командиръ вступившей въ строй въ началѣ 1942 года «Л-23» сообщилъ, что во время его пребыванія на позиціи, онъ долженъ былъ передать на базу 12 телеграммъ. Со своей стороны «А-2» повторила одну телеграмму пять разъ пока ее не поняли на базѣ! Эта радіо-болтовня способствовала запеленгованію мѣстъ совѣтскихъ лодокъ, въ связи съ чѣмъ нѣмцы принимали соотвѣтствующія противомѣры. Какъ правило, лодки выходили изъ базъ съ наступленіемъ темноты, занимали позиціи на разсвѣтѣ и уходили назадъ съ началомъ темнаго времени. Въ первый годъ войны, при направленіи лодокъ по позиціямъ, не всегда учитывались качества лодокъ разныхъ бригадъ въ соотвѣтствіи съ даннымъ райономъ моря.

При этихъ условіяхъ нельзя не отмѣтить настойчивость и смѣлость совѣтскихъ подводниковъ, которые, въ ожиданіи проблематическихъ большихъ транспортовъ атаковывали всѣ суда, появлявшіяся въ окулярѣ перископа, до трудно уязвимыхъ и опасныхъ для нихъ катеровъ-тральщиковъ и судовъ-ловушекъ. Ихъ нѣмецкіе коллеги, безъ особой нужды, предпочитали послѣдняго типа судовъ не трогать.

Въ день нѣмецкой агрессіи, базировавшіяся на Балаклаву лодки 2-ой бригады начали выходить въ море, но видимо онѣ заняли лишь оборонительныя позиціи. Магнитныя мины, разбросанныя нѣмецкими самолетами на фарватерѣ и даже въ Сѣверной бухтѣ, на которыхъ 22 іюня взорвался буксиръ и

---

*) Впослѣдствіе, потопивъ въ своихъ рапортахъ 13 судовъ, Іосселіани сталъ "Героемъ Союза".

плавучій кранъ и, на слѣдующій день, противъ памятника 1855 года, эскадр. миноносецъ, задержали выходъ въ море 17-ти находившихся въ Южной бухтѣ лодокъ 1-ой бригады болѣе чѣмъ на трое сутокъ. Лишь бывшая въ другомъ районѣ «Щ-209» 24 іюня ушла къ румынскимъ берегамъ. Не имѣя магнитныхъ траловъ, траленіе затянулось. Въ концѣ концовъ, при помощи водолазовъ и проходами на полныхъ ходахъ сторожевыхъ катеровъ, часть минъ была взорвана или обезврежена, и «Щуки» вышли въ операцію. На разсвѣтѣ 27 и не позднѣе 28 іюня лодки заняли всѣ назначенныя позиціи: одна у Констанцы, другая у мыса Шаблеръ сѣверо-восточнѣе Варны, третья у мыса Эмине между Варной и Бургасомъ и четвертая у Босфора. Возможно одна изъ малыхъ лодокъ отправилась къ Сулину. Это были излюбленныя мѣста дежурствъ совѣтскихъ лодокъ въ теченіе всей войны.

Ночью 1 іюля подводная лодка обстрѣляла маякъ на островѣ Фидониси, но въ мѣстахъ дежурства лодокъ не наблюдалось почти никакого движенія. Румыны не только прекратили судоходство, но даже несмотря на протесты своихъ союзниковъ, упрятали на всю войну лучшіе теплоходы въ Мраморное море. Мало того, на обоихъ теплоходахъ имѣлись коммунистическія ячейки, которыя по судовымъ радіо передавали въ Севастополь свѣдѣнія о движеніи нѣмецкихъ судовъ!

Время отъ времени подводныя лодки встрѣчали румынскіе сторожевые корабли. 9 іюля миноносецъ «Налука», при которомъ находилось два катера, обнаружилъ у Мангаліи, какъ ему показалось, сразу двѣ подводныя лодки. Послѣ сброса глубинныхъ бомбъ, на поверхности появилось большое масляное пятно, державшееся въ томъ же мѣстѣ три дня. Возможно, что «Налука» потопилъ «Щ-204», пропавшую безъ вѣсти въ районѣ Констанцы въ началѣ іюля.

19 іюля румынская авіація обнаружила въ 60-ти миляхъ на востокъ отъ Бургаса совѣтскій крейсеръ и нѣсколько миноносцевъ и еще восточнѣе пароходы, державшіе курсъ на сѣверъ. Былъ ли это конвой пароходовъ, вышедшихъ изъ Босфора въ направленіи Одессы, или же то были заградители, возвращавшіеся съ минной постановки, пока осталось невыясненнымъ.

15 августа «Щ-211» у мыса Эмине достигла перваго успѣха. Обнаруживъ румынскій конвой, лодка, пройдя подъ килемъ головного миноносца, подорвала большой п/х. «Пелесъ», который все же смогъ выброситься на берегъ, но вспыхнувшій пожаръ вызвалъ взрывъ горючаго и пароходъ былъ окончательно уничтоженъ. 19 одна лодка между Констанцей и Севастополемъ безрезультатно атаковала румынскую подводную лодку «Дельфинулъ»; 31 іюля произошла атака на итальянскій танкеръ «Тампико»; на обратномъ пути, 21 сентября, противъ Варны «М-34» пустила въ него снова торпеду, но этому танкеру дѣйствительно везло — торпеда взорвалась не дойдя до цѣли. Но будь здѣсь вмѣсто «Малютки» — «Щука», могшая дать четырехторпедный залпъ, у Муссолини стало бы однимъ танкеромъ меньше. 7 сентября у мыса Шаблеръ два румынскихъ тральщика забросали бомбами подводную лодку, по предположенію заградителя типа «Л» и вѣроятно нанесли ей небольшія поврежденія, но 29 въ районѣ Варны «Щ-211» отличилась вторично и, несмотря на сильный конвой, подорвала итальянскій танкеръ „Superga“ Продолжая держать контактъ съ конвоемъ, на слѣдующій день она отправила его на дно новой торпедой. 5 октября у Констанцы были атакованы два румынскихъ заградителя, шедшихъ въ сопровожденіи миноносца на продолженіе къ сѣверу берегового загражденія. 18 октября торпеда прошла мимо танкера „Le Progres“ но 5 ноября, къ западу отъ Босфора «Щ-214» взорвала итальянскій танкеръ „Torcello“ а артиллерійскимъ огнемъ потопила турецкую шхуну въ 300 тоннъ. Мелкія турецкія суда ходили въ Румынію, главнымъ образомъ, съ грузомъ орѣховъ и разныхъ пряностей для услажденія «вермахта», но время отъ времени, ихъ перехватывали лодки. Такъ, въ этотъ же день были потоплены еще двѣ шхуны и 18 ноября «Щ-215» огнемъ своего 45 м/м. орудія уничтожила маленькій пароходъ. 30 ноября болгарскій п/х. «Царь Фердинандъ» шедшій въ Очаковъ, съ трудомъ избѣжалъ двухъ торпедъ у мыса Эмине.

За это время подводные заградители совершили нѣсколько походовъ въ завѣтный «корридоръ». Извѣстно, что «Л-4» 19 августа поставилъ мины у Георгіевскаго устья Дуная, 24 у Сулина и 27 у Варны. 15 сентября, видимо на этомъ послѣднемъ загражденіи, взорвался находившійся на нѣмецкой службѣ болгарскій п/х. «Шипка» и 10 октября шедшій изъ

Констанцы на сѣверъ минный заградитель «Регеле Кароль». Кромѣ того, большой болгарскій п/х. «Родина» попалъ на нѣмецкое загражденіе у Бургуса.

Съ конца іюля лодки 2-ой бригады заняли позиціи у Дунайскихъ гирлъ, но противникъ не показывался. Лишь послѣ отхода совѣтскихъ войскъ къ самой Одессѣ, въ послѣднихъ числахъ сентября, румынско-нѣмецкая флотилія начала движеніе на сѣверъ и въ Бургасъ, расположенный у Днѣпровскаго лимана, перебазировались румынскіе торпедные катера. 8 октября, произведя траленіе пути, туда же пошли нѣмецкіе катера-тральщики. Черезъ три дня, при выходѣ изъ порта, на минѣ взорвался тральщикъ; произведенное контрольное траленіе обнаружило новыя мины, вѣроятно сброшенныя самолетами. 19 октября конвой баржи, шедшей въ Бургасъ, былъ обстрѣлянъ двумя подводными лодками; находившіяся въ охранѣ двѣ артиллерійскихъ баржи открыли отвѣтный огонь, но прогнать лодки оказалось не такъ просто и лишь выпустивъ сотню 88 м/м. снарядовъ, удалось заставить ихъ погрузиться. 21 октября, т. е. черезъ пять дней послѣ эвакуаціи Одессы, нѣмецко-румынская флотилія, оставляя въ сторонѣ Одессу, начала траленіе по направленію на Очаковъ. Немного не дойдя до Сухого лимана, тральщики натолкнулись на многорядное минное загражденіе, уходившее въ сторону моря. Очевидно, это было загражденіе, поставленное совѣтскими заградителями въ первые дни войны и тянувшееся до меридіана Очакова, западный береговой проходъ котораго былъ закрытъ миноносцами при эвакуаціи Одессы. На слѣдующій день создалось тревожное положеніе, т. к. авіація обнаружила въ морѣ, по опредѣленію летчиковъ, крейсеръ въ сопровожденіи двухъ миноносцевъ. Утромъ 23 октября у Бургаса нѣмецкіе тральщики обнаружили однотрубное совѣтское судно, которое, послѣ нѣсколькихъ залповъ находившихся въ охранѣ четырехъ артиллерійскихъ баржъ, отошло въ море. Скромное поведеніе этого корабля заставляетъ предполагать, что это былъ посланный на минную постановку тральщикъ. Днемъ нѣмецкій отрядъ былъ атакованъ подводной лодкой, получившей въ отвѣтъ серію глубинныхъ бомбъ, потомъ три самолета пытались атаковать тральщики. Все же, расчистивъ проходъ въ загражденіи, нѣмецкій отрядъ достигъ Очакова и на слѣдующій день дошелъ до Херсона. У Очакова нѣмцамъ

пришлось уничтожить магнитныя мины, поставленныя раньше нѣмецкой авіаціей. 24 октября, южнѣе Березани, гдѣ накануне минъ не нашли, взорвался румынскій тральщикъ; на слѣдующій день вблизи того же мѣста погибло нѣмецкое флагманское судно „Th. Wallner", подорвалась баржа-тральщикъ и у Аджіаска погибъ другой румынскій тральщикъ. Вѣроятно эти мины были поставлены подводной лодкой «Л-5», нѣсколько разъ ходившей на заградительныя операціи въ Одесскій заливъ. Но потери нѣмецко-румынской флотиліи на этомъ не кончились: пытавшіеся протралить проходъ въ Одессу, два румынскихъ тральщика и барказъ взлетѣли на магнитныхъ минахъ, разбросанныхъ совѣтскими самолетами у входа въ портъ. Весь румынскій дивизіонъ, составленный изъ пришедшихъ по Дунаю изъ Сѣвернаго моря буксировъ былъ уничтоженъ! Ввиду этихъ катастрофъ, выходившій къ Очакову конвой транспортовъ былъ возвращенъ назадъ. 26 октября изъ Констанцы на сѣверъ вышелъ конвой баржъ и буксировъ. Въ весеннихъ сумеркахъ у Георгіевскаго гирла онъ былъ атакованъ «М-35», но выпущенная ею торпеда прошла подъ баржами. Всплывъ на поверхность, «М-35» открыла огонь изъ своей 37 м/м. пушки и пулемета. Видимо отъ неожиданности въ конвоѣ произошла паника и баржи начали выбрасываться на берегъ. Начавшійся штормъ закончилъ дѣло и, въ результатѣ, четыре изъ шести баржъ были потеряны. На слѣдующій день подводная лодка зашла въ бухту Жебріяны и выпустила торпеды въ стоявшее на якорѣ вспомогательное судно; одна торпеда ударила его въ бортъ, но не взорвалась.

31 октября первый нѣмецкій конвой дошелъ до Очакова и затѣмъ транспорты вошли въ Днѣпро-Бугскій лиманъ, но шедшій въ составѣ второго конвоя венгерскій п/х. „Ungvar" 9 ноября у Сухого лимана попалъ на мину. Два румынскихъ торпедныхъ катера, бросившіеся къ нему на помощь, затонули при происшедшемъ второмъ взрывѣ мины и детонаціи груза. Не считая чиновъ команды, на пароходѣ погибъ начальникъ нѣмецкой флотиліи капитанъ Petzel и пять нѣмецкихъ офицеровъ. Второй уцѣлѣвшій транспортъ вернулся назадъ. Два транспорта третьяго конвоя благополучно достигли Николаева. Съ 18-го ноября въ Одесскомъ заливѣ появились ледяныя поля, мѣшавшія дѣйствію подводныхъ лодокъ. Вышедшій 2 декабря изъ Констанцы конвой весь день подвергался

преслѣдованію лодокъ и, чтобы ихъ опередить, тихоходный «Царь Фердинандъ» былъ отправленъ назадъ, но все же преслѣдованіе длилось, пока конвой не вошелъ въ плавающіе льды. Пытаясь обойти ледъ ближе къ берегу, въ 7 миляхъ къ осту отъ Бургасъ, почти одновременно транспорты «Корделія» и «Кавазна» взорвались на минахъ и лишь одинъ пароходъ, въ концѣ концовъ, дошелъ до Очакова. По мѣсту взрыва можно предполагать, что загражденіе было новаго происхожденія, поставленное, вѣроятно, подводной лодкой «Л-5». При проводкѣ 5-го и послѣдняго въ 1941 г. конвоя въ серединѣ декабря, не доходя лимана тральщики обнаружили новыя мины, умѣло поставленныя вдоль протраленнаго фарватера. Очевидно под. лодка прослѣдила мѣсто въ старомъ загражденіи, черезъ которое проходили нѣмецкія суда и, несмотря на льды, набросала тамъ новыя мины. Но суровая зима скоро окончательно сковала льдомъ всю сѣверо-западную часть моря до Констанцы включительно. Льда въ этомъ году было такъ много, что теченіемъ его заносило даже въ Босфоръ, вблизи котораго, вь концѣ февраля, ударившись о льдину, погибъ болгарскій пароходъ! Подводныя лодки все же продолжали выходить въ юго-западную часть моря, но изъ за длинныхъ ночей и почти полнаго прекращенія судоходства, до весны не имѣли существенныхъ результатовъ. На это повліяло рѣшеніе итальянскаго командованія, которое, въ связи съ потерей танкеровъ, отказалось отъ доставки моремъ румынской нефти, что, надо сказать, еще болѣе усложнило топливный вопросъ итальянскаго флота *). Въ дѣйствительности, скрытный выходъ танкеровъ изъ Мраморнаго моря былъ невозможенъ, такъ какъ совѣтское командованіе освѣдомлялось заранѣе не только агентурой, но и наблюдателями изъ консульской дачи въ Буюкъ-Даре на берегу Босфора.

Всего за шесть мѣсяцевъ 1941 года подводныя лодки, включая минныя постановки, совершили 101 походъ къ непріятельскимъ берегамъ. Ими было потоплено 3 большихъ транспорта, 2 самоходныя баржи и 4 турецкихъ судна. На минахъ взорвалось 6 транспортовъ (включая захваченный нѣмцами старый п/х. «Чичеринъ»), минный заградитель, транспортъ-база и 11 мелкихъ военныхъ судовъ, не считая двухъ румынскихъ пароходовъ, взорвавшихся въ іюлѣ у Тульчи на Дунаѣ.

---

*) J. Meister.

Девять потопленныхъ транспортовъ составляютъ 29.205 тоннъ, не считая военныхъ судовъ. Въ первые три мѣсяца войны морская авіація, пока она не утратила крымскіе аэродромы, потопила на Дунаѣ нѣкоторое количество рѣчныхъ судовъ и нанесла болѣе или менѣе серьезныя поврежденія военнымъ и коммерческимъ судамъ при бомбардировкѣ Констанцы и другихъ портовъ.

Кромѣ уже указанной «Щ-204» погибло еще не меньше трехъ лодокъ: 11 ноября совершенно новая «С-34» взорвалась на мины въ районѣ Варны; 12 декабря эск. миноносецъ «Регина Марія» у мыса Шаблу потопилъ одну лодку.

«Слѣдуетъ признать, — пишетъ Вьюченко, — дѣйствія лодокъ малоуспѣшными. Сказывалось отсутствіе боевого опыта, отсутствіе взаимодѣйствія съ авіацией и наличія различныхъ организаціонныхъ неполадокъ». Но дѣйствія лодокъ отвлекли для конвойной службы всѣ румынскіе миноносцы, которые за всю войну не произвели ни одной операціи въ совѣтскихъ водахъ. Главнымъ образомъ, благодаря умѣло поставленнымъ загражденіямъ, нѣмцамъ почти не удалось использовать морской путь для снабженія ихъ армій въ 1941 году и лишь 7 транспортовъ благополучно доставили грузы въ Херсонъ и Николаевъ.

Перенесеніе базированія флота въ первыхъ числахъ ноября 1941 года изъ Севастополя на Кавказъ сильно осложнило дѣйствія подводныхъ лодокъ. Вначалѣ они базировались на Туапсе, но въ связи съ начавшимися сильными бомбардировками порта, гдѣ 23 марта одна лодка была уничтожена и вторая получила сильныя поврежденія, они перенесли свои базы еще дальше: 1-ая бригада въ Поти, 2-ая въ устье рѣки Хопи, въ 7 миляхъ сѣвернѣе Поти. Для защиты отъ морской волны, крейсеръ «Коминтернъ» (быв. «Память Меркурія»), орудія котораго были посланы для обороны Туапсе, былъ поставленъ въ устьѣ въ качествѣ брекватера. Для обслуживанія лодокъ имѣлась плавучая мастерская «Металлистъ»; штабъ бригады помѣщался на бывшемъ пассажирскомъ суднѣ «Эльбрусъ».

Переводъ базы на Кавказъ уменьшилъ сроки пребыванія подводныхъ лодокъ на позиціяхъ и ограничилъ его для лодокъ типа «М» пятью-шестью сутками, при условіи, что они не израсходовали раньше свои двѣ торпеды. По прямой линіи отъ

Поти до Констанцы 600 миль, а открытымъ моремъ въ обходъ еще больше. Въ связи съ потерями, поврежденіями и износомъ лодокъ, въ 1942 году ихъ стало нехватать для непрерывнаго занятія позицій. Съ 20 апрѣля нѣмцы возобновили навигацію, но вскорѣ началось переоборудованіе лодокъ, главнымъ образомъ типа «М», въ транспорты для снабженія Севастополя. Постепенно все больше и больше лодокъ отвлекалось на эту дѣятельность. Съ другой стороны выяснилось, что старыя «АГ» съ четырьмя носовыми торпедными аппаратами съ успѣхомъ могли замѣнять «Малютокъ» и они стали посылаться въ Одесскій заливъ. За первые шесть мѣсяцевъ 1942 года, лодки совершили 48 походовъ къ вражескимъ берегамъ. Къ этому времени нѣмцамъ удалось расчистить Одесскій портъ, но транспорты, съ открытіемъ навигаціи, предпочтительно отправлялись въ Днѣпро-Бугскій лиманъ. Въ мартѣ нѣмцы зарегистировали пять безрезультатныхъ атакъ на мелкія суда, проходившія подъ берегомъ. Въ началѣ апрѣля, опасаясь совѣтскаго десанта въ районѣ Перекопа, минныя баржи, выйдя подъ конвоемъ эск. миноносца изъ Констанцы, поставили въ Джарылгатскомъ заливѣ 150 минъ. На обратномъ пути одна минная баржа взорвалась на минѣ у румынскаго берега, прочія остались у Скадовска и 15 апрѣля приняли участіе въ отраженіи высаженнаго у Клаpовки небольшого совѣтскаго десанта. 29 мая старушка «А-3», встрѣтивъ въ районѣ Одессы конвой, несмотря на 18-тиметровую глубину, нырнула подъ сторожевыя суда и съ разстоянія въ 300 метровъ потопила торпеднымъ залпомъ большой теплоходъ «Сулина». 3 іюня, западнѣе Березани взорвалась на минѣ самоходная баржа. 11 іюня подводная лодка «А-5» атаковала къ востоку отъ Одессы вышедшій изъ Очакова конвой, состоявшій изъ трехъ транспортовъ, шедшихъ подъ охраной 5-ти тральщиковъ и двухъ баржъ. Изъ трехъ выпущенныхъ торпедъ, одна подорвала большой п/х. «Ардеаль», который все же смогъ выброситься на мель. До наступленія темноты «А-5» подверглась бомбежкѣ и преслѣдованію, но черезъ три часа послѣ первой атаки, южнѣе Большого Фонтана другая лодка, возможно «М-31», атаковала буксиръ, но пущенная торпеда взорвалась на берегу. Брошенныя бомбы видимо нанесли лодкѣ поврежденія, т. к. на поверхности появилось масляное пятно. Въ этотъ день въ сѣверо-западномъ районѣ дѣйствовало три или четыре лодки и слѣдующіе два дня тральщики гонялись за ними, сбросивъ еще 44 бомбы и обстрѣлявъ одну изъ

орудій. Послѣ двухъ удачныхъ атакъ на транспортъ, въ цѣляхъ сохраненія немногочисленныхъ имѣвшихся въ наличіи большихъ пароходовъ, нѣмецкое командованіе рѣшило перегородить Одесскій заливъ миннымъ загражденіемъ и, до его постановки, прекратило посылать большіе пароходы въ этотъ районъ, но 1 іюля у Очакова взорвался на минѣ ,,Sperebrecher 191 “.

Дѣйствовавшія въ это время у румыно-болгарскихъ береговъ лодки 1-ой бригады не встрѣчали достойныхъ объектовъ атакъ и здѣсь пострадали, главнымъ образомъ, турецкія суда. Еще зимой, 23 февраля, у Босфора было потоплено моторное судно; въ маѣ «Щ-205» разстрѣляла малый турецкій пароходъ и шхуну, «Щ-218» уничтожила пароходъ, а «Щ-214» — четыре шхуны. Въ ночь на 10 іюня одна изъ двухъ оперировавшихъ у турецкихъ береговъ лодокъ безрезультатно атаковала проходившія нѣмецкія суда.

Въ связи съ усиленіемъ нѣмецкой флотиліи участились встрѣчи лодокъ съ болѣе опасными для нихъ противниками, которыми явились двадцати-узловые дизельные тральщики серіи «Р», число которыхъ къ осени 1942 года достигло двадцати. 16 іюня у мыса Эмине одна лодка была атакована самолетомъ, послѣ чего на поверхности появились какіе-то обломки и масляное пятно. 20 іюня у Гергіевскаго устья были атакованы два тральщика; 26 — у Варны была обнаружена лодка и въ этомъ мѣстѣ тотчасъ сброшено десять бомбъ. Въ теченіе часа на поверхность выходили большіе пузыри воздуха и мазутъ. Была ли лодка окончательно уничтожена, или все же справившись съ поврежденіями, лодка ушла, въ обоихъ указанныхъ случаяхъ осталось невыясненнымъ. Во второй половинѣ іюня, возвращавшіяся лодки отправлялись для оказанія помощи севастопольцамъ — 18 лодокъ приняло участіе въ этой операціи и фактически ихъ дѣйствія въ западной части моря временно прекратились.

* * *

Послѣ окончанія севастопольской эпопеи въ первыхъ числахъ іюля, всѣ лодки были сильно изношены, многія имѣли болѣе или менѣе значитеьныя поврежденія и въ подавляющемъ большинствѣ требовали ремонта, но скудныя средства

кавказскихъ портовъ и базы «Металлистъ» быстро сдѣлать это не могли. Въ іюлѣ и августѣ изъ 34-хъ *) оставшихся лодокъ, менѣе двадцати находились въ строю. За эти два мѣсяца лодки 1-ой бригады совершили лишь десять походовъ въ районы Варны, Сизополя и Босфора, почти не встрѣчая противника. Лишь ночью 5 августа «Щ-205» дала трехторпедный залпъ по большому транспорту, шедшему подъ охраной двухъ катеровъ и, какъ сообщилъ командиръ, его потопилъ. Съ нѣмецкой стороны пока подтвержденія этому факту не найдено, но здѣсь умѣстно отмѣтить, что судьба нѣкоторыхъ находившихся въ Черномъ морѣ на нѣмецкой службѣ пароходовъ разныхъ націй еще не установлена. «Л-4» и «Л-5» совершили каждая по одной заградительной операціи: одна поставила мины у Ялты, другая въ 20 миляхъ сѣвернѣе Севастополя. Въ эти же два мѣсяца лодки 2-й бригады совершили 19 походовъ въ районы Фидониси, Одессы, Тарханкута и къ южному берегу Крыма. Но къ востоку отъ Севастополя нѣмцы, опасаясь набѣговъ эск. миноносцевъ, транспортовъ не посылали и до конца оккупаціи Крыма всѣ перевозки совершались лишь на баржахъ, стрѣльбу по которымъ торпедами можно сравнить съ охотой изъ пушекъ по воробьямъ! За это время лодки 2-ой бригады имѣли лишь 9 встрѣчъ съ непріятелемъ. Новое минное загражденіе въ Одесскомъ заливѣ затруднило ихъ дѣйствія; его первой жертвой во второй половинѣ іюля была «М-33»; на обратномъ пути 27 іюля, проходя подъ нимъ она лопастью винта задѣла мину, исковеркавшую рули и винты. Всплывая по ночамъ для ремонта и ложась днемъ на грунтъ, послѣ семиночной работы удалось очистить одинъ винтъ съ поломанными лопастями и черезъ десять дней послѣ аваріи, съ полузаклиненнымъ рулемъ, «А-5» смогла добраться до Туапсе. 4 августа нѣмцы у Очакова потеряли на минѣ буксиръ. 23 августа, противъ Килійскаго гирла «М-36» взорвала большой теплоходъ «Анкара».

Въ это время на сухопутномъ фронтѣ шло наступленіе нѣмецкихъ армій. Занявъ 24 іюля Ростовъ, нѣмцы продвигались по Кубани, въ серединѣ августа подошли къ перевалу у Туапсе и 9 сентября былъ занятъ Новороссійскъ. Всѣ желѣзныя дороги, ведущія на сѣверъ были перерѣзаны, флотъ лишился питавшей его майкопской нефти и фактически Туап-

---

*) Киринъ. "Черноморскій флотъ въ битвѣ за Кавказъ".

синскій портъ былъ эвакуированъ. Все это сильно отразилось на положеніи Черноморскаго флота, лишивъ его подвоза снабженія изъ другихъ мѣстъ страны. Вѣроятно по этимъ причинамъ въ сентябрѣ подводныя лодки совершили лишь 9 походовъ, и нѣмцы зарегистрировали шесть безрезультатно выпущенныхъ торпедъ. Обыкновенно три лодки находились у Босфора и западныхъ береговъ, и одна у береговъ Крыма. 7 сентября у Босфора былъ атакованъ вновь появившійся итальянскій танкеръ, шедшій подъ конвоемъ двухъ эск. миноносцевъ. 21 сентября «С-31» пустила двѣ торпеды по входившей въ Ялту баржѣ, но они прошли подъ днищемъ и взорвались на берегу, убивъ нѣсколько купавшихся солдатъ. Подводные заградители «Л-5» и другая лодка поставили 16 и 19 сентября минныя банки между Сулиномъ и Одессой за румынскимъ береговымъ загражденіемъ. Цѣлью этихъ загражденій являлось не только непосредственно уничтоженіе судовъ, но также надежда, что обнаруженное засореніе минами «корридора» заставитъ транспорты проходить открытымъ моремъ и это облегчитъ атаки на нихъ подводныхъ лодокъ. До конца 1942 года было поставлено еще четыре банки: въ районѣ мыса Сарычъ-Фиолентъ, у Феодосіи, Калакріи и Днѣпровскаго лимана. Принимая во вниманіе столь рѣдкія минныя операціи подводныхъ лодокъ, является предположеніе, что въ запасахъ флота въ этотъ періодъ ощущался недостатокъ минъ этого типа.

Опытъ послѣднихъ операцій и сокращеніе числа подводныхъ лодокъ вызвали реорганизацію подводнаго флота и пересмотръ методовъ дѣйствія. Въ сентябрѣ, въ цѣляхъ централизаціи управленія, обѣ бригады были сведены въ одну, четырехъ-дивизіоннаго состава. Во главѣ бригады былъ поставленъ опытный подводникъ, начальникъ 1-ой бригады кап. 1 р. Болтуновъ. Каждому дивизіону, соотвѣтствуясь съ качествами лодокъ, былъ присвоенъ опредѣленный районъ моря, что позволяло командирамъ лучше изучать особенности своего участка. Въ границахъ района лодки стали работать по принципу «свободной охоты», и для атакъ на транспорты рекомендовалась залповая стрѣльба. Возможно, что въ связи съ этими реформами, въ октябрѣ лодки добились лучшихъ результатовъ. За три послѣднихъ мѣсяца 1942 г., лодки совершили 38 походовъ и въ 20-ти изъ нихъ имѣли соприкосновеніе

съ противникомъ. 1 октября противъ Днѣпровскаго лимана былъ взорванъ торпедой п/х. „Salzburg“, на борту котораго находилось 2300 военноплѣнныхъ. Лишь двѣсти изъ нихъ были спасены конвойными судами. 6 октября «М-111» сѣвернѣе Сулина взорвала буксиръ и 10-го вечеромъ, южнѣе этого порта, «Щ-216» атаковала въ надводномъ положенiи и утопила большой п/х. «Карпати». Въ эти дни не менѣе семи лодокъ находились на позицiяхъ у западныхъ береговъ. 12 октября одна лодка безрезультатно выпустила двѣ торпеды у Жебринки, 14-го «М-32» у береговъ Добруджи атаковала миноносецъ «Сборуя», шедшiй въ сопровожденiи двухъ катеровъ и тотчасъ же легла на 13-тиметровой глубинѣ на дно. Брошенными миноносцемъ бомбами сорвало верхнiй люкъ рубки и всѣ находившiся тамъ вещи всплыли на поверхность; кромѣ того, взрывами были продавлены масляная и одна цистерна топлива, и двѣ тонны соляра вытекли за бортъ. Лодка притворилась мертвой; румынскiе катера, прощупавъ ее лотомъ и убѣдившись, что она не двигается, черезъ шесть часовъ послѣ атаки ушли. Но «М-32» была еще жива; всплывая по вечерамъ, въ теченiе четырехъ ночей экипажъ работалъ надъ починкой поврежденiя. Послѣ чего, имѣя возможность идти лишь надъ водой, 22 октября лодка добралась до базы. Этотъ случай наглядно доказываетъ, что появленiе надъ водой масляныхъ пятенъ и даже обломковъ, не всегда является признакомъ потопленiя лодки. Вечеромъ 21 октября, у Георгiевскаго гирла, «М-35», зайдя со стороны берега, несмотря на сильную волну атаковала въ надводномъ положенiи шедшiй въ Одессу подъ конвоемъ миноносца и двухъ тральщиковъ небольшой танкеръ „Le Progres“ и взорвала его. Послѣ залпа лодка на 11-тиметровой глубинѣ легла на грунтъ. Брошенный ей въ отвѣтъ 32 бомбы нанесли лодкѣ лишь незначительныя поврежденiя. Ночью 26 октября въ районѣ Сулина-Мидiя «Щ-207» дала торпедный залпъ по шедшему въ головѣ конвоя противолодочному „Xanten“ но по ошибкѣ командира обѣ торпеды прошли мимо; въ слѣдующiе дни лодка трижды встрѣчала конвои мелкихъ судовъ, проходившихъ подъ берегомъ, но изъ за малыхъ глубинъ для этого типа лодокъ, не смогла выйти въ атаку. Послѣ этого случая граница района дѣйствiй лодокъ типа «Щ» была передвинута къ югу. Въ ноябрѣ, въ связи съ приближенiемъ зимы, дѣятельность ло-

докъ значительно уменьшилась, но, получивъ отъ морского агента въ Турціи свѣдѣнія о готовящемся выходѣ изъ Константинополя большого танкера, совѣтское командованіе послало на блокаду Босфора одновременно пять лодокъ. Въ ожиданіи танкера, придя въ свой секторъ «Щ-205» прицѣпилась къ бакану, поставленному противъ входа въ Босфоръ. 14 ноября показался танкеръ «Оссагъ», около котораго зигзагами ходили встрѣтившіе его подъ берегомъ два эск. миноносца. Нырнувъ, «Щ-205» дала двухторпедный залпъ съ разстоянія 2000 метровъ. Одна торпеда взорвалась въ носовой части танкера, но онъ все же смогъ вернуться въ Константинополь. Въ тотъ же вечеръ, къ югу отъ Сулина, другая лодка безрезультатно атаковала два тральщика; на слѣдующій день лодка потопила самоходную баржу «Ф-592». 27 ноября у Днѣпровскаго лимана было атаковано шедшее съ конвоемъ противолодочное судно «№ 19». Въ декабрѣ нѣмцы зарегистрировали лишь одну атаку съ выпускомъ торпедъ, но 10-го около Бургаса артиллерійскимъ огнемъ была потоплена турецкая шхуна. Вечеромъ 17 декабря, передъ Сулиномъ, подводная лодка типа «М» пыталась атаковать проходившій конвой, но была во время обнаружена тральщикомъ, который заставилъ ее погрузиться. Подоспѣвшее противолодочное судно «Ксантенъ» сбросило 28 глубинныхъ бомбъ и на поверхности появилось большое масляное пятно. На слѣдующій день было сброшено еще 13 бомбъ и на поверхность выбросило обломки и одежду. 20-го лодка лежала еще на томъ же мѣстѣ и, такимъ образомъ слѣдуетъ считать ее погибшей.

За вторую половину 1942 года лодки совершили 85 походовъ къ вражескимъ берегамъ, изъ нихъ 9 на заградительныя операціи, т. е. немного меньше чѣмъ за шесть мѣсяцевъ перваго года войны. Входятъ ли въ это число походы лодокъ со специальнымъ заданіемъ: высадка развѣдочно-саботажныхъ группъ въ Крыму и на болгарскій берегъ, развѣдка аэродрома произведенная «М-35» въ іюнѣ и т. д. — не выяснено. За весь годъ точно установлено потопленіе лодками 7-и судовъ «Оси» (15.152 т.) и девяти малыхъ турецкихъ судовъ. Кромѣ того танкеръ и транспортъ были ими на долгое время выведены изъ строя. Въ 1942 году на минахъ взорвались: румынскій пароходъ и вспомогательное судно (2.977 тоннъ) и, считая погибшихъ въ Азовскомъ морѣ и у Керченскаго пролива, не

менѣе 13 малыхъ тральщиковъ, буксировъ и баржъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить потери, понесенныя отъ дѣйствія авіаціи — видимо два парохода и 8 мелкихъ судовъ. За 1942 годъ 640.000 тоннъ судовъ «Оси» совершили переходы по Черному морю, понеся менѣе 4% потерь; цифра, конечно, небольшая, но составляющая примѣрно 16 % имѣвшагося на лицо тоннажа транспортовъ, не считая итальянскихъ танкеровъ. Такой же процентъ погибъ и въ 1941 году и, такимъ образомъ, за полтора года транспортный флотъ «Оси» потерялъ по тоннажу одну треть своего состава, что было чувствительно для нѣмцевъ, почти не имѣвшихъ возможности замѣнить потерянные пароходы новыми.

Число лодокъ, которыя были потеряны въ 1942 году установить трудно. **C. Huan** считаетъ, что 7 было потоплено и 10 повреждено; **J. Meister** опредѣляетъ потери въ 10 лодокъ. Установлено, что три лодки были потоплены итальянцами у Севастополя, «М-33» взорвалась на минѣ, «Л-23» погибла у Босфора возможно 8 сентября при атакѣ на итальянскій танкеръ, одна лодка была потоплена противолодочнымъ судномъ въ декабрѣ и другая при бомбардировкѣ Туапсе. 8 марта, къ югу отъ Ялты самолеты накрыли бомбами лодку, которая взрывами была выброшена на поверхность вверхъ килемъ и, потомъ, задравъ высоко носъ, затонула. Возможно также, что 13 марта южнѣе Феодосіи и 16 іюня, авіація потопила еще двѣ подводныя лодки. Считая, что четыре лодки были потоплены въ 1941 году, чтобы дойти до цифры указанной **Huan**'омъ, что въ іюлѣ-августѣ 1942 года лишь 34 лодки были на лицо, и если расчетъ, что около 50-ти лодокъ должно было бы находиться въ строю къ этому времени, надо думать, что еще не менѣе трехъ лодокъ было потоплено авіаціей или погибли на минахъ при другихъ, невыясненныхъ обстоятельствахъ. Малое число дѣйствовавшихъ лодокъ по отношенію къ числу имѣвшихся, (въ ноябрѣ 1942 года по офиціальнымъ даннымъ было 29 работоспособныхъ лодокъ), объясняется слабой способностью ремонта Понтійской базы, отсутствіемъ запасныхъ частей и матерьяловъ, вѣроятными затрудненіями для замѣны аккумуляторовъ и т. п. Серьезно поврежденныя лодки, или требовавшія капитальнаго ремонта по износу, видимо почти-что не чинились; съ нѣкоторымъ изъ

нихъ снимали различныя части и аппараты для замѣны поврежденныхъ на еще дѣйствовавшихъ лодкахъ.

Можно смѣло предположить, что положеніе «флота безъ базы», если исключить гибель большинства эскадренныхъ миноносцевъ отъ дѣйствія авіаціи, имѣло бо́льшее вліяніе на постепенное уменьшеніе дѣятельности Черноморскаго флота, чѣмъ собственно потери, понесенныя отъ дѣйствій противника.

П. А. Варнекъ.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА.

Редакція сожалѣетъ, что авторъ статьи «Адмиралъ А. А. Эбергардъ» кап. 2 р. Н. С. Чириковъ, по недосмотру отмѣченъ на 1-ой страницѣ (содержаніе) № 55 какъ стар. лейт., тогда какъ приказомъ Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи отъ 29 марта 1920 года онъ былъ произведенъ въ чинъ капитана 2-го ранга «по линіи».

Н. В. Кемарскій.

ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦЪ „НОВИКЪ“

Вслѣдствіе ограниченнаго числа страницъ каждаго номера журнала, окончаніе воспоминаній о "Новикѣ" значительно сокращено и переработано редакціей "Морскихъ Записокъ".

(Окончаніе).

Освѣживъ въ памяти практику шхернаго плаванія и завершивъ нашъ пробѣгъ по шхерамъ, мы вышли изъ нихъ, пересѣкли Финскій заливъ и у Вульфскаго знака вошли въ Ревельскую бухту. Съ перваго взгляда мы не узнали ее: тамъ, гдѣ раньше постоянно была кипучая дѣятельность — гремѣли орудійные выстрѣлы, двигались корабли, буксиры тащили груженыя шаланды, бѣгали паровые катера — царила непривычная тишина и, только издали, изъ Цигельскополя неслись отдаленные строительные громы многообразныхъ звуковъ, сливавшихся въ одну протяжную какофонію, напоминавшую намъ о строющихся новыхъ могучихъ кораблестроительныхъ верфяхъ, съ ихъ эллингами, доками и мастерскими вновь созидающейся крѣпости Императора Петра Великаго, да вдалекѣ, изъ-за сѣвернаго больверка старой военной Ревельской гавани виднѣлись многочисленныя мачты и верхушки трубъ — то была 1-ая Бригада крейсеровъ, пріютившихся на зимовку въ тѣсной военной гавани. Поднявъ «позывные» и получивъ «отвѣтъ», «Новикъ» вошелъ въ военную гавань, далеко раскидалъ свои якоря и кормой ошвартовался къ южному концу восточнаго больверка; бокъ-о-бокъ съ нами стояли крейсера «Баянъ», «Паллада» и «Адмиралъ Макаровъ». У сѣвернаго больверка, бортомъ къ нему стоялъ ошвартовавшись крейсеръ «Громобой» подъ флагомъ Начальника 1-ой

Бригады Крейсеровъ Балтійскаго моря. Очутившись между крейсерами мы почувствовали себя «тоже большимъ кораблемъ», т. к. ни одного миноносца въ гавани не было, всѣ они ушли, — одни въ Портъ Императора Александра III, другіе въ Гельсингфорсъ, а кто и въ Кронштадтъ.

Придя въ Ревель, «Новикъ» завершилъ первый циклъ оживленнаго дѣятельнаго времени послѣ конца ремонта въ Штеттинѣ и окончательно принимался въ родную семью Балтійскаго флота, съ нетерпѣніемъ ожидавшую его. Жизнь корабля вступала въ регулярное русло руководимое Морскимъ Уставомъ и прочими узаконеніями. На предстоящую зимовку мы были подчинены Начальнику 1-ой Бригады Крейсеровъ.

Теперь, появившись въ Ревельской гавани, для «Новика», а съ нимъ и для насъ, наступало время сравнительнаго затишья — замерзалъ Финскій заливъ и приходилось обратиться къ береговой дѣятельности. Зимнее время — учеба теоретическихъ занятій, и мы, какъ и весь флотъ, отправили часть своей команды въ Кронштадтъ въ спеціальныя школы для освѣженія и пополненія знаній. Остались только рулевые и сигнальщики, для нихъ была устроена школа въ Ревельскомъ порту, куда сходились ученики съ бригады крейсеровъ и «Новика». Остальная часть команды была занята на кораблѣ въ заботахъ о немъ, поддерживая его на должной высотѣ по всѣмъ спеціальностямъ. Приводили въ порядокъ всѣ помѣщенія, не затронутыя ремонтомъ въ Германіи, а такими оказались: артиллерійскіе и минные погреба, кладовыя машиннаго содержателя, помѣщенія баталера, подшхипера, близкая и дорогая боцманскому сердцу тросовая, малярная, провизіонные погреба. Все въ нихъ тщательно пересматривалось, выяснились недочеты и нехватки, происходящія изъ-за текущихъ расходовъ, и попутно намѣчались статьи будущей дефектной вѣдомости. Помимо этихъ заботъ ежедневно производились гимнастическія упражненія, чтобы не дать мускуламъ потерять ихъ гибкость и крѣпость, практиковались въ зарядкѣ учебными патронами на спеціальномъ артиллерійскомъ станкѣ для поддержки необходимой быстроты заряженія орудій *), прокачивали гидравлическую систему управленія рулемъ, тревожили рулевую машину, заставляя перекладывать руль съ борта на бортъ; днемъ на мостикахъ подни-

---

***) Практика давала до 22-24 заряженій въ минуту во время состязаній на скорость между орудійной прислугой.**

мали флажные сигналы состязаясь въ быстротѣ набора и разбора ихъ, перекликались семафоромъ, а въ темное время сигнализировали клотиковыми лампочками или ратьерными фонарями. Не забывали заниматься «грамотностью» съ малограмотными и, къ чести ихъ, они быстро проявили успѣхи и съ усердіемъ осиливали эту премудрость, а къ Рождеству уже сами «отписывали» домой поздравленія, страшно гордые этимъ успѣхомъ.

Какъ бы корабль ни былъ новъ, все же на немъ всегда найдутся непредвидѣнные недочеты конструктивнаго порядка — вѣдь нѣтъ ничего идеальнаго созданнаго руками человѣческими. Глубокой осенью мы начали испытывать по утрамъ затрудненія съ приготовленіемъ пищи, а съ наступленіемъ морозовъ ощутили это полностью. При проектированіи расположенія помѣщеній корабля, единственнымъ удобнымъ мѣстомъ для камбуза и офицерской плиты съ нефтянымъ отопленіемъ была рубка подъ заднимъ мостикомъ. Тамъ ихъ и помѣстили. Въ теплое время камбузъ и плита легко и свободно разжигались, но, съ наступленіемъ морозовъ, нефть настолько загустѣла, что и коки и каютъ-компанейскій поваръ были настоящими мучениками при привиденіи камбуза и плиты въ дѣйствіе. Нефть не текла. Съ громадными усиліями ее сначала нагрѣвали; на это уходило время и частенько утренній завтракъ команды значительно запаздывалъ, а каютъ-компаніи приходилось довольствоваться чаемъ съ сухарями, или на арену дѣйствій въ «буфетной» появлялась электрическая комфорка, которая и выручала насъ въ такихъ случаяхъ. Съ этихъ поръ приходилось за нѣсколько часовъ до побудки специально разогрѣвать нефть; эту обязанность возложили на вахтенныхъ отъ 4 до 8 час. утра. Послѣ этой мѣры приготовленіе утренней пищи пришло въ норму, а къ дефектной вѣдомости прибавлялась еще одна статья. Такъ протекала жизнь «Новика» внутренняго, индивидуальнаго порядка; что же касается внѣшней, то могу сказать, что съ первыхъ же дней, попавъ въ семью крейсеровъ, у насъ завязались самыя дружественныя отношенія съ ними. На каждомъ изъ нихъ, у того или другого изъ членовъ нашей каютъ-компаніи были старые соплаватели, либо пріятели, либо однокашники по выпуску. Мы въ особенности близко сошлись съ офицерами крейсера «Баянъ», стоявшаго рядомъ съ нами. Въ «отдыхъ» и по вечерамъ послѣ ужина то наши заходили попро-

сту поболтать на крейсеръ, то они посѣщали насъ. Конечно, какъ всегда и вездѣ, скорѣе и наиболѣе тѣсно сходится молодежь. Окончивъ дневную службу она довольно часто посѣщала частные береговые дома знакомыхъ, Морское Собраніе, кинематографы и театры, а иногда и болѣе веселыя мѣста. Но подобные «выходы» нисколько не отражались на ходѣ и порядкѣ службы — съ подъемомъ флага всѣ были въ сборѣ на корабляхъ. Повеселившись, мы возвращались на корабль и тихо и мирно расходились по своимъ каютамъ. Но разъ трое изъ насъ — М. М. Максимовичъ, Д. И. Ѳедотовъ и я вернулись послѣ полночи. На «Новикѣ» динамо-машина была уже остановлена и разнесены огни маслянаго освѣщенія *). У сходни вахтенный встрѣтилъ насъ съ ручнымъ фонаремъ. «Дома ли командиръ»? — спросили мы — «Недавно вернулись», — былъ отвѣтъ. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ было тихо, всѣ спали. Не совсѣмъ увѣренно, стараясь не шумѣть, шутя и балагуря въ полголоса мы прошли съ самаго юта до входа подъ полубакъ въ офицерское помѣщеніе. Намъ предстояло пройти мимо командирскаго помѣщенія, расположеннаго вблизи отъ входа въ корридоръ, идущій вдоль офицерскихъ каютъ и замыкающійся каютъ-компаніей. Намъ удалось молча, въ потемкахъ и ощупью пройти опасную зону. Ободрившись удачей, вновь послышались шутки; раздобыли свѣчу въ офицерской буфетной, захотѣлось выпить чаю. Но ни паровъ, ни электрической энергіи не было. Мы начали изобрѣтать, чѣмъ бы замѣнить чай, шутя и смѣясь, когда вдругъ . . . какъ громъ грянулъ — вблизи насъ раздался грозный голосъ: «Николай Владиміровичъ, прекратите вакханалію, маршъ всѣ спать!» Въ корридорѣ, въ одномъ ночномъ бѣльѣ стоялъ нашъ командиръ! Мы были ошеломлены. Настала гробовая тишина. Свѣча моментально потухла, и мы мгновенно исчезли по своимъ каютамъ. На другой день, за утреннимъ завтракомъ мы ожидали развязки ночного происшествія. Но вотъ, подъемъ флага, всѣ во фронтѣ, командиръ здоровается со старшимъ офицеромъ и съ нами, разговариваетъ по службѣ, но про ночной эпизодъ не упоминаетъ. Мы облегченно вздохнули и послѣ этого случая уже больше не изобрѣтали, чѣмъ замѣнить чай. Къ счастью для насъ, эта проб-

---

***) Въ портахъ у стѣнки или миноносцаго бона, для сохраненія механизмовъ и экономіи топлива, въ полночь останавливались динамо и прекращались пары въ дежурномъ котлѣ.**

лема пріятно разрѣшилась: вскорѣ «свыше» пришло разрѣшеніе «Новику» пользоваться въ теченіе стоянки въ гавани паромъ и электричествомъ съ «Баяна», взявшаго на себя снабжать ими своего младшаго брата; мы же памятуя, что «долгъ платежомъ красенъ», посылали своихъ людей на крейсеръ нести вахту у котла и динамо-машинъ. Такъ «Новикъ» постепенно вступалъ въ мирную обстановку зимовки въ Ревелѣ. Наши семейные пріискали себѣ квартиры или отдѣльные домики въ городѣ, сверхсрочно служащіе также получили разрѣшеніе на береговое жительство, что давало возможность остальнымъ провести зиму на кораблѣ не такъ скученно. Нашего гарантійнаго механика Herr'a Hundt'a тоже поселили на берегу. Мы въ немъ совершенно не нуждались и выполняли лишь статью контракта съ заводомъ о гарантіи. Приспосабливаясь къ жизни въ порту, мы не замѣтили, какъ быстро пробѣжали первыя недѣли стоянки и наступилъ канунъ годовщины Морского Корпуса — праздника всего Россійскаго флота. Не было корабля или морского учрежденія, которые не чтили и не праздновали бы день 6 ноября — всюду готовились къ нему. Въ этотъ день всюду служились торжественные молебны, производились парады на берегу, смотры на корабляхъ, улучшался столъ команды по-праздничному, рано отпускались на берегъ — это былъ памятный, высокоторжественный день всей морской семьи. Уже съ ранняго утра корабли въ Ревельской гавани передавали семафоромъ съ одного корабля на другой поздравленія и привѣтствія. Съ подъемомъ флага всѣ расцвѣтились флагами. Желающіе изъ нашей команды отправились на «Баянъ» присутствовать на литургіи и молебнѣ въ день Св. Павла Исповѣдника. Въ 12 час. дня сыграли большой сборъ, команды въ первомъ срокѣ были выстроены на шканцахъ, и командиры поздравляли всѣхъ съ Морскимъ праздникомъ, послѣ чего команда была распущена и дали обѣдать. Въ каютъ-компаніяхъ кораблей царило праздничное настроеніе. Такъ праздновали моряки Россійскаго Императорскаго флота, какъ въ столицѣ, такъ и на далекихъ окраинахъ нашего обширнаго государства день 6-го ноября. У насъ на «Новикѣ» на этомъ торжественномъ обѣдѣ, послѣ официальныхъ здравицъ, когда праздничное настроеніе поднялось, воспоминанія присутствующихъ незамѣтно вернулись къ русско-японской войнѣ и къ участію нашихъ соплавателей въ Портъ-Артурской оборонѣ и мы дружно ихъ чествовали.

Какъ быстро подошелъ, такъ же быстро и прошелъ нашъ праздникъ, и опять наступили будніе дни съ регулярной, точно распредѣленной работой. Понемногу наступала зима и морозный воздухъ забирался во всѣ уголки жилыхъ палубъ. Защищаясь отъ него, всѣ входные люки и двери жилыхъ помѣщеній были обнесены деревянными рубками, изнутри обитыми кошмой. Послѣ дневной службы приходило время развлеченья и всѣ кто могъ отправлялись на берегъ къ роднымъ, знакомымъ, а то и просто въ городъ. Изъ нашихъ соплавателей только Г. К. Кравченко перевезъ свою семью въ Ревель и, послѣ того какъ устроился, пригласилъ командира и насъ, холостыхъ, на «новоселье» къ обѣду. Въ назначенный день мы прибыли къ указанному времени. Хлѣбосольные хозяева приняли насъ душевно, чисто по-русски, и мы чувствовали себя точно въ родной семьѣ. Съ прибытіемъ командира Д. Н. Вердеревскаго, мы были приглашены къ столу. Обѣдъ, дѣйствительно, оказался шедевромъ кулинаріи, вина были «настоящими», привезенныя нашими кораблями, ходившими въ заграничныя плаванія, по заказу каютъ-компаніи кораблей Балтійскаго флота. Къ числу заказчиковъ принадлежалъ и «Новикъ», и съ него Григорій Ксенофонтовичъ досталъ все нужное къ своему замѣчательному обѣду. Командиръ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, много занимательно разсказывалъ и шутилъ.

Послѣ этого обѣда мы, мичмана, все чаще и чаще стали навѣдываться въ этотъ гостепріимный домъ.

Мѣсяцъ прошелъ незамѣтно и опять наступилъ большой торжественный праздникъ — 6 декабря — Тезоименитства Государя Императора. По всей странѣ, отъ края и до края, служили торжественныя заздравныя богослуженія, производили салюты и парады войскъ и флота. Народныя увеселенія знаменовали этотъ день. Но это не все: помня службу русскихъ людей Родинѣ и Престолу, Государь въ этотъ день разсылалъ свои благоволенія и награды — жаловались ордена, медали, чины, а то и денежныя награды. У насъ, въ военной ревельской гавани на бригадѣ крейсеровъ и на «Новикѣ» тоже оказались удостоившіеся милости — на «Новикѣ» три мичмана — М. М. Максимовичъ, А. И. Грибовскій и я получили третью звѣздочку на погоны. Нѣкоторые сверхсрочно служащіе получили медали «За усердную службу». Передъ 12-ю часами, по «большому сбору», вся команда была выстроена повахтенно на

шханцахъ. Командиръ поздравилъ съ праздникомъ. Прокатилось громовое троекратное «ура» за Государя; командиръ прочелъ приказъ о наградахъ, поздравилъ награжденныхъ съ Монаршей милостью и возложилъ ее каждому изъ нихъ на грудь или на шею. Эти награды усиливали и укрѣпляли стремленіе къ исполненію долга и службы «не за страхъ, а за совѣсть» и, одновременно, подтверждали поговорку «за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадетъ». Глядя на фронтъ нашей команды и награжденныхъ, сколько радости и счастья можно было прочесть и подмѣтить на этихъ простыхъ, незлобивыхъ русскихъ лицахъ, тогда еще преданныхъ завѣтамъ Русскаго флота. Завершился этотъ день торжественнымъ обѣдомъ въ каютъ-компаніи и увольненіемъ команды на берегъ.

Прошелъ праздникъ, а за нимъ, согласно народному расписанію погоды, наступили Никольскіе морозы. Финскій заливъ былъ уже основательно скованъ льдомъ. О выходѣ въ море временно перестали думать, но за то всѣми завладѣла мысль побывать въ родныхъ мѣстахъ, повидать семью, старыхъ знакомыхъ, провести рождественскіе праздники въ отпуску, дома. Все чаще заводились разговоры объ отпускахъ, о чемъ заботился и старшій офицеръ, и списки желающихъ ѣхать составлялись и представлялись, черезъ фельдфебеля, ротнымъ командирамъ. Отпускной вопросъ былъ дѣломъ первостатейной важности: отпустить разомъ всю команду не представлялось возможнымъ, приходилось устанавливать очередь и никого не хотѣлось обидѣть. Для этого принимались во вниманіе: спеціальность, число лѣтъ службы, дальность разстоянія до дому, семейное положеніе, всего не перечесть; если получались одинаковыя условія у нѣсколькихъ человѣкъ, тянули «на узелки». Никто не былъ обиженъ, все оставались довольны. А какъ были счастливы тѣ, кто попадалъ въ число ѣхавшихъ въ первую очередь и быть дома въ день Рождества! Разговоровъ въ палубахъ объ этомъ днѣ не было конца!

Съ отпусками «Новикъ» еще болѣе опустѣлъ. Къ Рождеству, въ «строевомъ кубрикѣ» подъ полубакомъ и «машинномъ кубрикѣ» за турбиннымъ отдѣленіемъ, достали и поставили двѣ одинаковыя елки, не особенно большія, сразу наполнившія эти помѣщенія чуднымъ смолистымъ запахомъ. Къ празднику они были разукрашены и на нихъ развѣшаны маленькіе подарки, купленные на «экономическія» корабля, каждый подъ индивидуальнымъ номеркомъ. Тутъ были и

бритвы, и помазки, и папиросы, и махорка, и душистое туалетное мыло . . . Болѣе тяжелые подарки, какъ — тѣльняшки, носки и проч. были сложены подъ елками. Въ день Рождества Христова, послѣ положенной Морскимъ Уставомъ церемоніи, командиръ и офицеры спустились въ кубрики и команда вытаскивала изъ спеціальнаго запечатаннаго ящика номерки подарковъ и тотчасъ же получала ихъ. Шумъ, веселье, специфическія шутки, приноровленныя къ подаркамъ подняли общее хорошее настроеніе — чувствовался праздникъ Рождества, праздникъ православной Россіи. Послѣ раздачи подарковъ былъ «праздничный» обѣдъ и отпускъ на берегъ. Для своихъ рулевыхъ и сигнальщиковъ, я приготовилъ, лично отъ себя, двѣ пары коньковъ «Снѣгурочка» и, позвавъ своихъ двухъ Петровъ — Бакуна и Косова, поздравилъ ихъ съ праздникомъ, передалъ имъ коньки и объяснилъ, что они общіе для всѣхъ матросовъ нашей спеціальности, что всѣмъ имъ купить по парѣ коньковъ у меня не хватаетъ средствъ, а отмѣтить всѣхъ ихъ исправное исполненіе долга и обязанностей — считаю пріятнымъ. Чтобы коньки не затерялись, они должны были оставаться подъ ихъ личной опекой и выдаваться подъ расписку, съ отмѣткой времени возвращенія въ особой книжкѣ; храниться коньки будутъ въ штурманской рубкѣ. Косовъ сіялъ отъ восторга, Бакунъ сдержанно поблагодарилъ, т. к. вѣроятно не думалъ лично ими пользоваться. Каютъ-компанія торжественно, но скромно за обѣдомъ отмѣтила день Рождества Христова; кое-кто былъ въ отпуску, а кто на берегу въ кругу своей семьи. Зато Новый 1914 годъ встрѣтили полнымъ сборомъ, присутствовали всѣ, не уѣхавшіе въ отпускъ. Отсутствующіе прислали новогоднія пожеланія. Командиръ былъ въ отпуску и, будучи еще весной 1913 г. произведенъ въ капитаны 1-го раінга, ожидалъ назначенія на большой корабль; слухи ходили о назначеніи его на одинъ изъ сосѣднихъ крейсеровъ. За новогоднимъ ужиномъ, въ общей дружеской бесѣдѣ, тосты и пожеланія потонули въ волнахъ воспоминаній и какъ заключительный эпизодъ, мы вспомнили недавній случай съ «Новикомъ» въ Штеттинѣ, когда мы собирались затопить его поперекъ Одера. Теперь намъ сталъ болѣе яснымъ приказъ командира «сдать секретные документы въ Посольство въ Берлинѣ» лѣтомъ 1913 г. — это былъ кризисъ между Россіей и Германіей въ связи съ 2-ой Балканской войной. Многое еще вспоминали мы, и Новый Годъ насчитывалъ уже доб-

рыхъ пять часовъ, когда мы разошлись по каютамъ, чтобы въ 8 час. утра вновь начать судовую службу. Такъ прошли быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ праздники и, не успѣли мы забыть ихъ, какъ новое событіе взволновало нашу обыденную жизнь. Вернулся изъ отпуска командиръ и сообщилъ намъ, что онъ вскорѣ покидаетъ «Новикъ», т. к. назначается командиромъ крейсера «Адмиралъ Макаровъ», а въ командованіе «Новикомъ» вступитъ кап. 2 р. Петръ Петровичъ Палецкій.

20 января, выстроившись на шканцахъ, экипажъ «Новика» былъ представленъ новому командиру, который, обойдя фронтъ и поздоровавшись, сказалъ краткую, сердечно-дружескую рѣчь командѣ, окончивъ ее пожеланіемъ успѣшной совмѣстной работы на славу Родины и Флота. Теперь на «Новикѣ» прибавился еще одинъ Артурецъ. Спокойный, невозмутимый, неразговорчивый на мостикѣ, но всегда пріятный, товарищески-обходительный въ другое время, онъ быстро заслужилъ наше уваженіе. Намъ — молодымъ онъ былъ знакомъ еще съ лин. кор. «Слава» на которомъ мы плавали въ отрядѣ корабельныхъ гардемаринъ, П. П. Палецкій былъ сначала помощникомъ, а затѣмъ старшимъ офицеромъ на «Славѣ» и имѣлъ репутацію превосходнаго штурмана — въ 1899-01 г.г., на клиперѣ «Разбойникъ» онъ совершилъ переходъ изъ Кронштадта въ Портъ Артуръ подъ парусами. Для насъ онъ сочеталъ въ себѣ морского паруснаго волка и современнаго боевого командира.

Какъ только официіальная сдача и пріемъ закончились, мы немедленно устроили пышныя проводы кап. 1 р. Д. Н. Вердеревскому и лейт. М. М. Максимовичу, тоже переходившему на кр. «Адмиралъ Макаровъ». За прощальнымъ обѣдомъ имъ обоимъ «на память» каютъ-компанія «Новика» подарила серебряныя чарочки съ выгравированнымъ именемъ и флюгаркой «Новика», датами ихъ службы на кораблѣ и ихъ фамиліями. Такъ заведена была одна изъ традицій «Новика» — дарить чарочки уходящимъ. На должность ревизора, вмѣсто М. М. Максимовича, какъ и слѣдовало ожидать, былъ назначенъ съ крейсера «Баянъ» мичманъ П. А. Бергштрессеръ, котораго мы встрѣтили какъ своего, такъ какъ онъ часто бывалъ раньше у насъ.

Зима продолжалась. Окончивъ дневную службу на кораблѣ, мы проводили свободное время на берегу, пользуясь

скромными развлеченіями губернскаго города. Ихъ было не такъ много: прежде всего дома родныхъ и друзей, затѣмъ кино, театръ, концерты, спортъ — коньки, танцы. Съ Д. Н. Ѳедотовымъ мы часто посѣщали семью Г. К. Кравченко и, боясь стать докучливыми, часовъ около 10 возвращались на корабль. Таково было наше незатѣйливое времяпрепровожденіе этой зимой, спокойствіемъ которой мы, молодежь, наслаждались. Намъ казалось все легко и никакіе страхи грядущихъ напастей насъ не безпокоили — на нашу долю выпало жить по Морскому уставу и исполнять приказанія начальства. А оно, между тѣмъ, въ тишинѣ и секретѣ выполняло заданія, полученныя изъ Большого Штаба, по разработкѣ нѣкоторыхъ деталей плана мобилизаціи на случай войны. «Помни войну ! . .» — и адмиралъ Эссенъ помнилъ. Онъ заставлялъ помнить и работать самыя малыя единицы его морскихъ силъ, двигая впередъ готовность своего дорогого дѣтища — флота.

Насладившись «зимней спячкой» съ ея береговыми удовольствіями, мы стали чувствовать какой-то зудъ и тяготѣніе къ морскому простору; солнце сильнѣе пригрѣвало, воздухъ былъ наполненъ ароматомъ весны, наступало время приняться вновь за работу и, какъ только прозвучало гдѣ-то «весна! открывается первая рама», мигомъ на верхней палубѣ были сняты деревянныя рубки, защищавшія отъ холода входы въ жилыя помѣщенія, пошла чистка по всему кораблю, мытье, окраска помѣщеній . . . кончено съ этимъ. Былъ выбранъ солнечный, маловѣтренный день и авраломъ, въ нѣсколько часовъ, «Новикъ» былъ выкрашенъ отъ клотиковъ до ватерлиніи.

Кончились отпуска, люди вернулись изъ зимнихъ школъ, закипѣла дѣятельность по всѣмъ спеціальностямъ. Стало какъ-то чувствоваться бодрѣе. Начался тщательный просмотръ и приготовленіе всѣхъ механизмовъ передъ пускомъ ихъ въ дѣйствіе; послѣ «зимняго сбереженія» орудія, минные аппараты, мины Уайтхеда были приведены въ боевую готовность и, черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли «Новикъ» былъ готовъ выйти въ море на пробу механизмовъ. Къ этому времени 1-ая Бригада Крейсеровъ вытянулась изъ военной гавани на внѣшній рейдъ. «Новикъ» осиротѣлъ, оставшись на нѣкоторое время одинокимъ, но вскорѣ дивизіоны миноносцевъ запрудили гавань, по-очереди приходя для прохожденія курса артиллерійскихъ стрѣльбъ.

Эти весна и лѣто для «Новика» должны были быть полны напряженія силъ. Только осенью 1913 года, зачисленный въ Балтійскій флотъ, онъ былъ совершеннымъ новичкомъ по сравненію съ миноносцами 1-ой и 2-ой Минной Дивизіи, изъ года въ годъ тренировавшихся въ боевыхъ маневрированіяхъ, стрѣльбахъ минами и изъ орудій, сигнализаціи, и намъ требовалось догнать ихъ въ этомъ и, конечно желательно перегнать: не хотѣлось новиковцамъ «ударить лицомъ въ грязь» передъ прочими миноносцами и мы должны были напрячь всѣ свои силы и способности, чтобы выдержать испытанія не хуже другихъ и, ко времени маневровъ (конецъ іюля, августъ), быть готовыми принять участіе въ нихъ, а не оставаться только зрителями совершающагося. Тренировка наша раздѣлялась въ главномъ на части артиллерійскую, минную, механическую и чисто-морскую — навигаціонно-тактическую; кромѣ того надлежало надраить всю команду ихъ индивидуальнымъ обязанностямъ, исполняемымъ по разнымъ тревогамъ: боевой, пожарной, водяной, человѣкъ за бортомъ и проч. Окончивъ всѣ провѣрки и необходимыя приготовленія къ продолжительному дѣйствію всего сложнаго механическаго аппарата, запасшись нефтью и провизіей, «Новикъ» отдалъ береговые швартовы, поднялъ якоря и, покинувъ военную гавань, вышелъ на пробный пробѣгъ для главныхъ турбинъ, предварительно уничтоживъ девіацію и опредѣливъ остаточную. Нашей задачей было подробное ознакомленіе со шхерами отъ Гогланда до Або и всѣмъ Аландскимъ архипелагомъ, пройти все это не только малымъ, а и наибольшимъ допустимымъ ходомъ, а также пройти по вновь открываемымъ фарватерамъ для глубокосидящихъ судовъ, умѣть распознавать входы въ шхеры, какъ обыкновенные, такъ и стратегическаго значенія во всякую погоду, днемъ и ночью. Все это требовало навыка, связаннаго съ многочисленнымъ повтореніемъ входовъ и выходовъ, и налагало большую отвѣтственность на командира и штурманскую часть, въ особенности въ обстановкѣ военнаго времени, когда всѣ огражденія опасностей мирнаго времени снимались. Однако, все это намъ было не страшно — у насъ былъ опытный командиръ, который, на эск. мин. «Расторопный» (1910-11 г.г.) и «Финнъ» (1911-12-13 г.г.) исходилъ шхеры вдоль и поперекъ; единственно къ чему необходимо было приспособиться это къ длинѣ корабля и большой циркуляціи по сравненію съ прежними миноносцами.

По артиллеріи намъ нужно было начать «съ азовъ», т. е. пройти всѣ стадіи стрѣльбы для комендоровъ, начиная со стрѣльбы дробинками и кончая состязательной стрѣльбой на скорость по неподвижнымъ щитамъ опредѣленнымъ числомъ снарядовъ (10), когда подсчитывалось число попаданій въ щитъ и время, употребленное на выпускъ 10 снарядовъ. Послѣ этихъ стрѣльбъ практиковались командиръ, артиллерійскій офицеръ и плутонговые командиры въ стрѣльбѣ по неподвижнымъ и движущимся щитамъ на разныхъ дистанціяхъ, разныхъ курсовыхъ углахъ и скоростяхъ хода. Стрѣльбы эти происходили въ Ревельской бухтѣ вблизи о-ва Карлосъ, являвшійся какъ бы нашимъ морскимъ учебнымъ полигономъ, облюбованнымъ уже много лѣтъ Учебнымъ Артиллерійскимъ Отрядомъ.

Учебная стрѣльба минами Уайтхеда и постановка минъ загражденія было другое занятіе, требовавшее другого воднаго простора. Такимъ удобнымъ мелководнымъ пространствомъ являлся Транзундскій рейдъ, близъ Выборга, которымъ пользовался Учебный Минный Отрядъ. Самодвижущіяся мины были многоцѣнны и требовали значительнаго времени для ихъ производства. При практической стрѣльбѣ онѣ иногда терялись, поэтому, послѣ учебной стрѣльбы они вылавливались и ими пользовались еще многократно. Случалось, что самая маленькая неисправность въ механизмѣ мины заставляла ее погрузиться на дно и, чтобы знать мѣсто на днѣ, въ зарядное отдѣленіе вставлялся специальный патронъ съ кальціемъ-карбидомъ, выдѣлявшимъ, при соединеніи съ водой, воспламеняющійся на поверхности газъ (ацетиленъ). Такимъ образомъ указывалось мѣстонахожденіе мины. Вотъ почему и требовалось мелководное пространство, чтобы водолазы, не рискуя жизнью, могли бы утонувшую мину разыскать, остропить и поднять на поверхность. Все вышесказанное относится, по тѣмъ же причинамъ, и къ минамъ загражденія, потонувшимъ во время ученія. Транзундскій рейдъ былъ весьма обширенъ и позволялъ стрѣлять минами на ходу.

Что же касается механической части, то практика въ обращеніи съ турбинами и котлами, сама-собой, была всегда на ходу, и для нея не требовалось спеціальнаго времени и мѣста.

Этими двумя водными пространствами вѣдали учебные отряды — Артиллерійскій и Минный. Они являлись хозяева-

ми необходимаго оборудованія и матерьяльной части, всѣ же прочіе корабли и миноносцы пользовались, съ удобствомъ и минимумомъ заботъ, всѣмъ готовымъ, появляясь по расписанію на короткій срокъ для прохожденія практическихъ стрѣльбъ.

«Новикъ», всю требующуюся отъ него тренировку проходилъ какъ бы по расписанію урочной системы: то шхеры, то стрѣльба, то постановка или стрѣльба минами, а на походахъ производились «тревоги». Еще никогда время не неслось быстрѣе. Среди усиленной работы, почти для насъ незамѣтно, старшій офицеръ князь Д. Н. Голицынъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и покидалъ «Новикъ», будучи назначенъ наблюдающимъ за постройкой строющихся миноносцевъ типа «Новикъ», минный офицеръ С. М. Петровъ былъ произведенъ въ старшіе лейтенанты, а мичманъ Д. И. Ѳедотовъ въ лейтенанты. Мы скромно отмѣтили эти событія, занятые служебными заботами, да еще на походѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, когда мы забѣжали въ Ревель, 7 мая явился новый старшій офицеръ старшій лейтенантъ Михаилъ Андреевичъ Бабицынъ. По случаю смѣны «старшихъ» былъ устроенъ традиціонный прощальный обѣдъ Д. Н. Голицыну и ему была поднесена серебряная чарка. Сдача и пріемъ должности старшаго офицера заняли недолгое время, т. к. всѣ спѣшили по своимъ назначеніямъ, а корабль по выполненію программы тренировки.

На всѣ эти весеннія и лѣтнія упражненія мы уже не брали гарантійнаго механика Herr'a Hundt'a чему, конечно, онъ былъ радъ, а мы были освобождены отъ нежелательнаго наблюденія за всѣмъ происходившимъ въ Балтійскомъ морѣ.

Всецѣло занятые выполненіемъ «программы», мы были далеки отъ всего, что происходило, даже, можно сказать, подъ самымъ носомъ у насъ. Все же мы узнали, что въ Кронштадтъ прошелъ отрядъ англійскихъ крейсеровъ дреднаутовъ подъ флагомъ адмирала Битти. Слышали мы про элегантную яхту, шедшую въ кильватеръ эскадрѣ, принадлежавшую супругѣ адмирала. Ожидалось также, въ ближайшемъ будущемъ, посѣщеніе французскимъ президентомъ Петербурга. За послѣдніе годы происходило такое движеніе среди коронованныхъ и высокопоставленныхъ особъ, посѣщающихъ другъ друга или посылавшихъ полномочныхъ представителей для переговоровъ, такъ какъ политическая обстановка все время измѣнялась, — чувствовалась какая-то неустойчивость, всѣ ждали ка-

кой-то развязки . . . И вотъ, она наступила . . . Совершенно неожиданно, 28 іюня 1914 года, въ Сараево былъ убитъ Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Австро-Венгрія предъявила непріемлимый Сербіи ультиматумъ, требующій отвѣта въ 2-хнедѣльный срокъ.

Мы всѣ на «Новикѣ» разомъ почувствовали, что война неизбѣжна, но съ кѣмъ? Въ каютъ-компаніи, въ свободное время, отчаянно спорили, горячо обсуждали, строили предположенія, какъ поступитъ Сербія и что будетъ съ ней. Всѣ были увѣрены, что Германія ввяжется и горько печалились за крейсера «Адмиралъ Невельской» и «Муравьевъ Амурскій», строившіеся въ Данцигѣ.

7 іюля на крейсерѣ „La France“ французскій президентъ Пуанкарэ прослѣдовалъ въ Кронштадтъ для свиданія съ Государемъ. Пуанкарэ провелъ три дня въ Петербургѣ. 12/25 іюля срокъ ультиматума истекъ. Сербія отвергла его, дипломатическія сношенія были прерваны и мобилизація объявлена.

«Новикъ» въ эти дни былъ въ Ревелѣ. Подъ вечеръ 12/25 іюля командиръ получилъ секретный пакетъ изъ Штаба Командующаго Морскими Силами. Немедленно старшій офицеръ и стар. инженеръ механикъ получили приказаніе: «къ полночи быть готовыми къ походу — съ полночи съ 12 на 13 іюля Балтійскій флотъ начинаетъ маневры», — такъ командиръ информировалъ офицеровъ и команду. Начался авралъ. Намъ, «Новиковцамъ» впервые приходилось участвовать въ маневрахъ; мы срочно приняли полный запасъ нефти и на недѣлю провизіи.

Точно въ полночь «Новикъ» вышелъ изъ гавани и, безъ огней направился къ указанному Командующимъ Морскими силами пункту, въ завѣсу на линію маяковъ Такхона-Бенгшеръ; за нами, какъ тѣнь скользила 1 Бригада Крейсеровъ, тоже идущая въ завѣсу. Была чудесная лѣтняя ночь, съ берега дулъ легкій вѣтерокъ, принося ароматъ цвѣтущихъ полей. «Новикъ» находился далеко впереди 1-ой Бригады Крейсеровъ, несшихъ завѣсу поперекъ Финскаго залива.

Вдругъ — «Ваше-скородіе, ваше-скородіе! — Что-то взорвалось невдалекѣ отъ Оденсгольма!» — «Гдѣ»? — «Слѣва отъ носа румбовъ пять, видите?!» — указывалъ пальцемъ вахтенный сигнальщикъ». Вахтенный начальникъ вскидываетъ бинокль и видитъ около маяка Оденсхольмъ море кипитъ, вздымается цѣлыми фонтанами, громадный водяной конусъ

круговращаясь растетъ, стараясь слиться съ противолежащимъ ему воронкообразнымъ темносвинцовымъ конусомъ тяжелой тучи, который тянулся съ небесъ къ водяному столбу. «Да это не взрывъ, это зарождающiйся смерчъ», — объясняетъ вахтенный начальникъ сигнальщику, никогда не видавшаго этого грознаго явленiя природы. «Иди, доложи командиру, сообщи г. г. офицерамъ и командѣ». «Вотъ, смотри, онъ уже разсыпается», — указалъ вахтенный начальникъ вернувшемуся сигнальщику. «Такъ точно, разсыпается, но вотъ тамъ, дальше, видно другой начинается», — замѣчаетъ сигнальщикъ . . . Дѣйствительно, вблизи маяка Оденсхольмъ зарождались и разсыпались еще нѣсколько начатковъ смерчей. Командиръ, офицеры и команда съ большимъ интересомъ наблюдали это, весьма рѣдкое въ нашихъ водахъ, явленiе природы.

15 iюля мы узнали, что Австрiя объявила войну Сербiи. Грозные призраки войны приближались къ намъ. Мы напряженно ждали, какъ развернутся событiя. Было ясно, что мы не на маневрахъ и что мы не даромъ уже нѣсколько дней сторожимъ входъ въ Финскiй заливъ. Мы уже израсходовали значительную часть запаса нефти, и приходилось думать о пополненiи ея. Въ полночь съ 16 на 17 iюля вахтенный радiотелеграфистъ принялъ радiо «дымъ, дымъ, дымъ», условно означавшее объявленiе мобилизацiи Балтiйскаго флота. По ней всѣ корабли должны были свести на берегъ всѣ излишнiе горючiе матерьялы. Работа эта, удачно для насъ, совпала съ отправкой «Новика» принять нефть, и мы выгрузили все излишнее на приготовленную для насъ баржу въ Ревелѣ.

Возобновивъ запасъ нефти и провизiи, «Новикъ» вернулся на свой постъ въ завѣсѣ и, съ этихъ поръ, получилъ инструкцiю останавливать и осматривать всѣ коммерческiе пароходы, задерживалъ ихъ если нужно, и направлялъ въ Балтiйскiй портъ. «Новику» теперь пришлось носиться отъ одного парохода къ другому, такъ какъ иной разъ ихъ появлялось сразу нѣсколько, приходящихъ и уходящихъ. Эта дѣятельность сильно оживила нашу службу въ завѣсѣ.

Находясь уже почти недѣлю въ морѣ, мы получали приказанiя отъ Начальника 1-ой Бригады Крейсеровъ, который казалось намъ, не былъ словоохотливъ и ничего существеннаго или важнаго не сообщалъ, а можетъ быть и самъ ничего не зналъ. Положенiе въ Европѣ становилось все серьезнѣе и

серьезнѣе. Политическія событія развивались, а мы, находившіеся ближе всѣхъ къ врагу, были совершенно неосвѣдомлены. Такое положеніе, конечно, отражалось на самочувствіи командира, который наружно не обнаруживалъ безпокойства, глубоко вѣря, что адмиралъ Эссенъ въ нужную минуту освѣдомитъ насъ. А тѣмъ временемъ мы съ ногъ сбивались, гоняясь за купцами. Однимъ мы были довольны — погодой, продолжавшей быть благопріятной.

Наступило 18 іюля. Раннимъ утромъ спѣшно взбѣжалъ на ходовой мостикъ вахтенный радіотелеграфистъ и вручилъ командиру открытое радіо: «Молнія, молнія, молнія». Немедленно стали искать въ шифровальномъ кодѣ, но ничего въ немъ не нашли. Царило полнѣйшее недоумѣніе, что это радіо могло значить? Думали, не пропустилъ ли принимавшій конца его, когда онъ торопился доставить радіо и, чтобы въ дальнѣйшемъ ничего не пропустить, нарядили спеціальнаго разсыльнаго съ приказаніемъ немедленно доставлять всѣ полученныя радіо на ходовой мостикъ вахтенному начальнику. (Впослѣдствіи это таинственное радіо разъяснилось. Оказалось, что при личномъ свиданіи Начальникъ Морского Генеральнаго Штаба вице-адмиралъ Русинъ и Командующій Морскими Силами Балтійскаго моря адмиралъ Эссенъ условились, что когда надо будетъ ставить Центральное минное загражденіе (Наргенъ-Поркаллаудъ), то А. И. Русинъ увѣдомитъ Н. О. Эссена однимъ словомъ — «молнія». Никакихъ шифрованныхъ телеграммъ не потребуется, никакой задержки или ошибки въ шифровкѣ не произойдетъ, и, рѣшительно никто не будетъ знать значенія этого радіо).

Съ этого момента, до сего безмолвствовавшее радіо было все время занято. Часа черезъ полтора послѣ «Молніи» было получено новое радіо: «Огонь, огонь, огонь», означающее начало военныхъ дѣйствій. Но съ кѣмъ война, кто нашъ врагъ?

Около 7 час. утра адмиралъ Эссенъ далъ шифрованное радіо: «Приступаю къ постановкѣ главнаго миннаго загражденія».

А врагъ все еще не объявленъ. Всѣ недоумѣваютъ. Да не фантазія ли все это, не грезится ли намъ все это? Но нѣтъ, радіо говоритъ другое, да и мы видимъ, какъ работаетъ гидрографическая партія, снимая срочно всѣ оградительные знаки, вѣхи и буи, отъ Дагерорта и Бенгшера, вглубь Финскаго залива, вплоть до Центральнаго загражденія.

Мы попрежнему въ завѣсѣ съ крейсерами, весь остальной флотъ собирается къ Центральной позиціи, готовый отразить врага. Уже въ темнотѣ намъ передали съ флагманскаго корабля семафоромъ, что Германія объявила войну Россіи.

Трудно описать охватившій людей подъемъ, когда съ ходового мостика командиръ объявилъ столпившейся на палубѣ командѣ разобранный семафоръ объ объявленіи Германіей войны Россіи. Изъ всѣхъ устъ вырвалось единодушно громовое ура!

Такъ для эск. мин. «Новикъ» началась Первая Великая Война 1914 г.

* * *

Прошло почти полвѣка послѣ описанныхъ событій. Пройдетъ еще столько же, и все что нами было пережито и перенесено, всѣ страданія, геройскіе подвиги, превратятся въ легенду, сказку, запечатлѣнную на бумагѣ въ сказаніяхъ очевидцевъ. Дѣйствительность будетъ искажена «историческими» описаніями событій, правда будетъ смѣшана съ вымысломъ и въ такомъ видѣ поднесена читателямъ.

Наши потомки, знакомясь съ нашимъ временемъ по книгамъ и воспоминаніямъ, будутъ представлять себѣ, и, можетъ быть, съ завистью думать, что мы жили въ очень интересную эпоху, какъ и мы, читая историческія книги и воспоминанія очевидцевъ-участниковъ 1812 года, думали подобнымъ образомъ.

Вспоминая вкратцѣ все пережитое нами на «Новикѣ», начиная съ 1911 года до конца 1916 года, мнѣ хотѣлось бы перечислить здѣсь всѣхъ участниковъ, этихъ славныхъ людей, честно раздѣлявшихъ всѣ труды, горести и радости. Но, къ глубокому огорченію, память мнѣ сохранила лишь нѣкоторыя ихъ имена и я, съ чувствомъ братской любви, вспоминаю: Кондукторовъ: Попова, Тихомірова, Анцыферова; боцмана — Костенскаго, боцманматовъ — Левина, Самусевича, рулевого боцманмата Бакуна, рулевыхъ — Гуменюка и Копылова, сигнальнаго боцманмата — Косова, сигнальщика — Лисенкова, артиллерійскаго ун.оф. 1 ст. — Грабовскаго, матроса 1 ст. Гузь, миннаго машиниста Щукина, машиннаго ун.

оф. 1 ст. Горбунова, кочегарнаго ун. оф. 1 ст. Журавлева, кочегара Скоробогатаго, подшхипера Мороза, минно-машиннаго содержателя Добрынина.

Вѣчная память имъ, вѣрнымъ русскимъ людямъ!

ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ Э. М. "НОВИКЪ"

	1911	1912	1913
Командиръ корабля	Кап. 2 р. Дмитрій Николаевичъ Вердеревскій	онъ же	онъ же и кап. 2 р. Петръ Петровичъ Палецкій
Старшій офицеръ		Стар. лейт. Дмитрій Николаевичъ князь Голицынъ	онъ же
Минный офицеръ		Лейтенантъ Сергѣй Михайловичъ Петровъ 6-ой	онъ же
Артиллерійскій офицеръ		Мичманъ Дмитрій Ивановичъ Ѳедотовъ 2-й	онъ же
Штурманскій офицеръ		Мичманъ Сергѣй Бутомо	онъ же и мичманъ Николай Владиміровичъ Кемарскій
Ревизоръ		Мичманъ Михаилъ Михайловичъ Максимовичъ	онъ же и мичманъ Павелъ Николаевичъ Бергштрессеръ
Старшій Инженеръ Механикъ	Инж. мех. к-танъ Григорій Ксенофонтьевичъ Кравченко	онъ же	Инж. мех. кап. 2 р. Григорій Ксенофонтьевичъ Кравченко
Младшій Инженеръ-Механикъ		Инж. мех. мичманъ Владиміръ Феофиловичъ Квасницкій	онъ же и Инж. мех. мичманъ Алексѣй Ильичъ Грибовскій

Книга Г. К. Графа «На Новикѣ» описываетъ все дальнѣйшее совершившееся на немъ въ теченіе войны 1914-1917 г.г..

Конецъ.

Н. В. Кемарскій.

Н. Гуляевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

БИБЛІОГРАФІИ МОРСКОГО ДѢЛА.

Подъ такимъ названіемъ книгопродавецъ Николай Гавриловичъ Мартыновъ помѣстилъ, въ «Морскомъ Сборникѣ» отъ 1902 года № 10, объявленіе, какъ составитель и издатель росписи книгъ и брошюръ исключительно по морскому дѣлу.

Русская морская литература имѣетъ свое начало съ 1701 года. **Первая книга** была переведена на церковно-славянскій языкъ и напечатана въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: **Книга учащая Морского плаванія,** которую издалъ Шыперскій мастеръ и учитель Авраамъ Деградъ — по Указу Великаго Государя Петра Алексѣевича, отъ латинскаго языка переведе на славянскій діалектъ Илья Копіевскій въ 1701 г. Ноемврія въ 24 день напечаталъ Авраамъ Бреманъ.

Вторая книга также переведена и напечатана въ Москвѣ: **Арифметика сиречь наука числительная съ разныхъ діалектовъ на Славянскій языкъ** переведенная Л. Магницкимъ — издана по повелѣнію Петра Великаго. Москва 1703.

Первый оригинальный трудъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ: **Разговоръ Адмирали съ Капитаномъ о командѣ. Или ученіе какъ управлять кораблемъ** — Учинилъ отъ флота Капитанъ Кононъ Зотовъ. Напечатано повелѣніемъ Императорскаго Величества, въ Санктпетербургской Академической Типографіи Августа въ 16 день 1724 г.

Родоначальникомъ русской Морской Библіографіи считается **А. П. Соколовъ,** котораго трудъ отпечатанъ въ Запискахъ Гидрографическаго Департамента 1847-1852 г.г. Крашенинниковъ, Редакторъ Морского Сборника.

Со времени царствованія Петра Великаго до начала царствованія Александра I, т. е. съ 1701 по 1801 годъ, было издано 83 книги и послѣдняя книга составляетъ опытъ Морского Журнала и издана подъ названіемъ **«Морскія Записки».** Трудъ А. П. Соколова былъ отпечатанъ въ 1847 году.

МОРСКІЯ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Эти повременныя морскія изданія выходили въ неопредѣленные сроки и состояли изъ различныхъ статей. Первые опыты морскихъ журналовъ были:

1. **Морскія записки или собраніе всякаго рода касающихся вообще до мореплаванія сочиненій и переводовъ, издаваемы при Государственной Адмиралтейской Коллегіи Комитетомъ А. Шишковъ.** Спб. 1800. 4. 325 стр.

Идея записокъ была отпечатана вмѣстѣ съ частью статей въ 1800 г. Книга же вышла въ 1801 г. Слѣдующихъ томовъ не издавалось.

2. Въ 1805 году было учреждено Морское Министерство и тогда появилось изданіе: **Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ Мореплаванію, Наукамъ и словесности.** Спб. Части: 1-я 1807, 2-я 1808, 3-я 1815, 4-я 1820, 5-я 1823, 6-я 1824, 7-я 1824, 8-я 1825, 9-я 1825, 10-я 1828, 11-я 1828, 12-я 1827 и 13-я 1827 г. Редакторомъ ихъ съ 1-ой по 3-ю былъ правитель канцеляріи А. С. Никольскій. 4-ой и 5-ой части былъ профессоръ Гроздовъ, который умеръ въ 1823 г.. Затѣмъ продолжалъ редактировать А. С. Никольскій.

3. Въ 1827 г. Адмиралтейскій Департаментъ былъ упразднен и былъ учрежденъ Ученый Комитетъ, непремѣнными членами котораго были контръ-адмиралы Крузенштернъ и Беллингаузенъ, ген. майоръ Головнинъ и дѣйств. стат. совѣтникъ Никольскій. Стали издаваться **«Записки Ученаго Комитета морского Штаба Его Императорскаго Величества»**. СПБ. 8, 1828 по 1845 г. Всего вышло 17 частей. Въ первые три года вышло по двѣ части, потомъ по одной въ годъ, затѣмъ по одной части въ два года.

4. Затѣмъ издавались **«Записки Гидрографическаго Депо»** директоромъ онаго генералъ-лейтенантомъ Шубертомъ. СПБ. съ 1835-1837 г.г. 4. Всего вышло пять томовъ.

5. Затѣмъ слѣдуютъ **«Записки Гидрографическаго Департамента Морского Министерства, издаваемыя съ Высочайшаго разрѣшенія»**. СПБ. 8. 1842-1852 г.г. Всего вышло 10 томовъ весьма цѣнныхъ по своему содержанію. Представляетъ историческій матеріалъ, описаніе русскихъ прибрежьевъ, метереологическіе матеріалы и т. д.

6. **«Морской Обзоръ»** за 1867-1877 г.г. Изданіе Морского Вѣдомства, СПБ.

7. **«Морской Сборникъ»**, издаваемый подъ наблюденіемъ Ученаго отдѣленія Морского Техническаго Комитета. Началъ

издаваться съ 1848 г. Спб. Выходилъ ежемѣсячно книжками въ 8 д. л.

Въ 1855 г. въ непосредственное управленіе Морскимъ Министерствомъ вступилъ Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Съ образовательной цѣлью было обращено вниманіе на «Морской Сборникъ». Съ 1848 года журналъ состоялъ изъ небольшого числа книжекъ съ переводными и очень рѣдко оригинальными статьями. Объ отечественномъ флотѣ ничего не писалось, считая это тайной. Поэтому журналъ былъ мало интересенъ для офицера. Генералъ адмиралъ считалъ, что по выходѣ изъ корпуса образованіе не было закончено. Нужно было доставлять свѣдѣнія по спеціальности, сообщать свѣдѣнія о своемъ и иностранныхъ флотахъ и объ усовершенствованіяхъ въ морскомъ дѣлѣ, которыхъ каждый въ отдѣльности не могъ собрать. Поэтому журналъ былъ преобразованъ въ полезный журналъ съ широкой программой. За помѣщеніе въ немъ полезныхъ статей было установлено вознагражденіе, при чемъ за переводныя статьи платили меньше. Офицеры получали этотъ журналъ за умѣренную плату. Этотъ официіальный журналъ получилъ такія средства, которыя никто не имѣлъ. Вначалѣ была обязательная подписка на него — (3 рубля въ годъ), а съ 1861 года она была прекращена.

Въ періодъ реформъ Императора Александра II неофиціальная журналистика стала развиваться. Съ 1861 года появилась въ Кронштадтѣ морская газета «Кронштадтскій Вѣстникъ», выходившая три раза въ недѣлю. Морское Министерство избрало его своимъ «полуофиціальнымъ» органомъ и давало ему субсидію изъ суммъ, ассигнованныхъ на «Морской Сборникъ». Она выходила въ воскресенье, среду и пятницу. Въ газетѣ сотрудничали спеціалисты по всѣмъ отраслямъ морского дѣла.

Съ 1865 года, при поддержкѣ Министерства въ Николаевѣ стала выходить газета «Николаевскій Вѣстникъ».

Съ 1895 г. начала выходить вторая морская газета «Котлинъ». Въ ней также сотрудничали спеціалисты по всѣмъ отраслямъ морского дѣла. Въ теченіе года помѣщались въ газетѣ отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ Кронштадтскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Газета издавалась въ Кронштадтѣ и была еженедѣльной.

Въ прежнее время морскіе офицеры страшились попасть на замѣчаніе за литературныя занятія, теперь, (съ 1865 г.) дружно взялись за работу — разрабатывать различныя части морского дѣла. Доказательствомъ къ этому могутъ служить библіографическіе указатели и каталоги:

1. **Русская морская библіотека. 1701-1851.** Исчисленіе и описаніе книгъ, рукописей и статей по морскому дѣлу за 150 лѣтъ. А. П. Соколовъ. Второе изданіе подъ редакціей В. К. Шульца. Спб. 1883.

2. **Указатель статей «Морского Сборника» съ 1848-1872 гг.** И. Петровъ. Спб. 1875 г.

3. **Указатель статей «Морского Сборника» съ 1873-1882 гг.** Н. Зеленаго. Спб. 1883 г.

4. **Каталогъ атласовъ, картъ, плановъ, видовъ и руководствъ для плаванія** изданныхъ Гидрографическимъ Департаментомъ Морского Министерства.

5. **Указатель статей относящихся до «Пароходства»,** помѣщенныхъ въ русскихъ и французскихъ періодическихъ изданіяхъ съ краткимъ образомъ ихъ содержанія составилъ Н. Костенковъ съ подробнымъ предметнымъ указателемъ. 3 выпуска.

6. **Указатель статей повременныхъ изданій, предшествовавшихъ журналу «Морской Сборникъ».** Ив. Ив. Петровъ. Спб. 1881 г.

7. **Списокъ изданій Морского Вѣдомства — съ основанія Министерства по 1881 г.**

8. **Каталогъ эстамповъ, картъ и плановъ библіотеки Морского Министерства.** Спб. 1866.

9. **Каталогъ С.-Петербургской Модель-Камеры.** Изд. Морск. Вѣд. Спб. 1866.

10. **Русская библіографія Морского дѣла за 1701-1882 г.** включительно. Спеціальный каталогъ русскихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, относящихся до Морского дѣла — съ двумя подробными Алфавитными Указателями. СПБ. 1885 г.

11. **Библіографія «Морского Сборника».** Выбранъ отдѣлъ библіографіи изъ всѣхъ книжекъ Морского Сборника съ 1855 по 1882 отдѣльными брошюрами. Всего 300 брошюръ.

12. Въ началѣ статьи упоминалось имя Николая Гавриловича Мартынова, составителя и владѣльца книжнаго магазина въ Спб. на Александринской площади. Онъ объявилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» о составленіи имъ Полной Библіографіи Морского дѣла отъ Начала Русскаго флота до 1885 г. включительно. Морское Министерство одобрило эту роспись книгъ и брошюръ исключительно по морскому дѣлу. Въ этой росписи около 30.000 названій книгъ и брошюръ. Онъ пишетъ, что даже большинство спеціалистовъ не знаютъ литературы

по своему предмету. Онъ раздѣлилъ эту **«Роспись»** по слѣдующей схемѣ:

Отдѣлъ I. **Техника Морского дѣла.** I. Судостроеніе. II. Паръ и его примѣненіе. Пароходство. III. Гидротехника.

" II. **Морская практика.** I. Вооруженіе судовъ и кораблеуправленіе. II. Кораблевожденіе.

" III. **Мореплаваніе.** I. Гидрографія. Кругосвѣтныя путешествія. Экспедиціи. II. Кораблекрушенія. Спасательныя средства.

" IѴ. **Морская промышленность, торговля, общество и спортъ.** I. Коммерческій флотъ. II. Морскія общества — спортъ.

" Ѵ. **Морское образованіе.** I. Морское и военно-морское воспитаніе и обученіе. II. Вспомогательныя науки для морского образованія.

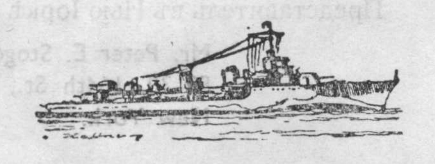
" ѴI. **Военно-морское дѣло.** I. Морская артиллерія. II. Минная часть. III. Военные форты и ихъ дѣйствія.

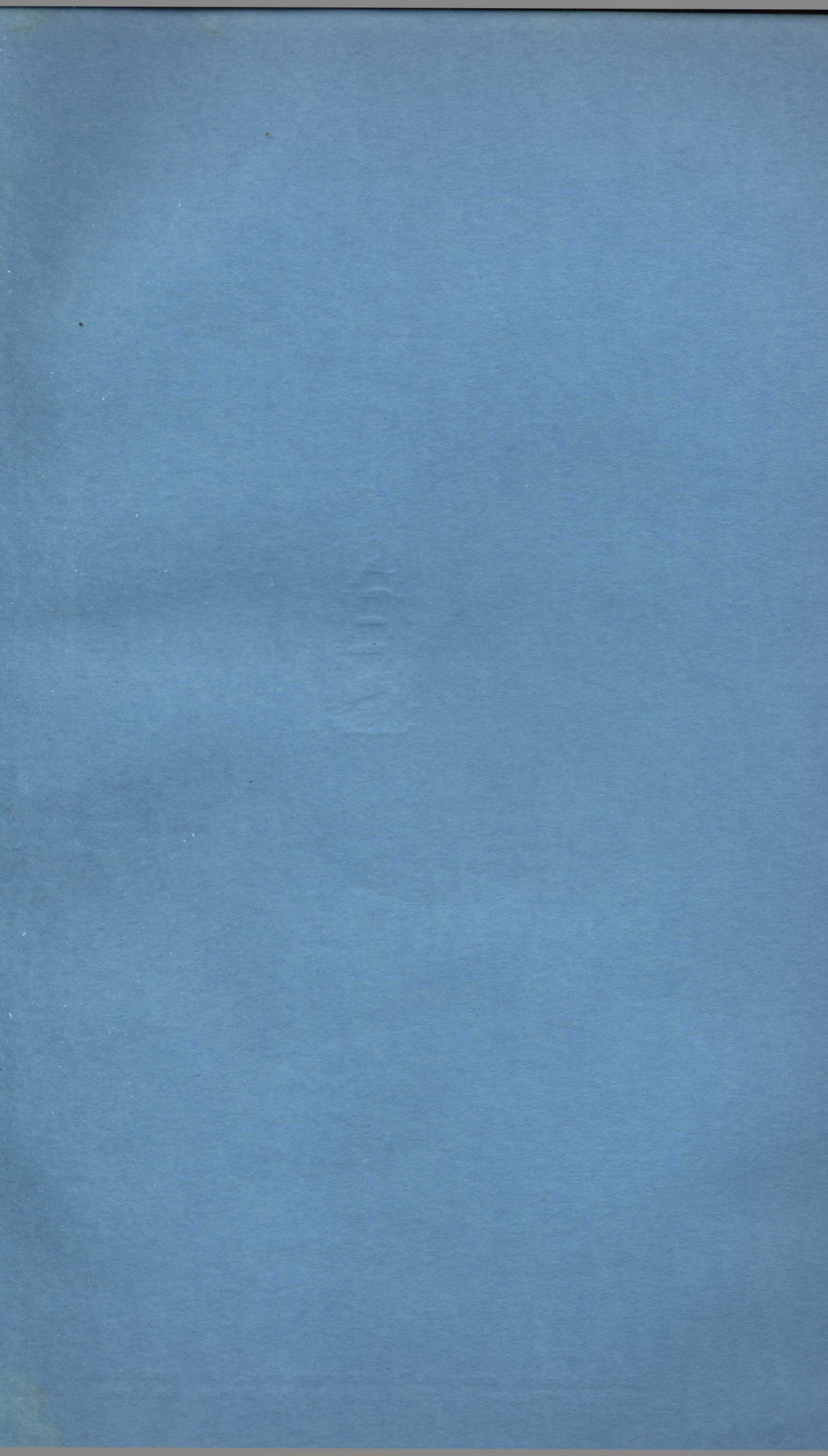
" ѴII. **Администрація.** Администрація. Законодательство. Благотворительность. Медицина.

Вся роспись издана въ 7 выпускахъ и стоитъ всего рубль. Отдѣльные выпуски продаются отъ 10 копѣекъ.

Составитель Н. Г. Мартыновъ на 16 страницахъ помѣстилъ объявленіе въ «Морскомъ Сборникѣ» и жалуется, что не встрѣтилъ сочувствія со стороны гг. читателей и занимающихся разработкою морского дѣла. Схему онъ заимствовалъ отъ И. М. Петрова.

«Морской Сборникъ» издавался до 1917 г. Затѣмъ сталъ издаваться послѣ революціи и послѣ 1939 г. былъ засекреченъ, т. е. не сталъ выходить заграницу.





Наборъ и тисненіе типографіи "Монастырская печать". Монреаль. Канада.
Printed by "Monastery Press" 86 Bloomfield Ave. Montreal, Que. Canada.